

Джеймс Филлис

Основы выездки и езды.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Любому человеку, увлеченному лошадьми, известно имя Джеймса Филлиса — величайшего берейтора, специалиста, сумевшего не только создать школу управления лошадью, используя личный опыт, но и оставить потомкам бесценные теоретические изыскания.

Менялись поколения конников, появлялись и проходили новые веяния в конном спорте, но созданное Джеймсом Филлисом учение оставалось основой основ.

Сделать это учение максимально доступным, изложенным на понятном нам языке — это непростая, но очень нужная и важная задача.

Московская федерация конного спорта от лица всех конников выражает глубокую признательность издательству «Центрполиграф», взявшемуся за адаптацию и переиздание знаменитого пособия прошлого столетия.

Данное издание рекомендовано и любителям, и профессионалам, в первую очередь — преподавательскому составу.

*Вице-президент МФКС,
генеральный директор КСК «Битца»,
кандидат экономических наук
А. В. Бакеев*

ПРЕДИСЛОВИЕ СПЕЦИАЛИСТА

В любом деле есть имена, которые звучат для сведущих в нем людей как музыка и с течением времени отнюдь не теряют своей яркости. Знания и достижения прославленных личностей становятся легендарными, и их авторитет постоянно подтверждается неугасающим интересом потомков. Все вышесказанное можно без малейших колебаний отнести к Джеймсу Филлису, виртуозному мастеру выездки, кумиру и наставнику многих поколений любителей лошадей. Его книгу вы сейчас и держите в руках.

«Основы выездки и езды» — это уроки, помогающие как начинающим, так и профессионалам, они служат великолепным справочником по вопросам ухода, кормления, содержания, выбора и прежде всего грамотного использования лошади и ее тренинга, несут интереснейшую информацию о традициях и правилах работы с лошадью в середине и конце XIX века.

Но сейчас век XXI, и не только стиль и шрифт оригинала этой книги безвозвратно устарели, но и некоторые правила, требования, предъявляемые к лошадям и езде на них, претерпели большие изменения. Прежде всего, современная зоотехническая наука дала в руки спортсменам и любителям великолепные породы полукровных лошадей. Изменились и требования к самой спортивной лошади. Другими стали правила проведения соревнований, да и элементы, выполняемые всадником, стали свободными и более естественными для лошади. Многие из представленных в книге глав сейчас актуальны только для артистов цирка, так как элементы, описанные в них, Международной федерацией конного спорта (ФЭИ) отнесены к элементам дрессуры и не используются спортсменами.

Именно поэтому мы взяли на себя смелость подробно прокомментировать главы этой книги с точки зрения современных достижений науки и спорта. Но есть страницы, читая которые вы найдете вечные истины. И пусть эта книга поможет вам пополнить ваш запас сведений по интереснейшей тематике, решить сложные проблемы, возникающие при работе с лошадью, и заглянуть в историю того великого знания, частицы которого вы сохраняете.

Примечание. Подробное разъяснение всех основных терминов, встречающихся в этой книге, вы найдете в «Справочнике по конному спорту и коневодству» Д.Я. Гуревича, вышедшем недавно в издательстве «Центрполиграф».

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Джеймс Филлис родился 27 декабря 1834 года в Лондоне. Отец его, Томас Филлис, был известный богатый адвокат, старинная контора которого пользовалась большой популярностью в Англии. Как все англичане, Томас Филлис был одержим страстью к лошадям и часто посещал скачки. В 1841 году отец умирает, и вдова-мать остается с семьей малолетними детьми, причем, как оказалось, состояние почти все потеряно в последние годы жизни отца, увлекающегося игрой на скачках. Джеймс Филлис говорил, что, не случись краха, не пришлось бы ему ездить верхом, так как нотариальная контора фирмы Филлиса переходила много поколений преемственно к старшему сыну.

Семилетний Джеймс попадает к другу отца, богатому владельцу лошадей, имевшему скаковую конюшню, где и проводит два года; знакомится, как наблюдательный мальчик, с уходом за лошадей и, находясь ежедневно среди грумов, жокеев и конюшенных мальчиков, приучается сидеть в седле на чистокровных полуторниках. По наследию отца любовь к лошади у маленького Джеймса развивалась в страсть, и после смерти его благодетеля, разорившегося на лошадях, Джеймс поступает в 1843 году к богатому конеторговцу Гри-нессу, оперировавшему на всех конских рынках Европы. Железных дорог тогда еще не было, и лошадей, выгрузив с судов в Гамбурге, отправляли походным порядком. Маленький Филлис в течение семилетнего пребывания у Гринесса перебивал на коне почти во всех главных городах Европы. Многоверстные переходы на чистокровном молодом скакуне сроднили юного Джеймса с конем, познакомили его со всевозможными породами, их характерами, дали возможность практически изучить все способы подчинения воле всадника своенравного животного. Обстоятельства жизни сложились так, что нельзя было отказываться сесть на непокорное животное, тем более что обращение с мальчиками было весьма бесцеремонное. Жизнь их ценилась в грош. Как сам Филлис рассказывал, родственники убитого лошадей мальчика, получив несколько стерлингов, считали себя совершенно удовлетворенными, признавая такой порядок вполне нормальным. Пылкий от природы, ловкий, сухощавый юноша, Джеймс с особым удовольствием садился на упрямого скакуна, от которого другие, что называется, открещивались. Подчинение своей воле необузданного нрава животного доставляло смелому юноше высшее наслаждение. Чаще всего Филлису приходилось бывать в Вене, где в конце сороковых годов он познакомился со знаменитым наездником Боше — кумиром знатоков езды того времени. При посещении Мадрида, Милана, Парижа и Берлина Филлис познакомился со многими манежными ездоками, работавшими лошадей для высшей школы, но то, что он увидел у Боше, поразило Филлиса в высшей степени. В особой главе своего сочинения он всесторонне рассматривает некоторые положения системы Боше.

Шестнадцатилетний Филлис поступает к известному тогда в Англии тренеру Асфорду, конюшня которого были в окрестностях Ньюмаркета — центра скакового мира. Здесь он участвует в скачках на ипподроме. Каждый конеторговец Англии имеет охотничьих лошадей, которых показывает для продажи только после того, как лошадь пройдет, так сказать, учебный курс охот. Для этого скакунов посылают под жокеями на парфорсные охоты, но скачут они в хвосте участвующей группы охотников до тех пор, пока лошадь хорошо ненапрыгается. В последующие охоты жокеи постепенно передвигаются ближе к головным охотникам, и, когда конь демонстрирует выдающиеся успехи, предлагают его к продаже и, конечно, продают за большие деньги. Таким образом, и в этой сфере работы лошади Филлису представлялось широкое поле для изучения на практике всех способов управления конем. Больше всего ему пришлось охотиться в Шантильи у герцога Д'Омаль.

Вращаясь среди любителей лошадей, Филлис попутно со скачками ознакомился и с системой выездки знаменитого Боше. В 1858 году в Берне секретарь французского посольства граф де Симеон, страстный спортсмен, дал Филлису в полное распоряжение свою лошадь англо-немецкого происхождения для выездки под высшую школу. Это был первый опыт. Переехав в Гавр, Филлис арендовал манеж, но, как любитель лошади, чуждый всяких коммерческих соображений, он не сумел вести дела и вынужден был переехать в Париж, где поступил в цирк и начал

выезжать лошадей для высшей школы, а также дрессировать на свободе. За время пребывания в цирке Филлис окончательно, так сказать, разработал систему выездки лошади и на чистокровных Жерминале и Маркире представил венец высшей школы. В 1890 году Филлис побывал в Берлине и Вене, где его появление на Жерминале, Маркире и Повэро было полным триумфом его системы. Восторги серьезных любителей верховой езды, по отзыву иностранных спортивных журналов, выражались громом аплодисментов и подношением всевозможного вида подарков и адресов. Внимание Австрийской Императорской четы неоднократно выражалось в личных одобрениях Джеймсу Филлису. Император Франц Иосиф подарил ему лучшего жеребца своего завода — серого Маэстозо. В России Джеймс Филлис в первый раз появился в С.-Петербурге в цирке Чинизелли осенью 1897 года, произведя фурор на Жерминале, Маркире, Повэро и Маэстозо. Бросались в глаза отличное рабочее тело чистокровных коней, правильность, отчетливость, красота и энергия их движений. Все четыре лошади, что называется, без сучка и без задоринки в ногах и сбережены в полном смысле слова. Вскоре Джеймсу Филлису была поручена для испытания его системы работа одной смены лошадей Императорской Придворной конюшни, давшая блестящие результаты, за что Джеймс Филлис был награжден орденом Св. Станислава III степени.

С 1898 года Филлис состоит в офицерской кавалерийской школе, где под его руководством и по его системе работают: офицеры постоянного состава школы, выезжая молодых лошадей для высшей школы верховой езды; офицеры старшего курса переменного состава школы, выезжая трехлетних кобыл государственных заводов; наездники старшего курса на ремонтных (три с половиной года) лошадях школы, выезжая их прямо на мундштуках.

В том, что система его дает блестящие результаты, мне пришлось убедиться в мае 1898 года, когда Филлис дал мне попробовать своего чистокровного каракового Повэро. Это настоящий шеренговый мерин, если ехать на нем, как ездят наши рядовые, — упершись в повод и распустив шенкеля; Повэро шел тогда широкой рысью с довольно сильным упором в повод. От постепенного усиления шенкеля* и смягчения повода Повэро пошел на всех аллюрах, что называется, в мягком поводу — унтер-офицерская или вахмистерская лошадь. От дальнейшего усиления шенкеля Повэро подобрал зад, повод шелковый, повиновение руке полное. Это лошадь, не дрессированная под высшую школу, как обыкновенно бывает в цирке, а идеально уравновешенная выездкой, а потому в отличном поводу, с широко выработанными аллюрами, смирна, поворотлива и покорна всаднику в полном смысле этого слова, и при этом отлично сбережена.

Несмотря на свои 66 лет, Филлис ежедневно работает высшей школой собственную молодую лошадь и ездит лошадей Его Императорского Высочества Августейшего Генерал-Инспектора кавалерии. Нужно быть личным свидетелем, чтобы оценить Филлиса как замечательного учителя езды. Сколько энергии и какое искусство проявляет он в минуты сопротивления коня воле всадника, какой решимостью горят его глаза, когда конь выказывает протест, и как расточительно ласков он с тем же конем каждый раз после хорошо исполненного им требования. Насколько он быстр в указаниях во время урока езды, может служить примером следующий случай. В Красном Селе гнедая кобыла при закидке опрокинулась под всадником и придавила его настолько, что вновь сесть на нее он не мог. Старик Филлис с легкостью юноши в один миг очутился в седле и энергичным настойчивым посылом хлыстом и шпорами тотчас привел кобылу в повиновение и полное послушание.

Оканчивая краткую биографию этого замечательного мастера искусства верховой езды, считаю нужным упомянуть, что Джеймс Филлис в ежедневных беседах с нами после езды проявляет всестороннюю начитанность человека образованного. Речь его дышит остроумием, чистой логикой здравого разума с непреклонной волей. Рассказы его рисуют человека, от наблюдательности которого не ускользнула ни малейшая подробность обстановки, в которой протекла его жизнь практика-труженика, и являют в нем великий талант натуралиста.

Начав самостоятельную трудовую жизнь без гроша в кармане, семилетний мальчик-сирота посвятил ее исключительно изучению лошади. Достигнув теперь громкой известности, обеспечив семью (жена и пятеро детей) совершенно достаточными материальными средствами, Джеймс Филлис доказал, что и в жизни своей, как и в принципе выездки лошади, он остается верен своему девизу — «en avant!» («вперед!»). Перевод сделан с согласия Джеймса Филлиса и по моей просьбе

моим двоюродным братом Александром Андреевичем Войцеховичем — серьезным знатоком лошади и верховой езды.

В присутствии Филлиса перевод прочитан генерал-майором Брусиловым и подполковником Химцом и одобрен начальником Петербургской офицерской кавалерийской школы генерал-лейтенантом Авшаровым.

Как друг и почитатель таланта моего учителя Джеймса Филлиса и желая ознакомить с его взглядами возможно большее число товарищей по любви к лошади и верховой езде, я решился редактировать и издать настоящую книгу, полагая привнести этим посильную лепту на пользу славной российской конницы.

Подполковник князь Багратион 1900 г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Филлис озаглавил свою книгу «Основы выездки и езды». У нас нет установившегося взгляда на верховую езду — большинство смотрит на нее как на праздное времяпрепровождение. Очень редко встретишь человека, который признает за верховой ездой право представлять собой искусство. Между тем она есть искусство, и искусство тем более высокое, что объектом его является живой и в некоторой, хотя для человека и мало понятной, степени одухотворенный организм — лошадь. Как всякое живое существо, каждая лошадь представляет собой особую единицу как в отношении строения тела, так равно и в отношении трудно уловимой для человека стороны интеллектуальной. Нормальные, более или менее рациональные, приемы воздействия на этот организм установлены, но применять эти приемы приходится, бесконечно видоизменяя их оттенки. В оттенках, как несколько раз повторяет Филлис, и заключается езда, — в оттенках и состоит искусство езды.

Всякое искусство имеет свои законы, а что имеет законы, имеет и свою философию. Сочинение Филлиса и представляет собой именно философию искусства езды и выездки.

Приемы, которые излагает Филлис, вообще очень просты и несложны, так как они основаны на глубоком понимании сущности лошади и того, что от нее требуется. Большинство приемов представляет собой приемы старой езды, бывшей в употреблении у нас до разгрома идей, преданий и народной мудрости, приобретенных тысячелетней историей, набегом невежества и проповеди легкоделия под флагом реализма шестидесятых годов.

Сущность и главное достоинство сочинения Филлиса заключается не в описании приемов, а в изложении сущности этих приемов, причин, почему они должны быть такими, цели их и результатов, ими достигаемых. При изложении каждого приема Филлис всегда приходит к их синтезу, то есть к постановке и ведению лошади в равновесии.

Равновесие лошади, как основа искусства езды, и сделалось предметом гонений новаторов шестидесятых годов. Никто из реформаторов о равновесии лошади понятия не имел, но (ничем иным объяснить себе явления не могу), подпав под гипнотическое влияние представителей проповеди разрушения эстетики, чуя в езде искусство, они обрушились на его внешние признаки, то есть равновесие. «Повод», как Филлис его называет, «сбор» сделался предметом косвенного, а мундштук прямого и отчаянного гонения. Создалась целая литература, предлагались даже новые универсальные снаряды для замены его.

В не таком далеком прошлом у нас было много отличных наездников и превосходных берейторов. К сожалению, верховая езда никогда не была у нас так распространена, как на Западе. Вследствие этого выдающиеся наездники и берейторы, так сказать, светили в безвоздушном пространстве и сгорали за свой собственный счет. Свет их никому не был нужен; материал для поддержки горения им никто не доставлял. Сходили они со сцены бесследно, не оставляя большей частью после себя никаких письменных трудов. Насколько мне известно, кроме старинного сочинения Бабинского и изданной в 1867 году книги моего друга и учителя Гешвенда, еще сколь-нибудь серьезного сочинения по искусству верховой езды на русском языке не имеется. Год от года мрак все более и более застилал эту отрасль искусства, и казалось, она совсем заглохла. Но все, что существует, имеет свою сущность, а сущность — вечна. Раз искусство верховой езды

появилось и развивалось на основании известных законов в стройную систему, то исчезнуть оно не может.

Состояние упадка, до которого у нас дошла верховая езда, послужило к пробуждению сознания о необходимости возрождения этого искусства. Этому сознанию я и приписываю тот интерес, который проявляется теперь как к самому Фил-лису, так и к его книге.

Книга Филлиса не есть руководство. Мало знакомый с лошады и ездой не только не извлечет из нее практических указаний для дилетантского применения его приемов, но и не поймет ее. Тем не менее прочесть и проштудировать эту книгу полезно всякому кавалеристу. Польза будет двоякая. Во-первых, прочтя ее, нельзя не почувствовать истину слов Филлиса, что для того, чтобы ездить при каких бы то ни было условиях, надо «уметь» ездить, а для того, чтобы уметь ездить, надо сначала приобрести шлюсс. Чтобы приобрести шлюсс, надо иметь терпение в продолжение долгого времени трястись рысью без стремян на тряских и сильных лошадях под руководством знающего учителя, то есть вернуться к тому, что, как опять-таки говорит Филлис, считали необходимым все мастера искусства верховой езды прежнего времени. Во-вторых, может быть, установится правильный взгляд на лошадь. Верховая лошадь прежде всего должна быть верховой, то есть такой, которая по складу своему может скорее и с возможно меньшим риском разрушения быть поставлена в строй. Следовательно, лошадь по природе своей должна иметь способность как можно легче для себя подводить зад под корпус, без чего равновесия достигнуть невозможно. Блажь на ганноверскую фальсификацию, кажется, остывает. Может быть, после изучения сочинения Филлиса начнет редеть и туман, напущенный спекуляцией. Все свои предложения и рассуждения Филлис излагает в высшей степени определенно и точно. Каждое выражение уместно и необходимо. Вследствие такого способа изложения при переводе книги я придерживался возможно ближе текста.

Войска Донского есаул Александр Войцехович

С. Сулимовка

11 марта 1900 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не берусь за изложение научных положений. Это не мое дело. Я ни более ни менее как практик, имеющий дело с лошады в продолжение пятидесяти лет. Я знаю лошадь, люблю ее и не могу о ней не рассуждать.

Мне было восемь лет, когда меня в первый раз посадили на лошадь. Жизнь моя ценилась недорого. Когда какая-нибудь лошадь начинала бить или показывать норы, со всех сторон поднимался крик: «Посадить мальчишку!»

Мальчишку сажали и — вперед. Мальчишка работал каблуками и хлыстом, бич делал свое дело. Мальчишка держался как мог и сколько мог, а когда он катился на землю, то его без церемоний опять втаскивали на лошадь.

Таковы были мои первые шаги на поприще наезднического искусства. С детства узнал я посыл, который впоследствии стал для меня бесконечно дорог.

Такое суровое, но в высшей степени полезное воспитание развило во мне с ранних лет уверенность в себе, крепость посадки и, позволю себе сказать, неустрашимость. Я никогда не задумываюсь, в случае нужды смело, но обдуманно схватываюсь с лошады.

Наступил период самообучения, а с ним пришли и его спутники: потемки, догадки, бесплодные усилия, заблуждения, которые всегда очень трудно сознавать, ошибки, иногда непоправимые, и советы, иногда и дурные. Во всем этом хаосе приходилось разбираться одному. Не многие переживают такое время не опустив рук. Время тяжелое, но зато и полезное.

Постоянные упражнения тренируют тело, разрабатывают его гибкость. Постоянная опасность приучает к необходимому хладнокровию. Наконец, постепенно приобретает шлюсс. Зарождается способность чувствовать лошадь.

С этого времени начал я отдавать себе отчет в каждом явлении, вдумываться в то, что намерен делать. Начал внимательно изучать приемы, изыскивать способы возможно тонкого их

применения, делать выводы, конечно часто слишком поспешные. Корректором являлся приобретенный практикой опыт.

В этом периоде искания истины судьба натолкнула меня на наставника, который указал мне методу. С тех пор я перестал ходить в потемках и получил возможность привести в порядок отрывки познаний, связать их, сделать из них выводы.

Я получил возможность путем систематизации ставить каждое явление на свое место, объяснять себе каждое из них, понимать их.

Каждое явление стало для меня ясным и естественным. Передо мною раскрылась совокупность представлений и соотношений воздействия человека на лошадь.

Раз метода улеглась в голове, оставалось выработать в себе умение передавать лошади руками и ногами приемы, то есть развить в себе точность отражения ощущений.

Поверхностным знанием я удовлетвориться не мог, поэтому с напряженным вниманием изучал все тонкости, все мелочи. Этим путем я развил в себе точность восприятия ощущений, возбуждаемых движениями лошади, способность мгновенно отдавать себе в них отчет и умение мгновенно же отвечать на них воздействием помощников — шенкеля и повода, то есть развил то, что называется «чувствовать лошадь».

Наконец, я получил возможность мыслить и работать, стоя на своих ногах. Как отдельное явление, так и совокупность их я стал самостоятельно проверять на опыте, в манеже, сопоставлять их с методой, урезать или расширять ее положения, изменять, развивать и совершенствовать их.

Не сходя с пути, начертанного великими мастерами искусства верховой езды, я мало-помалу выработал свою собственную методу. Метода моя есть плод глубокого изучения основ, оставленных нам в наследство творцами французской школы. Она представляет собой развитие, упрощение и усовершенствование применения приемов великих учителей этой школы.

Если мне удалось внести некоторую лепту в сокровищницу накопленных ими знаний, то это только благодаря тому, что я никогда в изысканиях моих не уклонялся от указанного ими пути.

Всем, чего я достиг, я обязан им.

Основной принцип моих исследований, излагаемых в этой книге, состоит в следующем: равновесия лошади и легкости ее в поводе возможно достигнуть только на движении вперед посылом. Посыл развивает задние конечности, подаваясь под брюхо, то есть под центр тяжести. Но и при наличии посылы равновесие возможно только при условии высокого постава шеи и головы, сданной в затылке, а не в середине шеи. Легкость повода возможна только при сдаче челюсти.

В этом все и вместе с тем — ничто. Все — потому что принцип этот объясняет всякое явление, и ничто — до тех пор, пока этот принцип не применен к делу.

Как применять приемы — в книге научить не могу, но сами приемы, методы мои попытаюсь изложить.

Вероятно, я никогда не решился бы написать эту книгу, если бы не подвигнул меня к этому один из моих учеников.

За время уроков по разным частным случаям приходилось давать ему разные объяснения.

Тождественность объяснений и вытекающее из них единство и законченность метода поражали его. Он стал просить изложить мою методу в отдельной книге. «Куда мне, практику, братья за исполнение такой задачи, — говорил я ему. — Я боюсь, что не сумею ясно изложить, а может быть, и ошибочно изложу мои положения и этим подорву основной принцип их, который сам по себе, безусловно, верен».

«Не бойтесь, — говорит он. — Не пускайтесь только в теорию и в изучение законов движения лошади. Будет уже с тех, которые разбирали лошадь по частям и углублялись в исследования ее органов. Расскажите нам попросту все, что вы делаете с лошастью с момента покупки чистокровного жеребенка до момента сдачи его наезднику или наезднице уже выезженным и готовым».

Прошу меня судить, но прошу, прежде чем судить, внимательно прочесть книгу. Книга эта представляет собой плод пятидесятилетнего внимательного изучения дела и упорного труда.

Отдаю себя снисхождению читателей и чувствую справедливость критики.

Часть первая

Глава I ЛОШАДЬ

Я выезжаю только чистокровных лошадей, но из этого не следует, что я считаю лошадей трех четвертей и половины крови непригодными под седло. Я просто отдаю предпочтение чистокровным.

Большого роста в лошади не ищу. Лучшим ростом считаю для лошади от 2 аршин 2,5 вершка до 2 аршин 3,5 вершка; даже от 2 аршин 3,5 вершка до 2 аршин и 4 вершка (от 152 до 160 см высоты в холке).

Выбирая лошадь, надо прежде всего отдавать себе отчет об общем ее виде. Если первое впечатление удовлетворяет меня, я рассматриваю ее подробно, причем мирюсь с некоторыми ее несовершенствами. Если первое впечатление невыгодно, то я осматриваю тщательней и не так снисходительно. Совершенства в мире нет. Особенно следует обращать внимание на то, как лошадь идет в поводу и под седлом: шагом, рысью и галопом. Иная лошадь, стоя на месте, кажется нескладной, а на ходу представляется легкой, ловкой и гармоничной. Иногда наоборот. Я предпочитаю первую, так как она будет производительней в работе. Лошадь должна иметь: красивую голову, более или менее гибкую шею, развитый затылок, более или менее высокую и длинную холку, короткую и широкую спину и поясницу, высокую и короткую почку (круп), длинную отлогую лопатку, длинные широкие окорока и бедра. Для передка: длинное и

25широкое предплечье, короткое берцо, скорее длинную, чем короткую бабку. В одной и той же лошади совокупность этих положительных условий встречается очень редко. Лошадь с прямым путовым суставом браку. Такой сустав не имеет упругости, и, понятно, нога верно ступать не может. Обращаю внимание на пятки. Сжатые пятки — большой порок. Я не кую своих лошадей, покуда они работают на мягком грунте. Некованая лошадь ступает на углы стрелки и раздает пятки.

Но одной физической стороны в лошади, как и в человеке, недостаточно — нужно узнать еще ее характер. Главное достоинство лошади — это откровенность и расположение идти вперед.

Лошадь должна быть горяча. Горячая лошадь никогда не может быть пугливой, беспокойной и упрямой. О характере лошади речь будет впереди, а пока скажу, что лошадь посредственного склада, но смело и охотно идущая вперед, окажется в работе превосходной, и наоборот, лошадь без энергии, будь она хоть картина, как верховая — никуда не годится.

Я начинаю выезжать лошадей в возрасте на третьем году, в крайнем случае трех лет. Покупаю я лошадей всегда в сентябре, то есть когда им два с половиной года. Молодых лошадей я предпочитаю потому, что они еще не успели побывать в выдержке и поэтому попадают в мои руки вполне целыми. Доставать таких лошадей нетрудно. Между чистокровными всегда есть много таких, которые не подают надежды стать ипподромными скакунами, поэтому со скаковой точки зрения они цены не имеют.

Из этой категории между тем выходят превосходные верховые лошади как для езды высшей школы, так и для всякой работы под седлом. Кобыл не покупаю вовсе, они часто хвостят, а иногда и мочатся под шпорой. Жеребцов я всегда кастрирую по следующим соображениям: жеребцы часто бросаются на других лошадей, что совсем неприятно, поднимаются на дыбы и вообще очень злы. (Арабские и тракенен-ские жеребцы обыкновенно спокойны и на кобыл не обращают внимания.) С годами чистокровные жеребцы жиреют в шее, отчего перед их тяжелеет, а зад худеет, круп суживается, и маклоки обостряются; верховая же лошадь должна быть широкая в заду, а передом легка. Жеребцы-производители дольше сохраняют правильность склада. К этому надо прибавить, что конь всегда спокойнее жеребца.

Для кастрации я всегда посылаю жеребцов в Альфорскую школу, где они остаются в продолжение двух недель, а затем отправляю в деревню на три с половиной месяца, на подножный корм. В течение этих четырех месяцев лошадям я ничего не кладу на спину. Обучение

начинаю самыми мягкими приемами, и когда первоначальной выездкой я достигаю того, что лошадь умеет идти шагом, рысью и галопом, легко поворачивать, осаживать и делать несколько шагов через манеж, взяла повод, я выезжаю на ней на волю. Обыкновенно через несколько дней она становится приятной для катания.

В первые два-три месяца езды на воле я держусь только того, чему научил лошадь в манеже, развивая только легкость и связность ее естественных аллюров.

Итак, с сентября по конец декабря — покой и уход. Январь—март — работа в манеже. Апрель—июнь — повторение и развитие на открытом воздухе работы, пройденной перед тем в манеже. В июле отправляю лошадь в деревню. Там она пасется на подножном корму, но получает и овес. Это ее каникулы. В августе возобновляю работу на воле, а так как лошадь отдохнула и набралась сил, то приступаю и к высшей езде. Лошадь предшествующей выездкой уже уравновешена, легка и втянута в работу, а потому успеха достигаю быстро и выездку высшей школы обыкновенно заканчиваю к концу декабря, хотя иногда случается затянуть ее еще на месяц-два, если попадается трудная лошадь или требуется сложная езда. По окончании выездки даю лошади две недели отдыха, а затем, если можно, отправляю ее на охоту. Только тогда я считаю лошадь вполне готовой. Таким образом, я получаю: прекрасную лошадь для прогулки весной и летом, стойкую охотничью лошадь для осени и приятную лошадь высшей школы для езды в манеже зимой.

Комментарий специалиста

Филлис начинал работу с молодой лошадей в два с половиной года, точнее в три, после кастрации. К высшей школе верховой езды приступал только в три с половиной — четыре года. К пяти годам он получал готовую лошадь, которая отправлялась на охоту.

Заездка современных лошадей начинается в конных заводах в полтора года. А первые соревнования по выездке для молодых лошадей проводят по достижении ими четырехлетнего возраста.

Чистокровные лошади за это время значительно улучшили свои показатели резвости и приобрели несколько ограниченную специализацию. В Мировом табеле о рангах лошадей, выступающих в выездке, первенство принадлежит таким породам, как ганноверская, тракененская, вестфальская, голштинская, и другим современным европейским породам, в разведении которых активно используются лошади чистокровной верховой породы. Доля кровности в них сильно колеблется и часто достигает $\frac{3}{4}$. Собственно чистокровные лошади в соревнованиях по выездке продолжают широко выступать только в нашей стране, так как у нас еще встречаются лошади старого типа, предназначенные не только для скачек, но и для езды. Но спортсмены, занимающиеся выездкой, уже пересели на лошадей русской верховой, тракененской, украинской или других спортивных пород, на которых они достаточно успешно выступают на международной арене.

Предпочтения по поводу роста лошади, точнее ее высоты в холке, в принципе остались такими же. Очень крупны теряют гармонию и пластику движений; сохранившие их являются большой редкостью и очень дороги. За прошедшие столетия и лошади и всадники несколько выросли. Современная спортивная лошадь имеет в холке высоту от 164 до 172 см. Владелец выбирает себе лошадь с учетом собственного роста. Маленькая элегантная женщина прекрасно будет смотреться на некрупной лошади, а высокий мужчина превратится в клоуна с длинными ногами, волочащимися по земле. Но не это главное. Длина ноги, точнее шенкеля, должна обеспечивать правильное управление, ибо вся современная выездка строится на управлении лошадью при помощи трех китов: шенкеля, рук и смещений центра тяжести корпусом всадника.

Требования, предъявляемые к экстерьеру лошади, остались прежними. Современным спортсменам повезло, в их распоряжение гораздо чаще попадают животные с правильным экстерьером, гораздо большее внимание при выборе лошади приходится уделять чувствительности рта, бока, податливости и желанию лошади работать.

В современном спорте не редкость лошади, не подвергавшиеся кастрации. Селекция на добронравие в некоторых породах достигла высоких результатов.

Глава II

КОРМ

Кормлю я лошадей хорошо, особенно овсом: даю в день 12 литров. Овес дает лошади энергию, а от лошади мной требуется энергия, еще энергия и всегда энергия.

Утром овса даю меньше, вечером, когда лошадь остается в покое, даю его много. В покое лошадь ест медленно, лучше пережевывает и, следовательно, лучше усваивает корм. Утром я даю 2 литра овса, 4 литра в полдень и 6 — вечером. Утреннюю дачу лошадь получает минимум за два часа до работы, чтобы во время работы ее желудок не был обременен. Перед работой коротко привязываю повод, чтобы лошадь не ела подстилку.

Через полчаса после работы даю пол-охапки сена. В полдень лошадь выпивает $\frac{3}{4}$ ведра воды и получает овес. В четыре часа всем лошадям подкладывается по охапке соломы в подстилку, а в пять часов по $\frac{1}{4}$ охапки сена. В семь часов водопой в том же количестве и вечерняя дача овса. Два раза в неделю дача идет давленным зерном.

Комментарий специалиста

Кормление современной спортивной лошади мало отличается от представленного в главе, но к услугам спортсменов новые препараты, добавки и комбикорма, обладающие высокими энергетическими показателями, позволяющими заменить или дополнить традиционный овес.

Следует отметить, что различные породы имеют разную потребность в кормах, причем чистокровные лошади для поддержания хорошего внешнего вида и работоспособности требуют его значительно больше, чем траккененская или буден-новская лошади, и это надо учитывать при составлении рациона. Хотя индивидуальные особенности и среди представителей этих пород сильно варьируются. Грамотный спортсмен умеет скорректировать кормление в зависимости от состояния здоровья и нагрузок, получаемых лошастью.

Глава III

ПОНЯТЛИВОСТЬ ЛОШАДИ

Самое трудное в выезде лошади — это заставить ее понять, что от нее требуется. Вопреки расхожему мнению, умственные способности лошади очень ограничены, а одарена она главным образом памятью. Приходится полагаться на память и на ней основывать выездку. Привязанность лошадь не чувствует, ей свойственна только привычка. Привычку лошадь приобретает легко, а иногда даже и слишком легко, и сохраняет ее, и часто в ущерб делу. Это обстоятельство не следует упускать из виду.

У одного моего приятеля была лошадь, которая шла на его голос, ржала при его входе в конюшню. Приятель полагал, что лошадь так к нему привязана, что не вынесет разлуки с ним. Я упросил его отдать мне эту лошадь на время. Я узнал подробно ее привычки и на другой день в обычное время заставил ее работать, причем подражал голосу приятеля. В награду, как делал он, дал ей моркови. В положенное время сам задал ей корм. На другой день я общался с ней своим голосом, и лошадь ласкалась ко мне, не замечая даже, что я не прежний ее хозяин. После утреннего урока я сам раздаю моим лошадям большую дачу моркови. Лишь только лошади слышат мой голос, они начинают ржать. «Как ваши лошади знают вас, как они вас любят!» — говорят часто посторонние, которым приходится входить со мной в это время в конюшню. Если в положенное время кто-нибудь другой войдет в конюшню для раздачи моркови, то лошади так же будут ржать. Когда я вхожу после того, как лошади проели морковь, они не обращают на меня внимания. Лошадь совершенно равнодушна к тому, кто за ней ходит и кто на ней ездит. Впрочем, если бы было не так, то она повиновалась бы и служила только одному хозяину.

Комментарий специалиста

Эта глава весьма спорна. Она скорее соответствует особенностям поведения чистокровной верховой лошади, очень контактной и готовой работать с любым всадником. Многие отечественные породы, такие, как ахалтекинская, донская и буденовская, традиционно славятся преданностью своим хозяевам. Легенды не единожды подтверждались и современными примерами из жизни, когда великолепно подготовленные животные отказывались работать под новыми всадниками. Часто это служит причиной ограниченного использования лошадей этих пород в классических видах конного спорта, где подготовку лошади ведет берейтор или тренер, а выступает на ней совсем другой человек.

Многие европейские породы добились своей известности благодаря тому, что в свое время армейские лошади в обязательном порядке меняли своего хозяина. Так, например, в Германии кавалеристы каждые десять дней пересеживались на другую лошадь своего полка, что было обязательным и совершенствовало навыки верховой езды. У нас же до сих пор звучат песни о верности и преданности боевого коня своему хозяину. Видимо, каждая нация создает породы, соответствующие ее особенностям и требованиям, к ним предъявляемым.

Глава IV ВОЗДЕЙСТВИЕ ВЗГЛЯДА ЧЕЛОВЕКА НА ЛОШАДЬ

Вопреки множеству рассказов, я убежден, что выражение взгляда человека не имеет никакого влияния на лошадь.

Смотрите на лошадь строго, гневно, ласково — лошадь ничего не заметит. Много опытов в этом направлении делал я над молодыми и старыми лошадьми. Если у всадника работают только мускулы лица, а корпус, руки и ноги неподвижны, то лошадь ничего не испытывает. Пробовал я делать грозные глаза, улыбаться, но этим не производил на лошадь ни малейшего эффекта. Делайте гримасы, показывайте язык вашим лошадям, и ни одна из них ничего не заметит. Иное будет при малейшем движении корпуса, особенно рук.

Мимика лошади небогата. В общении между лошадьми она ограничивается движениями губ, поэтому в сигнальной системе человек — лошадь она также не имеет большого значения, в отличие от голоса. Взмах руки воспринимается лошадьми аналогично движению их передней конечности, что в общении между лошадьми выражает и гнев, и нетерпение, и раздражение.

Глава V ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОЛОСА ЧЕЛОВЕКА НА ЛОШАДЬ

Голос, конечно только звук его, сильно действует на лошадь, то есть остается у нее в памяти. Говорите лошади нежные вещи строгим голосом — она испугается; грозите ей мягким тоном — она останется невозмутимой.

Голос служит драгоценным помощником при дрессировке на свободе. Обыкновенно слова команды — «шагом», «рысью» и «галопом» произносятся тоном, отвечающим живости аллюра, то есть: «шагом» — спокойным, «рысью» — повышенным, а «галопом» — строгим голосом. Скомандуйте ровным голосом «в галоп!» — лошадь пойдет шагом; крикните строго «шагом!» — лошадь пойдет галопом.

Голос одинаково полезен и при выезде под седло. Когда лошадь становится на дыбы, вообще сопротивляется, я наказываю ее хлыстом и шпорами и в то же время строго браню.

Лошадь прислушивается и запоминает. Впоследствии, если ей придется ошибиться или она делает попытку противиться, то иногда бывает достаточно повысить голос, и лошадь, вспомнив хлыст и шпоры, повинуется.

Приучается лошадь к голосу легче всего, когда слышит его при награде и ласке. Этим путем к нему ее и следует приучать. Ногами и руками иной раз вы не можете воспользоваться, но голос и интонация всегда в вашей власти. Представьте себе, что вы, сидя на горячей, нетерпеливой, строгой лошади, попали между экипажами. Руки и ноги тут вас не выручат, но если вы приучили

лошадь к голосу и если она ему доверяет, то при звуках его она успокоится. Сколько раз выручал меня голос. Приучив лошадь к голосу, я избавляю ее от лишнего наказания. Я люблю и езжу только на горячих лошадях. На моих лошадях, но непременно приученных к голосу, ездят дамы, и до сих пор мне везло, так как несчастных случаев с ними не было.

Комментарий специалиста

Слух лошади очень хорошо развит. Она великолепно различает интонации, и, подкрепляя команды поощрением, вы легко добьетесь выполнения сложнейших элементов. Но современная высшая школа верховой езды исключает голосовые сигналы при выполнении элементов. Поэтому голос может служить вспомогательным орудием при формировании правильных навыков и на начальных этапах обучения. Многим приходилось сталкиваться с ситуациями, когда спокойным голосом удавалось добиться большего, нежели жесткими методами. И уж любой начинающий всадник сталкивался с тем, как лошадь реагирует на команду тренера, произносящего спасительное «Шагом!...».

Глава VI ЛАСКА И НАГРАДА

Ласками не следует пренебрегать. Ласка и наказание лежат в основе обучения лошади, но применять ее, равно как и наказание, надо умело. Ласка успокаивает лошадь, поощряет ее и устанавливает, до времени физического воздействия человека, общение лошади с ним. Всякая, даже самая щекотливая лошадь дает себя хлопать по шее. С шеи и следует начинать знакомить лошадь с лаской. Хлопать по шее надо смело и настолько крепко, чтобы лошадь почувствовала, но, конечно, не грубо. Робкое и слабое похлопывание будет только щекотать лошадь.

Ласка всегда должна быть своевременна и следовать сразу за уступкой лошади, так же как и наказание должно являться сразу после ошибки. Одновременно с лаской отдайте повод и в течение нескольких секунд не требуйте ничего от лошади. Эти секунды свободы при ласке и будут самой действенной наградой для нее. Лаская лошадь рукой и в то же время ободряя ее голосом, вы, скорее всего, успокоите ее.

Комментарий специалиста

В общении между собой лошади часто применяют взаимные покусывания и почесывания зоны холки и шеи. Это говорит о доброжелательности и расположенности к общению, действует успокаивающе. Поэтому приручение молодых животных начинают с осторожного почесывания холки, по шее плавно переходят к голове. Это дает возможность позднее надеть на лошадь сначала недоуздок, а далее и уздечку.

Ласка и награда позволяют выработать положительные условные рефлексы на человека и в дальнейшем совершенствовать сложную сигнальную систему, основанную на учении известного физиолога. На этом и строятся взаимоотношения между лошадью и человеком уже в течение тысячелетий.

Глава VII НАКАЗАНИЕ

Выше я говорил, что обучение лошади основано на ласке и на наказании, что как ласку, так и наказание должно применять своевременно. Если лошадь заслужила, она должна быть наказана, и наказана строго, но наказание нужно применять сознательно и в заслуженной степени. С лошадью надо поступать как с ребенком, а ничего нет хуже, как, будучи в гневе, наказать ребенка. Лошадь не поймет чувство, которое вами руководит. Она запомнит только боль и обстоятельство, при котором она ее испытала, и может воспринять только совпадение движения, которое она сделала, с ударом, который она получила, и больше ничего. Наказание теряет значение и даже сбивает

лошадь с толку, если оно явилось не в момент проступка, а после него. Например, лошадь бьет задом. Если удар ваш пришелся в момент, когда задние ноги ее были в воздухе, то она запомнит, что за это движение ей и досталось. Если же вы наказали лошадь тогда, когда она уже опустила задние ноги на землю, то она не поймет, за что последовало наказание, скорее станет еще более бить, чтобы избавиться от того, кто причиняет ей боль.

Каждая сознательная, умышленная вина лошади должна быть наказана, но лучше совсем не наказывать, чем наказывать поздно. Плохо и то и другое, но из двух зол надо выбирать меньшее. Всегда следует выяснить причину, почему не слушается лошадь. Если она противится из упрямства или от злобности, то ее следует наказывать, и строго. В этом случае, чтобы затруднить лошади работу задом, надо поднять ей голову вверх, отчего тяжесть ее тела перенесется на зад. Если же лошадь не исполняет воли всадника от боли в пояснице или задних конечностях, то очевидно, что наказывать ее не за что, а, наоборот, нужно избавить ее от боли. Эта глава не требует комментариев. Если бы все современные всадники выучили ее наизусть и пользовались истинами, изложенными в ней, им удалось бы избежать многих проблем в общении со своими питомцами.

Глава VIII

РОТ ЛОШАДИ. МУНДШТУЧНОЕ ЖЕЛЕЗО, ПРИГОНКА ЕГО И ВЛИЯНИЕ НА РОТ

Про трензель много говорить нечего. Он должен быть достаточно толст, следовательно, мягок. Лежать во рту лошади он должен за мундштучным железом, посередине между углами рта и грызлом. Мундштучное железо надо подбирать по рту лошади, и положение его во рту лошади имеет большое значение. Имея дело с молодой лошастью, нельзя сразу определить, какое железо ей подходит.

Боше признавал что у всех лошадей чувствительность рта одинакова, и использовал для всех лошадей один и тот же трензель и мундштук. Положение это я не признаю и буду доказывать его несостоятельность. Всякому, даже малоопытному человеку, имевшему дело с лошадьми, приходилось наблюдать, что и та же лошадь на одном железе идет лучше, чем на другом, что иная лошадь на простой уздечке идет хорошо и упирается и старается отделаться от мало-мальски строгого мундштука. Какое железо годится для вашей лошади, может указать только опыт и примерка. Точных указаний для выбора железа нет, но по этому вопросу кое-какие данные все-таки существуют, а именно следующие.

При начале выездки надо брать удило толстое, с дужкой средней величины, с короткими рычагами, то есть мундштук слабый. Ширина железа должна соответствовать ширине рта лошади, ибо если оно будет узко, то рычаги его будут давить ей на губы. Если удило широко, то лошадь, играя им или желая отделаться от него, станет передавать его на одну сторону рта. Одна сторона грызла будет лежать на десне, другая поднимется вверх, и на десне будет лежать не трубка его, а угол надъязычной дужки. Влияние руки на рот станет неравномерно, и лошадь будет идти в одном поводу, то есть держать голову на сторону.

Железо должно выходить на несколько миллиметров с каждой стороны рта лошади, так, чтобы рычаги не касались ее губ. Грызло должно лежать на середине расстояния между клыками и углом рта, немного ниже трензеля. Бывают случаи, когда от этого положения приходится отступать. Об этом будем говорить далее.

Нижние концы рычагов, уступая давлению поводьев спереди назад, перетягивают сзади наперед свои верхние концы, причем натягивается подбородная цепка, а трубка грызла давит на десны. Удило давит тем сильнее и быстрее, чем туже натягивается цепка. Очевидно, что натяжение цепки должно быть пропорционально чувствительности десен. Сразу определить эту чувствительность у совершенно сырой лошади невозможно. Лучше считать у каждой лошади рот чувствительным, чем тугим, вот почему надо пристегивать цепку слабо. Укоротить ее всегда будет возможно. Если цепку с первого раза натянуть коротко, то грызло тотчас надавит на десны до боли. Если после этого тотчас отпустить цепку и даже размундштучить лошадь, боль в деснах

останется. Начиная с длинной цепки и постепенно укорачивая ее до нужной длины, сохраним десны свежими: лошадь не будет раздражаться и противиться. Если в начале работы даже лишь немного раздражить десны, то есть искусственно усилить их чувствительность, то не только нельзя будет узнать настоящую степень чувствительности рта, но даже можно будет попасть на ложный путь. Именно, не только надавленные, но и лишь раздраженные десны не успокаиваются тотчас после работы и размундштучивания, а болят еще несколько дней. На следующий урок лошадь идет с болезненными деснами, то есть их чувствительность повышена, а значит, и не верна. Всадник, не подозревая этого обстоятельства и ложно чувствуя лошадь, не будет понимать ее, а только будет увеличивать зло. В результате окажется, что всадник все дальше и дальше удаляется от правильного понимания рта лошади в здоровом состоянии. Итак, при начале выездки надо опускать цепку свободно, а еще лучше совсем обходиться без нее. Рот новой лошади необходимо изучить крайне осторожно, строго постепенно. Первое давление следует производить едва заметно и постепенно, но мягко усиливать его до тех пор, пока лошадь его не почувствует. Момент этот бывает различен. Если лошадь сдала при давлении одного мундштука без цепки, то незачем и пристегивать ее. На всякий случай ее нужно иметь при себе, а надевать ее следует за оба кольца на один из крючков суголовья.

Никогда не следует прибегать к каким-либо строгим приспособлениям. К ним в случае необходимости всегда можно успеть обратиться.

Несколько лошадей мне удалось выездить не только в манеже, но и в поле, ни разу не надевая на них цепки. Повторяю еще раз, что цепкой пользоваться надо крайне осторожно. Напряжение ее должно быть только строго необходимое. Цепка должна быть пристегнута так, чтобы наибольшее давление мундштука получалось при угле рычагов с нижней челюстью в 45 градусов.

Как давление цепки должно быть пропорционально чувствительности десен, так и давление поводьев на челюсть должно быть пропорционально ее сопротивлению. Ничтожно сопротивление — тонко должно быть и давление. Давление железа тем слабее, чем выше место челюсти, на которое оно производится, и, наоборот, тем сильнее, чем ниже. На челюсти эта точка приложения. Следовательно, мундштук надо поднимать или опускать, конечно не отдаляясь много от нормального положения грызла между клыками и углом рта, судя по тому, как лошадь сдает челюсть. Иными словами, чем мягче рот, тем выше должно быть поднято грызло, и наоборот. Во всяком случае, грызло не должно не только трогать, но даже прикасаться к клыкам или к углу рта.

Итак, из всего сказанного вытекает, что узнать, какую длину дать цепке и выше или ниже пригнать грызло, можно только опытом. Пригонку железа надо начинать со слабых приемов и осторожно усиливать их до степени, которую само дело покажет.

Комментарий специалиста

Современные всадники используют мундштучное оголовье, как правило, если они работают по программе высшей школы верховой езды. Но даже в этом виде конного спорта на начальных этапах при работе с молодой лошастью обходятся обыкновенной уздечкой. (Первые езды в возрасте четырех лет.) Во всех остальных видах конного спорта мундштучное оголовье не применяют.

Некоторые любители, не понимая, какой вред они наносят животному, стараются использовать как можно больше различных приспособлений, неграмотное применение которых мешает, а не помогает им в работе. Поэтому постарайтесь добиться правильного контакта со ртом вашей лошади при помощи хорошо подобранного трензеля, — выбор последних на сегодня очень широк и позволяет удовлетворить любые потребности, — а не стремиться к мундштучному оголовью, разобрать повод которого для многих является сложнейшей головоломкой.

Подгонка трензеля осталась прежней по толщине и длине. С углом рта трензель соприкасается, образуя одну-две небольшие, едва заметные складочки, то есть трензель лежит несколько выше, чем предлагает автор этой книги. Именно это помогает в большинстве случаев обходиться без использования мундштучного оголовья, работая трензелем на более высокой, а соответственно, и более чувствительной части челюсти.

Глава IX

МАРТИНГАЛ

Мартингал не дает лошади задира́ть голову и закидывать ее вверх, это облегчает всаднику в некоторых случаях управление лоша́дью. При езде в поле, если лошадь задирает или закидывает вверх голову, мартингал полезен. Эта лошадь выезжена поспешно или плохим берейтором. На лошадей же вполне и хорошо выезженных мартингал надевать незачем.

Мартингал бывает трех видов: шпрунт, охотничий и мертвый.

Из трех видов мартингала я допускаю только один шпрунт. Его пристегивают к переносью, поэтому он не имеет влияния на рот лошади и не соприкасается с рукой всадника, а потому и не опасен. Опускать шпрунт должно настолько свободно, чтобы лошадь могла поднимать голову, но не задира́ла ее до уровня ноздрей с ушами. Когда голова лошади задрана до такой степени, мундштук перестает действовать. Короткий шпрунт стесняет движения лошади. Если лошадь не идет на повод, то короткий шпрунт может оказаться и вреден, так как дает ей возможность встать за повод.

Охотничий мартингал имеет два кольца, в которые пропускается повод трензеля, то есть образуется блок. В руках умелого и опытного всадника он может быть очень полезен; в руках же неумелого он из-за строгости своей может быть даже опасен. Мертвый мартингал пристегивается к трензельным кольцам, поэтому опасен всегда. Опасность от него особенно велика в том случае, если лошадь пятится, так как он не сдает. Если лошадь, идя на мертвом мартингале, поднимется на дыбы или, что еще хуже, сделает свечку для того, чтобы вырвать повод, то она непременно опрокинется.

Комментарий специалиста

Чаще всего современные всадники используют охотничий мартингал при работе верхом с лошадьми, задирающими голову. На корде для молодых лошадей, имеющих эту привычку, применяют шпрунт или развязки, сделанные из эластичных, но достаточно жестких резинок, или кожаные, но имеющие вставки в виде эластичных резиновых колец.

Глава X

СЕДЛО

Не советую ездить на новом седле. Редко оно бывает удобно, так как на необмятой коже неловко сидеть. Лучше приобрести подержанное. Седло не должно быть высоко в передней луке, так как будет сбивать всадника назад; то же будет, но в обратном смысле, если слишком высока задняя лука. Сидеть всадник должен как можно ближе к спине, почему, по-моему, седло должно быть жесткое, без набивки. Короткие крылья могут стирать ноги всадника, а длинные мешают чувствовать бока лошади. Крылья седла должны быть по ногам всадника. Некоторые предпочитают седло с надколенной подушкой, а другие без нее. Это зависит от привычки.

Кажется, я первый начал выезжать лошадей высшей школы на жестком седле. Учеников я сначала сажаю на французское, а не на английское седло. Французское седло глубже, сидишь в нем, как в клещах. Когда новичок усядется на французском седле, надо посадить его на английское с замшевой покрышкой, а когда на рыси, галопе и поворотах он перестанет болтаться, то следует снять и покрышку.

Комментарий специалиста

Современная промышленность предлагает огромный ассортимент седел, от учебного до ковбойского. Для каждого вида конного спорта имеются свои конструктивные особенности. Лучше всего, если седло будет сделано из натуральных кож.

Особое внимание уделяется крепости ленчика. Современные технологии предоставляют для изготовления материалы, дающие гарантии на 25 лет использования без его замены. Формы седел разнообразны, их можно подбирать и по размерам всадника, и по видам спорта.

Желательно, чтобы за каждой лошастью было закреплено свое седло. Это позволит избежать лишних потертостей и заболеваний кожи. Этого требуют не только санитарно-гигиенические нормы, но и конструкция седла, соответствующая особенностям холки и спины каждой лошади. Хорошо, если всадник сам обминает новое седло, тогда оно точно соответствует и его анатомическим особенностям, поэтому мнение автора о приобретении подержанного седла является спорным. Для начинающих всадников наиболее удачным является учебное седло, позволяющее потом легко пересесть как в конкурное, так и выездковое без особых проблем и переучивания. Плоское седло без подушек коленных и седалищных встречается на ипподромных испытаниях в связи с ограничением в весе всадника и седла у молодых лошадей, проходящих скаковые испытания.

Глава XI СТРЕМЕНА

Новичку я не даю стремян до тех пор, пока он на всех аллюрах не начнет твердо сидеть в седле. Правила этого держались в старину не только учителя французской школы, но и все обучающие езде. Прежние ездоки зато и сидели в седле не так, как нынешние. Не приходится более видеть гибкой, свободной и грациозной посадки всадников прежних времен. Учителя разучились учить, и ученики с первых уроков приобретают дурные привычки. Сидят теперь натянуто, с вытянутыми вперед ногами; ездят на стремянах, а езда на стремянах опасна. Эта манера сидеть большею частью бывает причиной падений. Вот примеры. В Сен-Жерменском лесу господина Х. понесла лошадь, но ему удалось остановить ее, и он возвращался назад рысью, стоя на стремянах. Лопается одно путлище, и господин Х. летит с седла, падает на голову и убит на месте. Естественно, возникает вопрос: «Почему он убился?» Потому, что в момент, когда всадник стоит на стремянах, он не сидит в седле, а стоит над ним. Можно свалиться и сидя в седле, но все-таки, падая, можно задержаться ногами и этим ослабить силу удара. Если бы большинство современных всадников ездило в седлах, а не на стремянах, то не падало бы их так много, когда лопаются путлища. Другой пример. В Тулузе некий господин шагом выезжал из конюшни. Лошадь спотыкается, падает мордой вниз, господин летит через голову ее и тоже убит на месте. Ясно, что если бы он глубоко сидел в седле, то толчок от падения лошади не мог бы бросить его с такой силой. Стремена в таких случаях играют роль трамплина.

Все сказанное относится к езде в седле, то есть к седлу плоскому или глубокому. Короткое стремя высокого седла русского или среднеазиатского происхождения, то есть того, которое принято у нас называть казачьим, обуславливается совершенно противоположными основаниями. Я привел эти два многим известных примера не для того, чтобы критиковать современных ездоков, а из желания доказать, как опасна езда на стремянах, а не в седле. Может быть, совет мой послужит кому-нибудь на пользу.

Стоя на стремянах, ездок стоит, как на трамплине. Толчок — всадника бросает вверх, как бы катапультий, и он летит через голову.

Трудно для лошади, даже когда она бьет, выбить из седла всадника, который глубоко сидит в седле, то есть тяжесть которого опущена на ягодицы. Если ему и приходится падать, то падает он сначала на шею лошади, затем будет скользить на землю; очевидно, что удар не может быть слишком силен. При езде на стремени корпус всадника естественно подается вперед, это облегчает зад лошади, следовательно, дает ей возможность бить, сколько и как сильно она захочет. Отправить ездока через уши ей ничего не стоит. Ездок на стремени подобен гимнасту,

стоящему на руках другого гимнаста, который должен дать ему толчок для сальто-мортале. Ноги первого гимнаста должны быть вытянутыми, иначе при толчке он упадет на землю. Так же и ездок, стоящий на стремянах, лишь только согнет колени — тотчас должен опуститься в седло.

Надо заметить, что новичок и не удержит стремени до тех пор, пока не сядет в седло, то есть пока ляжка его не пойдет назад и нога от колена не опустится вниз. Он будет ловить стремя. Ноги, корпус и лицо его будут кривляться, а шея и плечи характерно гнуться. Раз ученик с первых шагов взял какую-нибудь дурную привычку, то отучить его от нее уже почти невозможно.

Комментарий специалиста

Обучение верховой езде сегодня проводится совсем не по методу Д. Филлиса. Начинающие всадники долго и мучительно ловят убегающее от них стремя пальцами ног и только после большого количества уроков робко и неуверенно, но осмысленно расстаются с ним на учебной рыси. Только после этого, когда страх выпасть из седла перестает преследовать, начинается настоящая и интереснейшая работа по укреплению посадки, а в дальнейшем и по совершенствованию навыков верховой езды.

Длина стремени — вот еще один вопрос, который всегда интересует начинающего всадника. Длина стремени зависит от того, какую работу вы выполняете.

Если это скаковое седло и вы делаете резвые галопы, стремяна очень коротки. Жокей стоит над седлом, стараясь не мешать лошади развивать максимальную резвость, мало того, он раскачивается в такт движению лошади, помогая ей захватывать как можно большее пространство скаковой дорожки. Именно это движение и называется посылом.

Длина стремени спортсмена, занимающегося конкурром, несколько длиннее, но в принципе выполняет аналогичную функцию — упора. При прыжке лошадь также необходимо выслать вперед и перенести центр тяжести так, чтобы не мешать животному благополучно преодолеть препятствие. Хороший спортсмен великолепно справляется с этим и без стремени.

В выездке требования остались прежними.

Спортсмены, занимающиеся современным троеборьем, используют различную длину стремени, необходимую для данного этапа соревнования.

Выезжая на прогулку, всадники выбирают длину стремени наиболее комфортную: для дальних переходов длинные, для резвых прогулок или охоты более короткие.

Единым остается правило: чем менее опытен всадник, тем длиннее должны быть его стремяна, а лучше всего, если их не будет вообще. Это правило безопасности убережет вас от падений и позволит выработать уверенную и красивую посадку. Все эти рекомендации относятся к седлам спортивного направления. Казачьи, ковбойские и другие виды седел, встречающиеся в различных странах и народностях, требуют отдельного рассмотрения. Езда на них имеет свои особенности. Предназначены они для длительных переходов, а не для парадной езды. Здесь не используют глубокой посадки, а хороший упор в стремя позволяет разгрузить спину и легко менять положение всадника при длительном пребывании в седле.

Глава XII

ХЛЫСТ

Я употребляю хлыст только при работе на месте, и то пока приучаю лошадь подаваться вперед и уступать шпоре. Раз я в седле — хлыст долой. Настоящему ездоку — шенкель и повод. Плохому — хлыст.

Комментарий специалиста

Хлыст — хороший помощник при работе с ленивой, неэнергичной лошастью и в ситуации, когда всаднику не хватает сил выслать лошадь (не хватает шенкеля). Кроме того, лошади, как и люди, бывают левши или правши и работают с большей охотой на одну или другую сторону. В этой ситуации даже присутствие хлыста в руке с проблемной стороны решает проблему. Таким

образом происходит мягкая коррекция. Подкрепляя наградой правильно выполненный элемент, со временем вы исправите этот недостаток и сможете обходиться при его выполнении без хлыста.

Глава XIII ШПОРЫ

Я признаю только неподвижную шпору, вставленную в гнездо, в каблук. Она одна только держится твердо, и я в ней уверен. При всякой другой пригонке шпора шатается, и нельзя быть уверенным, что тронешь ею лошадь именно в то место, куда нужно.

При начальной выездке надо употреблять шпоры шарообразные и постепенно переходить к шпоре с гладким репейком. Строгая шпора нужна только в том случае, если лошадь не чувствует шенкеля и слабой шпоры.

Длину шпоры теоретически определить нельзя. Для всадника с короткими ногами нужна короткая шпора, так как каблук его не может быть ниже ребер лошади. Если у ездока длинные ноги, то ему нужны и длинные шпоры, чтобы не приходилось слишком заламывать ногу.

Комментарий специалиста

Шпоры, вставленные в гнездо каблука, сегодня, наверное, можно встретить только в музеях. Хорошо подогнанные под обувь, сделанные из современных сплавов шпоры по надежности и твердости крепления не уступят им. На начальных этапах выездки лошади, тем более начинающему и неопытному всаднику, шпоры не принесут пользы, а скорее навредят. Правила конного спорта строго ограничивают величину и форму репейка с одной целью — избежать травм у лошади. Формы, представленные автором, очень удобны и прошли испытания временем, именно они лежат в основе современных стандартных шпор для высшей школы верховой езды. Их различные модификации можно приобрести или заказать.

Глава XIV ПОСАДКА

Признаю как общее правило, что всякий может научиться твердо и хорошо сидеть в седле, но на вопрос, можно ли из всякого сделать хорошего и элегантного всадника, отвечу: «Нет».

Всякий, кто начал учиться у хорошего учителя, добросовестно работал над собой, имел терпение в продолжение нескольких месяцев трястись на рыси без стремени, садился и ездил на сильных и трудных, конечно, не опасных лошадях, — силою вещей приобретает шлюсс, то есть крепко и хорошо сядет в седло. Всадник на всех аллюрах, поворотах и прыжках должен держать голову прямо и свободно, поворачивать во все стороны и наклонять, когда нужно; смотреть во все стороны и видеть все, что делается вокруг него, препятствия, которые встречаются ему на пути, а не устремлять глаза в одну точку; шею не тянуть, плечи и руки свободно спускать вниз (сколько видишь теперь поднятых плеч!), локтями свободно, но плотно, на высоте пояса касаться корпуса, а не отводить их и не болтать ими (только при этом условии рука может быть мягка, а вести лошадь верно и без толчков можно только мягкой рукой); кисти рук держать только в одной плоскости и не выворачивать их внутрь (отчего локти отойдут от тела); пальцы слегка и настолько держать внутрь, чтобы напряжение рта лошади шло по прямой. (Действия на рот лошади производятся легкими движениями кисти рук, натягивая или отпуская пальцами повод. Если руки усиленно двигаются, значит, руки не на месте.) Корпус держать прямо, без натяжки. Только при свободной посадке возможно пользоваться шенкелями и поводьями. Если хоть одна часть тела натянута, то неминуемо закрепощаются вместе с нею и другие части, а при этом не только управлять лошадью, но даже и сидеть на ней становится невозможно. Поясницу не выгибать (причина натяжки), но слегка свободно подавать ее вперед, отчего она будет упруга; грудь держать прямо, вперед не выставлять; тазовые мускулы опускать совсем (необходимое и единственное условие для свободной посадки), чтобы корпус всей тяжестью лежал на ягодицах;

ногу опускать вниз, сильно вниз по отвесу; ляжки и колени держать плотно к седлу; носок обращать немного наружу (это дает возможность встречать лошадь шенкелем раньше шпоры. Если носок слишком поставлен внутрь, шенкель отстает и шпорить приходится с удара).

Неподвижное колено служит блоком, дает возможность ноге опускаться по отвесу свободно, не обхватывая лошадь, то есть не держит ее в мертвых шенкелях. Хорошо сидит всадник тогда, когда он не держится ни руками, ни ногами за лошадь. Ноги и руки служат только для управления лошадью. Всадник держится в седле не силою сцепления, а равновесием. Нужен шенкель — нажать ногу от колена к пятке. Устали, не выдержали ляжки — значит, натянута посадка; колено ушло вперед и вверх — значит, всадник не сидит на лошади, а вцепился в нее. Если ляжки слишком поданы назад, то седок будет сидеть не на ягодицах, а, что называется, на луке. При такой посадке ездок, пожалуй, сидит и крепче, так как большее количество точек внутренней поверхности его ноги* охватывает лошадь, но зато не может быть его полной связи с лошадью, особенно при переходе из галопа в рысь. Использовать такую посадку нужно только при атаке, чтобы не быть выбитым из седла в момент шока. Всадник должен сидеть в седле как на стуле.

Когда нога в стремях, каблук должен быть ниже носка. При езде без стремени ногу нужно опускать вниз свободно и каблук не тянуть ниже носка, иначе будут сокращаться мускулы ляжки и ноги, а раз что-нибудь сокращено, то, значит, и стянуто. (Немцы на езде без стремени требуют оттягивать ногу в каблуке. Этот прием сообщает немецкой посадке характерную натянутость; знаю я, что немцы по природе натянуты, но попробуйте так учить француза — сделается натянутым в седле и он.)

Длину стремени нужно пригонять по ноге. Традиционная пригонка его по руке дает приблизительно верную длину путлища, но все-таки, сев в седло, приходится стремя пригонять. Для пригонки надо, сев в седло, опустить ноги вниз и путлище выбрать такой длины, чтобы решетка стремени приходилась немного ниже щиколотки. Принято вообще чувствовать ногой внутреннюю дугу стремени. Я держу ногу посередине его. Привыкнуть вынимать ногу из стремени и ловить его на ходу очень легко, но предварительно надо развить подвижность щиколотки.

При езде на свободе я укорачиваю путлище на одну дырку. На резвых аллюрах и английской рысью ехать удобнее на укороченном стремени. В манеже наоборот, так как ногу надо опускать вовсю, чтобы низко сидеть на ягодицах, то есть чтобы лучше чувствовать движения лошади. Известно, что ощущение «чувствовать лошадь» очень редко кому дается, да и то после долгой науки.

Чтобы хорошо сидеть и иметь хороший вид в седле, надо обладать природными качествами.

Толстяк и человек приземистый менее годен для езды, чем худой и среднего роста. Многие думают, что высокий рост более подходит для верховой езды. По моему мнению, слишком высокий рост мешает ездоку во многом, именно: чем выше туловище седока, тем выше поднят центр тяжести, следовательно, тем неустойчивее сидит ездок; при слишком длинных ногах каблук приходится ниже туловища лошади, и, чтобы дать шпоры, ездоку приходится тем больше сгибать ноги, чем он длиннее, а это не только некрасиво, но и портит посадку.

Повторяю тем не менее, что крепкой, свободной, прочной посадки и чувства уверенности в себе добиться может каждый, но приобрести их возможно только при условии: долго ездить, в начале обучения без стремян. Я говорил, что немцы ездят натянуто, англичане тоже. Тем не менее всадники германского племени считались и считаются справедливо лучшими наездниками. Достигают они этого упорством в труде. Народы латинского племени среднего роста, ловкие по природе, более способны к езде, но не одарены терпением, довольствуются верхушками, почему и не достигают должного, хотя, конечно, во всех народностях встречаются отличные и плохие всадники.

Покуда всадник тянется, он не сидит на лошади, а только держится на ней. Напряженность корпуса, рук и ног препятствует всаднику чувствовать лошадь. Как он может чувствовать ее, когда он не сидит на ней, а только держится? Всадник может чувствовать лошадь только тогда, когда все члены его расслаблены, тяжесть тела его опущена на ягодицы, которые и приобретают

способность ощущения того, что делается с лошадью. Свобода членов и глубокая посадка являются, следовательно, первым условием чувства «чувствовать лошадь».

Чтобы вселить новичку уверенность в себе, надо сажать его в первый раз на лошадь спокойную, с мягкими аллюрами. Уверенность в себе дается только первым уроком. Спокойствие за себя и уверенность в себе обеспечивают и в будущем возможность сесть в седло, то есть достигнуть полной отдачи всех мускулов. Если ноги новичка не особенно длинные, то сажать его надо на лошадь с плоским ребром, не широкую. Вредно слишком широко расправлять ляжки, так как ученик будет уставать без пользы для дела. Мне приходилось видеть растяжения тазобедренного сустава от слишком сильной раздачи ляжек. Со временем ляжки от упражнений раздадутся сами собой.

Сажать новичка надо на уздечку, на два повода. Если сразу посадить его на мундштук, то руки от движения головы лошади пойдут за поводом, а за руками пойдет вперед и корпус. На уздечке этого легче избежать. Учить сразу легче, чем переучивать. Итак, первое условие — это крепко сидеть в седле, а это возможно только после долгого упражнения в езде и под руководством знающего и умелого учителя. Для ездока необходимо хладнокровие и уверенность в себе, но шальная смелость совершенно ни к чему не ведет. Не обладая названными качествами, ездок не сумеет вовремя ни применить своих познаний, ни воспользоваться своей силой и средствами управления.

Можно хорошо ездить верхом, не будучи всадником ученым. По-моему, тот всадник, кто поедет на всякой лошади, — будет лучшим всадником, чем любой теоретик. Теоретики обыкновенно только норовят лошадей, за выездку которых они берутся. У иного теоретика хватит крепости в седле настолько, чтобы потребовать от лошади какое-нибудь движение, но не настолько, чтобы настоять, особенно если она отказывается, исполнить требование. Теория тут не поможет.

Ничего нет хуже при выездке, как вызвать сопротивление лошади, не иметь смелости или умения вступить с нею в борьбу и побороть ее.

Комментарий специалиста

Совсем недавно хороший тренер по посадке нового всадника мог определить, где, в какой школе верховой езды тот начинал свое знакомство с конным спортом и нередко даже имя того, кто был его первым тренером.

Неправильная посадка мешает дальнейшей работе и требует длительного времени на исправление, но без нее нет всадника. Представленный в главе материал очень тщательно описывает, зачем и почему положение всадника должно быть именно таким, а не иным, и не требует каких-либо дополнений.

Немецкая школа верховой езды за долгие годы доказала свою правильность. А скованность всадников не помешала им становиться победителями и призерами всех Чемпионатов мира и Европы прошлого столетия.

И трижды прав автор, утверждая, что верховой езде можно научиться, только имея постоянную многочасовую практику. Ибо нет одинаковых лошадей на свете, к каждой нужен свой подход, в основе которого будут неизменные истины: терпение, внимание и любовь к своему делу.

Глава XV ДАМСКАЯ ЕЗДА ПОСАДКА АМАЗОНКИ

Амазонка должна сидеть, помимо положения ног и отсутствия шлюсса, так же, как и мужчина. Плечи на всех аллюрах дама должна держать параллельно ушам лошади, что возможно только при положении бедер в той же плоскости. От положения бедер зависит и посадка.

С некоторого времени входит в моду у дам езда по-мужски. Не говоря о том, что такая езда отнимает грацию, сидеть дама будет всегда слабее мужчины. Думаю, что дамы скоро откажутся от этой езды, так как падать будут чаще.

Обе ноги амазонки лежат налево, в таком положении тяжесть ее тела целиком лежит на правой стороне. При этом более облегченное левое бедро стремится назад. С этим надо бороться. И поэтому, повторяю, амазонка должна сидеть в седле, как на стуле, а бедра держать параллельно ушам лошади. Только тогда посадка будет правильна, следовательно, и крепка. Налево упасть амазонке довольно трудно, так как с этой стороны ее поддерживают луки и отчасти стремя. Упасть же направо тем легче, чем более ушло назад левое плечо. При каком-либо беспорядочном движении лошади, особенно при закидке налево, корпус амазонки перемещается направо; если при этом левое плечо завалено, то равновесие совершенно нарушается и дама должна упасть направо, очень часто — на голову.

Правильная, то есть твердая посадка в то же время и элегантна. Для посадки необходимо: чтобы колени были возможно ближе одно к другому; правым плотно облегать спереди назад верхнюю луку, левое, при помощи стремени, упирать сзади вперед и снизу вверх в левую луку; не заваливая левого плеча, корпус подавать слегка вперед.

При заваленном левом плече, даже на шагу, аллюре, на котором амазонка не отделяется от седла, посадка некрасива; посадка становится безобразной, когда амазонка едет так называемой английской рысью. При подъеме на стремени плечо быстро идет вперед, при опускании в седло оно отклоняется назад. Французы называют это уродливое качание штопором.

Ехать английской рысью надо, так сказать, из-под себя. Корпус не должен делать усилия подниматься над седлом — его поднимает движение лошади. Пружиной служат щиколотки и колени, почему и не следует тянуться. Малейшее напряжение и натяжка ноги или бедер утомляет амазонку и искажает посадку. Если амазонка английской рысью едет правильно, то один темп она сидит в седле, другой — стоит над ним. В противном случае она будет падать, а не опускаться, и сидеть она в седле будет два темпа. Утомительно и беспокойно.

О езде английской рысью буду говорить в главе «Рысь».

Само собой разумеется, что для амазонки необходима гибкость. Помимо практики в езде, развитию гибкости помогают танцы.

Кроме моды на мужскую посадку для дам, существует и другая выдумка: амазонкам ездить на обе стороны. Английская и американская печать трактует это так: езда по одну сторону в детском возрасте влечет за собой искривление позвоночника. Не знаю, что стало бы с детьми в пять-шесть лет, но ни у одной из девиц двенадцати—тринадцати лет, которых мне приходилось учить, никакого искривления не случилось. В Англии и Америке детей начинают учить обыкновенно кучера и егеря. Конечно, такие учителя, по неопытности, — что может случиться, впрочем, и с настоящими учителями, — могут проглядеть какой-нибудь пустяк (а пустяки переходят в важное), от которого впоследствии развивается какая-то ненормальность. При езде направо хлыст будет в левой, более слабой руке; хлыст же амазонке заменяет шенкель.

Остановлюсь на некоторых подробностях туалета амазонки, так как часто мелочи в нем являются большой помехой при езде. Малейшая складка на одежде может быть причиной появления ссадины. Для долгой езды, особенно охоты, вместо рубашки советую надевать коротенькую шемизетку, с перехватом у талии, из мягкой и тонкой материи. Воротничок и рукавички должны быть пришиты, а не приколоты (булавки падают и колют амазонку и лошадь). Вместо чулок надевать носки, так как подвязки задерживают кровообращение, а иногда надолго стирают ногу. Панталоны должны быть не слишком широки, чтобы не делать складок, и на резиновых штрипках. Под панталоны надевать рейтузы из вязаного трико или джерси, а еще лучше лосины. Сапоги голенищами мешают чувствовать лошадь и стирают ногу под коленом, почему лучше надевать ботинки, но ботинки не на пуговицах, а на резине. Длинный корсет даже опасен. Шляпа и вуаль должны быть плотно надеты, дабы не отвлекать внимания дамы от лошади. Позволю себе сказать, что дама, теряя шляпу, теряет и голову.

Я бы не решился вдаваться в чуждые мне подробности, если бы речь шла только о красоте вида амазонки на лошади, но мне приходилось видеть столько несчастных случаев, причиной которых была какая-нибудь мелочь туалета, что не сказать своего слова не могу.

Выбирать седло надо по амазонке и по лошади. Седло должно быть плоским, чтобы колено не лежало выше сиденья. Седло должно быть жестким, без набивки, чтобы ближе сидеть к лошади (с

плоского и жесткого седла амазонке труднее съезжать набок и болтаться в нем, то есть уберечь холку лошади от наминок). Короткое седло причиняет травмы амазонке, длинное — набивает поясницу лошади. Чтобы дамское седло крепко лежало на спине лошади и не съезжало набок, надо выбирать под это седло лошадь с высокой холкой, не давать гриве попадать под переднюю часть седла. Некоторые лошади от этого бьют.

Скажу несколько слов о том, как сажать даму в седло. Знать это не столько нужно дамам, сколько полезно кавалерам, которым выпадает эта честь.

Обычно это делается так. Дама ставит левую ногу на руки кавалера, отталкивается правой ногой вперед на левую, отчего выходит, что амазонка всей тяжестью наступает на руки кавалера, дает ему, следовательно, толчок назад, который в этот момент отдаляет его от плеча лошади. Делать же надо это иначе. Амазонке следует поставить левую ногу на руки кавалера, правой ногой легко оттолкнуться вверх, настолько, чтобы левая нога выпрямилась. При этом корпус слегка подать назад.левой рукой опереться на плечо кавалера, а правой — на левую луку. Толчок вверх руки кавалера, легкая подача корпуса назад амазонки, — и она плавно опустится в седло и сядет из-под себя. Не амазонка должна искать седло, а сажающий ее кавалер. Если амазонка подпрыгнет, а не оттолкнется правой ногой, как сказано, то она обыкновенно в седло не попадает, а упадет на кавалера.

Этот традиционный способ сажать в седло с левой ноги, по-моему, не имеет смысла, и для меня необъясним. При этом способе, при толчке вверх, даме приходится делать полуоборот налево кругом, кавалеру же — пол-оборота налево. По-моему, разумнее садиться в седло с правой ноги. Правую ногу, которая ближе к лошади, поставить на руки кавалера, слегка оттолкнуться левой, чтобы выпрямить правое колено. Толчок руки кавалера — и дама поднимается вдоль седла без всяких поворотов. Не я изобрел этот способ. Я знаю многих знаменитых наездниц, которые иначе не садятся в седло. Самому мне приходилось этим способом поднимать в седло некоторых коронованных особ. Испытайте, сударыни, этот способ, и я уверен, что вы примете его.

Сев в седло, амазонке следует, оправив юбку, тотчас правой ногой взять луку, так как, если лошадь не стоит, легко упасть. Пока дама не взяла луку, кавалер не должен выпускать ее ноги.

Слезая с седла, амазонка должна: вынуть ногу из стремяни и подать кавалеру левую кисть руки; снять правую ногу с луки и подать правую руку; повернуться на седле боком, вытянуть руки, опереться на них слегка и, скользя по седлу, легко опуститься на пальцы ног, согнув слегка колени, чтобы смягчить силу толчка. Повторяю, что дама, слезая, должна опереться руками и не прыгать, а скользить вдоль седла. Соскакивая с седла, дама упадет на кавалера, и если он не настолько силен, чтобы на вытянутых руках поддержать ее, то ей приходится скользить по нему. Неприятно, некрасиво и неприлично.

Не существует правил, с какой стороны должен ехать кавалер. Думаю, что кавалеру лучше ехать с правой стороны, так как в случае надобности с этой стороны помочь амазонке легче, чем с левой, на которой находятся ее ноги. Кроме того, разговаривая, амазонка поворачивается к кавалеру, подает левое плечо вперед, а это, как сказано выше, очень желательно.

Конечно, если что-нибудь угрожает с левой стороны даме, например экипажи, то всадник должен переехать на левую сторону.

Комментарий специалиста

Эта глава представляет собой прекрасную историческую справку о дамской верховой езде.

Современные всадницы гораздо лучше чувствуют себя в седле, сидя по-мужски, нежели на дамском седле, и нередко дают фору сильному полу не только в манеже, но и на скаковых дорожках.

В Европе существуют любители такого вида дамской езды, проводятся соревнования по выездке, преодолению препятствий и троеборью.

Дамское седло вы можете встретить в музее, оно великолепно показано на статуэтках Лансере.

Практическое применение в главе сегодня имеет только последний абзац.

Если вы сопровождаете даму или начинающего всадника, вы должны оградить его от возможной опасности. Или, если ваша лошадь более опытна и не пуглива, вы должны помочь справиться с молодой и более осторожной.

Часть вторая ВЫЕЗДКА И ЕЗДА ОБЫКНОВЕННАЯ

Глава I РАБОТА НА КОРДЕ

За дело я принимаюсь со всеми лошадьми одинаково. На время урока на берцо (пясть) передних ног я надеваю фланелевые бинты. Бинты служат поддержкой сухожилий и защищают ноги пока еще неловкой лошади от ударов их одна об другую: этим сохраняются ноги от наливов и наковаленок. После урока передние ноги разбинтовываю и на два-три часа забинтовываю задние, чтобы предохранить их от застоя. Нельзя постоянно держать ноги в бинтах; теплота разрыхляет клетчатку, отчего ослабляются сухожилия.

Лошадь приводят в манеж поседланной и замунштученной. Чтобы поводья не болтались и не попадали под ноги, я пропускаю их за подбородочный ремень. К левому кольцу трензеля пристегиваю корду и пускаю лошадь налево. Позволяю ей идти, как она захочет. Если лошадь сразу отходит от меня и идет к барьеру, я ее не трогаю; если она валится в вольт, то я показываю ей бич. Вид бича обыкновенно заставляет ее отойти во всю корду. Корду держу в левой руке, а бич в правой. Лошадь оставляю идти каким она хочет аллюром. Идя по своей воле, лошадь в это время знакомится с почвой под ногами, с манежем и с предметами, которые находятся в манеже и на его стенах. Сильная лошадь сперва козлит, потом скачет и, наконец, идет рысью. Через несколько минут она успокаивается. Вялая лошадь вперед идет неохотно. Надо показать ей бич, а если этого мало, то трогать ее осторожно бичом по окоркам (голеням) до тех пор, пока она не пойдет весело, галопом или рысью. Надо избегать всего, что может испугать лошадь. Смелый и резвый аллюр поддерживаю в продолжение пяти минут.

Эти пять минут резвого аллюра я требую только от лошади в полной силе, то есть хорошо выдержанной кормом (имевшей достаточное кормление в течение длительного времени). Чем слабее лошадь, тем короче делаю репризы, и постепенно довожу их до пяти минут. После пяти минут хода налево, то есть левым плечом внутрь, я бросаю бич, стараюсь голосом успокоить лошадь и набираю корду до тех пор, пока она не подойдет ко мне. Ласково разговариваю с ней, треплю по шее рукой, если дает — по голове. Отстегиваю корду и перестегиваю ее на правое кольцо трензеля. Даю лошади передохнуть, пускаю ее направо, начинаю то же упражнение и веду его в продолжение пяти минут. По окончании репризы опять бросаю бич, зову голосом лошадь, набираю корду и снова ласкаю ее. Прием этот я признаю необходимым при начале работы с лошадью и придаю ему огромное значение, почему и останавлиюсь на основании его!

Молодая лошадь всегда беспокойна. Тень, стены манежа, предметы на стенах его — все пугает. От всякого предмета, который ее испугал, она бросается внутрь манежа, где никого и ничего нет, кроме меня в центре его. Я показываю бич. При виде бича лошадь снова пугается и отскакивает к стене, от которой я ее уже не отпускаю, направляя бич к ее плечу. Под угрозой бича лошадь опять подходит к стене или предмету, испугавшись которого она бросилась в мою сторону. Испугавшись лошадь предмет не двигается, а бич в моих руках постоянно идет за ней. Очевидно, неподвижный предмет должен казаться ей менее страшным, чем движущийся, почему, пройдя несколько раз мимо места испуга, она перестает бояться. Без настоятельной необходимости наказание не применяю. Сильной лошади даю возможность набегаться рысью, даже галопом, чтобы она израсходовала излишек энергии, стала внимательней. Вялую лошадь подгоняю несколькими ударами бича.

Вялую лошадь не следует путать с лошадью равнодушной. Хорошее кормление и работа из вялой лошади могут сделать энергичную; равнодушная, даже сильная, лошадь обыкновенно не желает напрягать своих сил, а если и напрягает, то только если сама этого захочет. Такая лошадь

для неопытного всадника может быть и опасна. Слишком энергичная лошадь иногда невыносима, часто заносит, но все-таки, по-моему, лучше равнодушной.

Главное достоинство лошади — сердце, то есть желание идти вперед.

Итак, лошадь перестала бояться всего, что ее окружает. Пригляделась она скоро оттого, что никто не стесняет ее движения и не отвлекает ее внимания, так как на спине у нее ничего нет. Достигаю я первого успеха без особых усилий. Лошадь не била, не козлила, не закидывалась.

Если я, вместо того чтобы взять лошадь сначала на корду, сразу сел бы на нее верхом, то кроме того, что все сказанное неминуемо случилось бы, я еще и упал бы вместе с лошастью, которая от непривычки к грунту манежа могла бы споткнуться.

Лошадь познакомилась с бичом, поняла значение прикосновения его к себе, научилась бояться его. Боязнь бича будет иметь большое значение в дальнейшем, а именно: если во время работы лошади придет в голову заупрямиться, что под плохим всадником всегда может случиться, то довольно будет одного вида бича, а если этого мало, то легкого прикосновения к ее бедру, чтобы заставить ее идти вперед. В этом случае бичом следует действовать осторожно, не неожиданно, чтобы не вызвать у лошади нового сопротивления.

Работа на корде дает возможность, подгоняя бичом зад лошади под нее самое, доводить рысь до полного размаха. Лошадь, сначала по необходимости, а затем по привычке, приучается поддерживать сама себя.

Упражнение на корде без всадника на спине, то есть при полной свободе движений, вымахивает лошадь. Она приобретает гибкость, ловкость, уверенность в себе и верность ноги. Думаю, что все это весьма существенно.

В упряжи лошадь поддерживается хомутом, под седлом — поводом, на корде она не имеет упора, отчего в самой себе должна искать поддержку, вырабатывать чувство равновесия и ловкость.

Пятиминутные репризы на корде полным ходом в обе стороны развивают лошади дыхание, так как легким ее приходится работать хорошо, и вместе с тем служат для нее необходимым моционом. Если выездку лошади начинать под всадником, то ее первые уроки необходимо проводить на шагу, следовательно, лошадь не может иметь необходимого моциона, и легкие ее не получают такого развития.

Два-три первых урока я оставляю лошадь идти теми аллюрами, какими она хочет, лишь бы они были размашисты и лошадь держалась стенки барьера. На дальнейших уроках я требую только одной рыси.

От всякой лошади за три-четыре урока добиться рыси нетрудно. Берейторы обыкновенно гоняют лошадь на корде, имея при себе кордового, и этот способ рекомендуют все руководства. Я его не признаю. Два человека не могут достигнуть полного согласования своих движений, и случается, что, когда один хлопает бичом, другой набирает корду. Гонять лошадь на корде следует так. Предположим, что лошадь идет налево. Она у стенки. Берейтор должен держаться лицом к лошади на высоте ее плеча, вести ее постоянно между кордой и бичом, то есть кордой ее перед, а бичом зад, и всегда идти с лошастью, а не за лошадью.

Чтобы идти с лошастью, а не за лошадью, держась высоты ее плеча, надо ходить по диагонали, вытягивая и убирая попеременно руку. При ходьбе по кругу может закружиться голова. По диагонали можно ходить сколько угодно, не уставая.

Чтобы заставить лошадь идти рысью, я трогаю ее слегка бичом, обхватывая им ее зад. (Лучше трогать плечо, но если берейтор не имеет огромного опыта во владении им, то лучше этого способа не пробовать, особенно с молодой лошастью. Вместо того, чтобы верно тронуть плечо, бич может коснуться или ударить по голове, — лошадь быстро откинется назад, то есть сделает движение, противоположное тому, какое от нее требуется.)

Если лошадь податлива, то достаточно щелкнуть языком, чтобы поднять ее в рысь. Но не советую никому злоупотреблять этим звуком, особенно когда приходится ехать в компании. От щелканья языком могут иногда произойти неприятные неожиданности.

Корду не следует натягивать, но держать ее так спокойно и ровно, чтобы лошадь чувствовала только тяжесть ее и могла бы ясно ощущать колебания, которые сообщает корде берейтор в случае необходимости.

Если от прикосновения бича лошадь делает скачок и идет вскачь, то я сдерживаю ее легкими колебаниями корды, успокаиваю голосом и покрикиваю: «Рысью...» При всей своей малой смывленности лошадь скоро заметит совпадение ощущения во рту от колебания корды со звуком голоса. Сначала она поддается обоим впечатлениям, а затем и одному — звуку голоса. Добившись от лошади широкой, ровной рыси в продолжение целой репризы, я начинаю полегоньку колебать корду, громко, но ласково покрикиваю: «Ша-гом!..» — и перевожу ее из рыси в шаг.

Лошадь должна подходить к берейтору сама. Чтобы приучить ее к этому, я осторожно укорачиваю корду и мелким шагом пячусь назад так, чтобы лошадь меня обгоняла, и, сокращая круги, приближалась ко мне.

Когда она подходит ко мне настолько близко, что я могу достать ее рукой, — глажу ее по шее и успокаиваю голосом. Чтобы лошадь не испугалась и не отпрянула назад, то есть не стала делать обратного тому, что мне нужно, я все время стараюсь ни на волос не податься вперед. Если ничто лошадь не испугало и мне удалось дать ей понять, что бояться меня нечего, то она скоро освоится и будет смело подходить.

Часто лошадь, желая отделаться от работы на корде и зная, что на середине манежа ее оставляют в покое, сама старается подойти к берейтору. Этого допускать не следует, так как, хотя лошадь и должна доверять берейтору, но подходить к нему она должна только по призыву. Приучаю я ее к этому бичом, но не снимая первое время корды. Поступаю я следующим образом. Ставлю лошадь у стены манежа, чтобы одной стороной она не могла податься вбок. По бедру, ребрам или плечу свободной стороны лошади слегка похлопываю бичом. Конечно, лошадь слегка откинется назад, но я не даю ей осадить, так как крепко держу ее за корду и, чтобы ободрить ее, ласково покрикиваю.

Иногда для призыва ударяю лошадь бичом по груди. Относительно этого приема позволяю себе некоторое отступление. Когда что-нибудь уколет лошадь, не бывшую еще в руках, она не отшатывается от укола, но, напротив, налегает на то место, где чувствует боль. (Если муха кусает лошадь в бок, то лошадь до тех пор валится на этот бок, пока обо что-нибудь не раздавит муху. Дальше будет видно, что лошадь подается вперед или куда требуется под ездоком при нажатии шенкеля или шпоры только вследствие выездки, но никак не потому, что это было ее инстинктивной потребностью.)

Возвращаюсь к призыву ударом бича по груди лошади.

Итак, лошадь видит бич и тотчас чувствует удар им по груди, то есть боль. Увидев бич, она, испугавшись его, тут же бросается назад. Почувствовав от бича боль, лошадь, как сейчас я объяснил, инстинктивно бросается вперед, по направлению, откуда получила боль. Поддаться первому чувству испуга и осадить ей не удалось — не допустила корда.

Лошади остается только поддаться второму чувству, инстинктивному велению броситься по направлению боли, и она подается вперед. Тогда надо ослабить корду и погладить лошадь. Если, приучая лошадь этим способом идти на бич, берейтор не испугает ее и не задержит в момент, когда она бросилась вперед, то лошадь скоро поймет и после нескольких уроков будет идти на призыв. Когда лошадь смело идет на бич, надо оставить корду.

Приучаю я лошадь идти на призыв бича без корды теми же приемами, которые сейчас были описаны на корде. Пока еще корда не оставлена, я постепенно уменьшаю воздействие ее на рот, так, чтобы лошадь все более и более отвыкала от этого воздействия, и соответственно усиливаю работу бичом, всегда встречая бок лошади, в сторону которого она хочет податься. В конце концов лошадь привыкает идти на призыв бича без соответственного призыва кордой, тогда начинаю приучать лошадь ходить за мной по манежу и делаю так.

Пячусь назад, держу лошадь в биче с той стороны, в которую она хочет податься, и ударяю им по заду ее при малейшей заминке. Когда лошадь станет ходить за мной, отстегиваю корду. Часто случается, что без корды лошадь бича не слушает и убегает. Тогда я вступаю с лошадью в борьбу, гоняюсь за ней по манежу и сыплю на ее зад удары до тех пор, пока не подойдет ко мне. С первого

взгляда слова мои покажутся невероятными. Лошадь, преследуемая мной с бичом в руках, покружив по манежу во весь мах, запыхается; ей необходимо остановиться отдохнуть. По опыту она знает, что, пока она у барьера, бич всегда идет за ней, а на середине манежа она его не видит; лошадь это сообразит и будет пробовать подойти к этому месту отдыха. Берейтор должен ловить момент, когда лошадь замедлит ход, готовясь свернуть на середину манежа. Он должен тотчас же воспользоваться бичом, отхватить лошадь от барьера, призывая ее тем же голосом, каким он делал призыв, пока лошадь была на корде. Если лошадь упорствует и держится у стены, — новая гонка по манежу до тех пор, пока она не сдастся и пойдет.

Работа лошади на корде представляет работу только подготовительную. Работа эта приучает лошадь к человеку, учит ее повиноваться ему. Лошадь работает на корде одна, без всадника, никто и ничто ее не раздражает, следовательно, ничто не вызывает сопротивления. Работая на корде, берейтор имеет возможность, не подвергаясь ударам лошади, давать ей чувствовать на расстоянии свою власть.

Я не сторонник капцуна, разве только для лошади очень злой. Во всяком случае, капцун должен быть легок и хорошо подбит.

Все берейторы употребляли и употребляют корду, но придавали и придают ей различное значение. Боше ее совсем не признавал. Что касается меня, то я очень ценю пользу корды, но не смотрю на нее как на средство утомлять лошадь, чтобы потом легче укротить ее.

Когда лошадь идет и исполняет на корде все, сказанное выше, я перехожу к работе в поводу.

Комментарий специалиста

Молодых лошадей при работе на корде рекомендуют бинтовать как на передние, так и на задние конечности. Часто вместо бинтов используют ногавки, защищающие конечности от травм и не перетягивающие кровеносные сосуды. Если конечности лошади не греются и нет признаков травм, бинтование после работы не применяют. В случае появления отека или повреждений кожного покрова используют ветеринарные методы лечения. Очень полезны после работы холодные ванны (замывание ног под шлангом или прогулка по воде) или влажные бинты, охлаждающие гели или охлаждающие гелевые ногавки. В зимнее время ноги следует замывать теплой водой, особенно после работы в городских условиях, где используют различные солевые растворы для борьбы со снежным покровом на мостовых и тротуарах. При больших нагрузках можно использовать бинтование ног со льдом или чистым снегом, при отсутствии других охлаждающих средств.

Если вы работаете лошадь на обычной уздечке, корду пристегивают к дальнему трензельному кольцу, предварительно пропустив ее через ближнее, или используют тренчик, проходящий через оба кольца, и за него пристегивают корду.

После того как лошадь научилась работать от голоса и колебания корды, можно перейти к работе на недоуздке или капцуне, который снова входит в моду. Он освобождает рот лошади от трензеля, но приносит и неудобства, травмирует храп и нос лошади. Работая с ним, вы избавляетесь от необходимости перестегивать корду при смене направления движения, так как корда может крепиться к центральному кольцу, но аналогичного эффекта вы можете добиться, работая лошадь на недоуздке, продев через боковые кольца ремень с одетым на оба конца подвижным кольцом. При работе с лошадью нужно стараться избегать любых травм и необоснованных болевых ощущений.

Работу на корде разбивают на несколько этапов. Первый — подготовительный; лошадь пробует грунт, знакомится с методами воздействия на нее кордой, бичом, голосом. Второй — разминочный, включает в себе интенсивную работу на рыси при максимально распушенной по длине корде, в одну и другую сторону. Третий этап, который дает возможность восстановить дыхание и отработать послушание, — шаг. Четвертый — галоп в обе стороны — дает возможность выплеснуть накопившуюся энергию, и последний — заключительный — снова восстанавливает дыхание перед окончанием работы и дает возможность остыть разгоряченному организму. Длительность всех этих реприз зависит от состояния здоровья и тренированности организма лошади и колеблется от одной -двух минут до десяти—пятнадцати минут. Возможны

изменения в последовательности при работе на корде, но желательными и обязательными являются первый и последний этап работы на шагу. Часто первый этап превращается в произвольный выброс энергии застоявшейся молодой лошади. Берейтор должен по возможности сдерживать эти порывы животного, так как, ограниченная длиной корды, лошадь может получить травмы, связанные с растяжением сухожильно-связочного аппарата при падении, незнании грунта, недостаточной ловкости, еще до конца не сформировавшейся координации движений на ограниченном кордой пространстве.

Глава II РАБОТА В ПОВОДУ

Подавание лошади вперед

Оставив корду и бич, принимаюсь за трензель и хлыст. Трензель заменяет корду, а хлыст — бич. Работаю тем и другим как будто теми же кордой и бичом.

Лошадь у барьера идет налево, я стою у ее левого плеча.

В левую руку беру концы трензельных поводьев и хлыст. Хлыст лошадь видеть не должна, для этого я и держу его вдоль левой ноги. Правой рукой беру ровно и крепко те же трензельные поводья, близко от рта лошади, под ее подбородком. Делаю несколько шагов вперед. Если лошадь подается за мной сразу, то я ласкаю ее. Если лошадь упирается, то, занося левую руку назад, концом хлыста я всего лишь трогаю ее около подпруги. Обыкновенно молодая лошадь отказывается идти вперед, и приходится не только трогать ее, но и ударять хлыстом. Теперь прошу полного внимания читателя. Наступает решительная минута, от которой зависит будущее выездки. Надо понять и помнить, что в этот момент лошадь не сознает, что от нее требуют, и не отдает отчета в том, какими принудительными средствами располагает берейтор. Лошадь пока испытывала только успокоительное влияние ласки и еще не боится наказания. Вспомним, что выездка основана на своевременном применении того и другого. Продолжаю: лошадь должна податься вперед, но она упирается. При том положении, в котором я к ней стою, попятиться ей хотя и трудно, но возможно. (От неготовой лошади всего следует ожидать, так как она свободно располагает своими силой и массой.) Правой рукой я держу верхнюю часть трензельных поводьев в том месте, где должна быть цепка. Руку эту я вытягиваю вперед и этим движением как бы толкаю лошадь вперед, а левой, не выпуская конца трензельных поводьев, трогаю хлыстом за подпругами. Спокойная, мало впечатлительная, не слишком нервная лошадь обыкновенно подается вперед довольно плавно. Лошадь впечатлительная сделает прыжок, встанет на дыбы, бросится в сторону или просто осадит. Это обыкновенные четыре вида отказа лошади, к которым надо быть всегда готовым.

Рассмотрим каждый из них. Если лошадь сделала прыжок, то нужно мгновенно поднять ей голову, чтобы переместить тяжесть ее тела назад. (С поднятой головой лошадь прыгать не может.) Чтобы лошадь не ударила передом, надо держаться близко у ее плеча. Опаснее, если лошадь встает на дыбы. Тут приходится правую руку разжать и выпустить из нее повод, а чтобы лошадь не могла достать передом и ударить, надо быстро вытянуть левую руку и, отдав поводья во всю длину, сделать полуоборот влево и стать перед ней. На расстоянии повода и руки лошадь не заденет. Когда лошадь опустилась на землю, то следует осторожно подойти к ней (пряча хлыст) и снова взять правой рукой за поводья. Если лошадь опять хочет подняться, то сильно и твердо налечь на трензель, и, когда после нескольких попыток ей этого не удастся, она этот прием отказа оставит, но зато может броситься в сторону, то есть влево, так как справа у нее барьер. Упор в левый повод трензеля и удар хлыста по боку не дадут ей разойтись. Если лошадь осаживает, то надо, встав перед ней, согнуть ноги в коленях и подать корпус назад, повиснуть обеими руками на обоих поводьях. Лошади придется на затылке тянуть берейтора. Она скоро устанет и, вытаращив на него глаза и глубоко отдуваясь, остановится. Надо, смотря ей в глаза, стараться угадать, покорились ли она совершенно или будет продолжать упрямиться (с опытом можно угадывать

намерения лошади). Я так привык к тому, чтобы лошади таскали меня на подошвах по манежу, что на трех-четырех шагах останавливаю всякую.

Не следует отставать от лошади, пока она противится, тем более прекращать урок. Когда лошадь покорится, то теми же приемами я снова заставляю ее подаваться вперед и останавливаю только тогда, когда она совершенно уступает.

Боше, подавая лошадь вперед, становился перед ней, брал трензельные поводья на половину их длины, а хлыстом бил ее по груди. Я говорил уже об ударах хлыстом по груди лошади, поэтому, в принципе, про удары в это место ничего не могу сказать, но нахожу, что держать повод на такой длине опасно. Если удар по груди покажется лошади щекотливым, то она ударит передом, и на таком расстоянии может попасть в берейтора. Что касается практичности этого способа, то скажу, что при дальнейшей выездке применять удары хлыстом по груди не придется, тогда как ударом по боку надо будет приучать ее к пониманию действия шенкелей и шпор. Наконец, при методе Боше лошадь подает вперед сначала перед и передом тянет за собой зад. При моем способе она подводит сначала под себя зад и задом толкает вперед перед, а в этом и заключается основание выездки.

Комментарий специалиста

Работа лошади в руках сейчас применяется редко, всадники, как правило, форсируют этот этап подготовки. Именно поэтому все реже можно встретить грамотно выведенную и поставленную на выводке лошадь, что немаловажно при продаже на аукционе.

Интересно представлена техника безопасности при работе с молодой лошастью, ее соблюдение остается актуальным и по сей день.

Приемы, описанные в этой главе, доступны любому и очень полезны на ранних этапах работы с лошастью, причем мундштук как таковой в этой работе не нужен. Вы можете обойтись обыкновенной уздечкой с трензелем.

Глава III

СТАВИТЬ ЛОШАДЬ. РАБОТА ЗАТЫЛКА, ТО ЕСТЬ СГИБЕНИЕ ЕГО ПО ВЕРТИКАЛЬНОЙ ПЛОСКОСТИ. ПРЯМОЕ СГИБЕНИЕ

Когда лошадь подается вперед, идя по барьеру налево, я прохожу с ней то же упражнение направо, и когда достигаю успеха и на эту сторону, то перехожу к «постановлению».

Держусь по-прежнему у ее левого плеча. Правой рукой беру мундштучные поводья на двенадцать—пятнадцать сантиметров от рта лошади. В сжатой ладони левой руки сжимаю по-прежнему концы трензельных поводьев, а свободными пальцами этой же руки беру трензельные поводья выше на пятнадцать—двадцать сантиметров. Перевожу руку с поводом перед мордой лошади и ставлю ее на длину поводьев, считая от рта ее, выше храпа. Очевидно, трензель будет давить на верхнюю челюсть сзади вперед и снизу вверх, и в этом направлении натягиваю сперва трензельные поводья. Затем правой рукой натягиваю мундштучные поводья спереди назад и тоже снизу вверх.

Прием постановки левой руки впереди морды лошади и выше храпа служит для того, чтобы: трензель, действуя сзади на перед, заставлял лошадь подаваться вперед и не давал бы ей возможности замяться или осадить; действуя снизу вверх, держать голову вверх в то время, когда мундштук станет надавливать на нижнюю челюсть, и заставлять лошадь сдать затылок и разжать рот, то есть не дать лошади опустить голову и шею вниз и упереться затылком. Действие трензеля уравновешивается действием мундштука.

Много лошадей при прямом (работа затылка) и боковом (работа ганашей) сгибаниях, уступая поводу, поворачивают нижнюю челюсть в сторону. Челюсть не уступает руке по оси сгибания, а отходит вправо или влево. Такое поведение является не уступкой, а очень вредной манерой лошади отделяться от повода. Бороться с этим надо, прибегая к энергичному посылу. Лошадь,

свернув челюсть в сторону, верно держаться не может, хотя голова и шея ее стоят верно; она будет иметь вид лошади, идущей в поводу, но в действительности она в поводу не будет и быть не может, так как не может быть у нее верной чувствительности рта. Отделяваясь от ровного повода, она неминуемо станет затылком, а то и за поводом.

Если лошадь не подается вперед, то сильнее натягиваю трензель; если она не сдает затылка, не разжимает рот, то сильнее надавливаю на мундштук. Попеременно натягиваю поводья то трензеля, то мундштука.

Натягивать поводья при этой работе следует не твердо и не протяжно, а легкими приступами, не такими короткими, как цука, но и не настолько долгими, чтобы лошадь могла лечь на повод (упереться). После ничтожной, едва заметной уступки я отдаю повод и ласкаю лошадь. Возобновляю приемы, требуя большей уступки, после которых опять отдаю повод и глажу. Надо добиться, чтобы лошадь не только сдавала затылок, но непременно раскрыла и рот, сдала бы и челюсть (подала назад нижнюю челюсть). В сдаче челюсти заключается конечная цель этого рода сгибания.

Пока лошадь сдает только затылок, а не челюсть, это значит, что она упирается, то есть передает тяжесть челюсти назад, за точку равновесия. В таком положении она может осадить.

В противодействии сменяющих давление трензелей и мундштука и заключается вся сущность работы прямого сгибания (работа затылка) — именно, когда трензель зовет лошадь вперед, мундштук, задерживая голову, гнет ее в затылке назад и заставляет сдавать челюсть. Производя попеременно давление то на трензель, то на мундштук, берейтор может применять тонко и умно великое правило берейторского искусства — принять на повод и сдать повод. Этот основной прием, называемый работой поводом, заключается в том, чтобы рука берейтора нажимала повод в момент, когда лошадь уперлась на него, и сдала бы повод в момент, когда лошадь сдала его. Эти воздействия должны следовать одно за другим, и каждое последующее должно требовать большей уступки в сравнении с той, которая получена в ответ на предшествовавшее ей давление мундштука. Лошадь начинает жевать железо, но этого недостаточно, а надо добиться того, чтобы она совершенно перестала упираться на него, сдала бы его.

Когда лошадь сдаст челюсть, возьмет повод, — тотчас, но плавно надо отдать поводья. Во все время работы поводьев надо хлыстом подталкивать по боку, чтобы лошадь не замялась или не задержалась на ходу.

Такая тонкая работа доступна только руке мастерской. Развить обыкновенную хорошую легкую руку нетрудно, и для обыкновенных требований езды хорошей руки достаточно. Часто, однако, встречаются ездоки, которые целую жизнь работают поводом и все-таки не понимают сути дела, натягивают повод, когда лошадь сдает, и сдают, когда лошадь ложится в повод. Мастерская рука работает обратно, это рука истинного берейтора, твердо сжатыми пальцами он упирает в повод тогда, когда лошадь легла на повод, и с быстротой электричества разжимает их, когда лошадь уступает в челюсти. Словом, сдает, когда лошадь сдает, и упирает, когда лошадь упирает.

При этих сменяющих друг друга действиях трензеля и мундштука и узнается степень чувствительности рта лошади.

Ошибочно принято думать, что если лошадь пенит ртом, то у нее хороший рот. Лошадь пенит, только сжимая язык, следовательно, рот ее неспокоен, почему не может правильно чувствовать повод. Лошадь пенит, когда или вертит языком во рту, или трет им о небо, или переваливает язык через железо, или сворачивает его трубкой у зева. В этих случаях к дужке удила приделывают подвижную пластинку в виде восьмерки, пластинка эта, кроме того, мешает лошади вываливать язык. Иногда лошадь пенит оттого, что играет с концами рычагов; чтобы воспрепятствовать этой привычке, концы рычагов соединяют ремешком. По-моему, рот лошади хорош, если он во время работы спокоен, не слишком сух и не слишком влажен.

Не следует приписывать тугости рта сопротивление лошади поводу, происходящее от поставка ее головы. Всякая лошадь при опущенной вниз голове будет лежать на передку, следовательно, будет туга и ртом, но если поднять ей перед и уравновесить ее, она может оказаться и не тугоуздой.

Во всяком случае, о рте лошади можно сказать, тугой он или мягкий, только тогда, когда он показывает себя тем или другим, когда лошадь идет с поднятой головой.

Если работа затылка (прямое сгибание) по указанному способу произведена правильно и умело, то лошадь должна принять следующую постановку: перед ее будет поднят, конец носа будет на высоте холки; согнутая в затылке голова будет опущена вниз так, что ось ее будет немного переходить вперед за отвес (ось головы не должна выходить за отвес к туловищу, в этом случае постав будет порочен, что является последствием неверного, головой вниз, сгибания лошади), рот будет свободен и разжат.

Лошадь будет слегка перед рукой, то есть будет идти на повод.

Для большей ясности я изложил приемы работы затылка (прямого сгибания) по моей методе, предположив, что лошадь стоит на месте, на самом же деле я применяю их на ходу.

Большинство берейторов применяют приемы сгибания иначе. Чтобы понять сущность приема прямого сгибания (работа затылка) и как его нужно применять (основа выездки), надо рассмотреть, для чего он служит и что им должно быть достигнуто. Работа затылка имеет цель: поднять лошади шею для того, чтобы поставить ее в равновесие.

Редко встречается от природы уравновешенная лошадь, так как в силу своего сложения она держится более на переду. Причиной тому то, что голова лошади отстоит от туловища более или менее далеко впереди точки ее равновесия. Чем далее от центра тяжести стоит голова лошади, тем ниже она ее держит и тем больше вся тяжесть лошади лежит на плечах. Если шея лошади поднята, голова более приблизилась к центру тяжести лошади, то, соответственно, равномернее будет размещаться и вес тела ее.

На ходу лошадь перебрасывает попеременно тяжесть своего тела с зада на перед и с перед на зад. Задача выездки состоит в том, чтобы поставить лошадь в такое положение, чтобы тяжесть ее тела была правильно распределена на все части ее тела, чтобы уравновесить ее на ходу.

Поднятая шея равномерно ложится своей тяжестью на перед и зад лошади, отчего и тот и другой могут работать с одинаковой силой и легкостью. Шея «ставит лошадь». Лошадь в постановлении получает возможность свободно подводить задние конечности под центр своей тяжести и свободней и выше выносить передние ноги.

Для скачки высокий ход не годится, так как нужно, чтобы лошадь возможно более вытягивалась, почему при тренировке шею не поднимают, а требуют обратного — чтобы лошадь как можно более стлалась по земле.

Некоторые лошади держатся на заду, и для уравновешивания новейшие авторы предлагают пересаживать лошадь на перед. Из вышеизложенного о сложении лошади и отношения частей тела ее между собой вытекает, что и в этом случае равновесия достигнуть возможно, только подняв голову и шею лошади вверх. Лошадь может сидеть на заду только в том случае, когда она стоит за поводом, ее задние ноги или слишком удалены от центра тяжести или слишком близко к нему подведены. При таком поставе лошадь идет на прямых задних ногах или подбирает под себя задние ноги так далеко, что перпендикуляр, опущенный от ягодиц, будет идти позади скакательных суставов.

Второе даже опаснее — лошадь готова подняться на дыбы. От лошади за поводом всегда можно ожидать, что она будет или пятиться или подниматься на дыбы.

В данном случае возникает неестественное, неравномерное распределение тяжести тела лошади, но созданное ею самой вследствие того, что она не подается на повод или не хочет идти на него. Если при этом опустить еще нарочно голову вниз, то тяжесть еще больше передается на перед, и работа зада, которую лошадь не желает выполнять, станет для нее еще труднее. Не говоря уж о том, что при опускании передается большой размах для дыбов. На самом деле, надо, напротив, чтобы облегчить работу зада, непременно поднять перед лошади. Поднимать голову лошади надо, натягивая трензельные поводья не спереди назад, а снизу вверх. Повод натягивать мягко, не дергая, осторожно и легко. Затем, применяя приемы сгибания затылка и челюсти, сильно и постепенно подгоняя шенкелями как можно дальше под центр тяжести зад, расслабить его и развить в нем гибкость и упругость. Лошадь, которая держится на заду, не идет на повод; которая стоит за поводом, в то же время стоит и за шенкелями, более или менее неохотно по-

дается вперед под их напором. Вследствие этого, работая такую лошадь, надо как можно мягче и легче действовать на нее поводьями и как можно энергичнее посылать ее шенкелями. Скажу даже, что шенкеля должны работать так энергично, чтобы заставлять лошадь не только подаваться, но и бросать тяжесть своего тела на повод. Иными словами, неверное распределение тяжести лошади надо насильно исправить и поставить лошадь в равновесие. Тут уместен бич, который является отличной подготовкой для действия ноги. Как видно, шея лошади представляет главное препятствие равновесию лошади, следовательно, достигнуть его, опуская шею, нельзя. Необходимо утвердить шею в оси лошади, связать голову ее с плечами и достигнуть легкости движения лошади путем сгибания и раздачи челюсти.

В естественном состоянии голова перетягивает вниз распущенную, прямую, слабую шею. Бич держат за тонкий конец. Работа затылка укрепляет шею, тренируя ее, ставит ее в вертикальную плоскость и устанавливает ее в этой плоскости (*от издателя*: в оригинале «ось»). На этой стойкой опоре голова, сидящая на ганахах, которые после соответствующих сгибаний приобретут гибкость, получает возможность двигаться легко и свободно. Одним словом, голова, шея, плечо устанавливаются в вертикальную плоскость и сливаются в одно целое с уравновешенным телом лошади, и все это целое становится гибким, ловким, поворотливым.

Раз лошадь поставлена в равновесие, челюсть, развитая сгибаниями, дает возможность регулировать движения зада вперед и переда назад. Именно рука всадника, находящаяся в постоянном общении с челюстью лошади, принимает через нее на повод напор тяжести тела лошади, бросаемой сзади на перед ее задними ногами и, приняв этот напор, отбрасывает эту тяжесть обратно назад на задние ноги лошади. Рука задерживает и отдает к центру только ту часть толчка зада, которая нужна для равновесия, большая же часть идет на поступательное движение лошади вперед.

Гибкость, податливость спереди назад челюсти, головы и шеи увеличивается прогрессивно с зада на перед, податливее всего челюсть, затем голова в затылке и, наконец, шея в холке, в плечах (представьте себе бич, который вы держите за толстый конец). Иными словами, сила поступательного движения, развитая лошадью в самой себе, встречает руку всадника; рука, нажимая поводом на десны, гнет спереди назад, давит челюсть (тем сильнее, чем сильнее напор) и через челюсть — голову на шею. Шея в силу своего положения относительно плеч упирается в них всей силой развившегося поступательного напора (повод давит челюсть, челюсть — затылок, затылок — шею).

Такое взаимное отношение всадника и лошади определяется термином «лошадь в поводу». От положения головы зависит и воздействие повода. При опущенной голове мундштук будет действовать как трензель. При верно поднятой голове мундштук, лежа на деснах, будет действовать правильно спереди назад по прямой. Когда голова слишком ушла за отвес, мундштук перестает действовать правильно, так как давление будет сверху вниз. Приемы эти вывел я не из предвзятой теории и применяю их не на авось. Надеюсь, что мне удалось выяснить их сущность.

Боше первый начал применять сгибания и положил их в основу выездки. К сожалению, он не отдавал себе ясного отчета в их применении. Самому Боше это мало мешало, так как у него так тонко было развито чутье лошади, что руки и ноги его восполняли недостатки его системы. В сочинения свои он, конечно, не мог вложить своего чутья, и в них вместе с верными положениями встречаются и ошибочные. Указывая ниже на ошибки Боше, я не только не думаю умалять достоинства великого берейтора, но думаю, что этим самым я отдаю ему дань уважения.

Приемы сгибания по Боше, по-моему мнению, в значительной степени подорвали в глазах знатоков дела доверие к самой сущности их. Я тем не менее признаю за ними значение основы разумной выездки и езды.

Ошибка Боше при сгибании затылка, которую современные всадники широко повторяют и даже утрируют, заключается в том, что гнул он голову лошади не в затылке, а в холке. При таком применении этого приема шея идет вниз, лошадь становится на плечи, то есть усиливается неравномерное размещение тяжести ее тела. Лошадь принимает постановку «затылком». Ей искусственно прививается свойство спотыкаться. (Рисунок 3. Сравнить фигуру 1, приготовление к сгибанию по моему методу, с фигурой 2, взятой из книги Боше, то же приготовление по его методу.

На этой фигуре передние ноги не только вытянуты вперед, но и вогнуты; конечно, подача вперед невозможна, ничего не может быть хуже. Затем сравните рисунок 4, фигуру 2, правильное сгибание, с фигурой 1 — сгибания, которые обыкновенно делают теперь.)

Сам Боше положил основание этому заблуждению. К концу жизни (последнее издание 1874 г.) он понял свою ошибку, но ограничился только тем, что поднял голову лошади, но не гнул ее в этом положении. Как бы то ни было, Боше остается и останется великим ездоком, но последователи его обыкновенно только портят лошадей, за выездку которых они берутся.

Некоторые авторы изобрели даже методу систематически опускать шею. В виде курьеза прилагаю рисунок 5. На нем изображен этот изумительный прием. Это последнее слово искусства — ставить лошадь в такое положение, что ее колени сбиваются от падения на нос.

Часто приходится слышать, что сгибания ни к чему не ведут. Удивляться нечему. Сгибания представляют собой такой тонкий прием, что они доступны только, как я сказал выше, мастеру своего дела, и если браться за него неумело, то результаты будут только отрицательные, а лошадь, к которой их станут применять, будет непременно испорчена.

Сгибаниями затылка обыкновенно работают лошадь, держа ее, стоя на месте. Я применяю их только на ходу, и лишь для ясности уразумения я, излагая приемы, допустил предположение, что лошадь стоит на месте. Работаю я их следующим образом. Становлюсь, конечно, у плеча, щелкаю языком и натягиваю сравнительно чувствительнее трензель, то есть толкаю лошадь вперед. В то же время натягиваю сравнительно слабее мундштучные поводья, то есть сохраняю незначительный перевес подачи вперед над задержкой. Когда лошадь несколько раз сдала челюсть, я отдаю повод и несколько секунд веду ее с собой. Долго тянуть сгибания не следует, зато надо часто повторять их. Когда лошадь при первом же требовании поводьев легко сдает челюсть, надо ставить ее в положение, возможно более близкое к положению ее под всадником, для чего изменяю способ держать поводья.

Стою у левого плеча (лошадь идет налево), правой рукой беру трензельные и мундштучные поводья на длине около пятнадцати сантиметров от подбородка (конец трензельных поводьев и хлыст, как всегда, держу в левой руке). Хлыст держу так, чтобы тонкий конец его приходился на высоте бока лошади. Так как при таком приеме трензельные поводья не находятся перед мордой лошади, то есть ими звать лошадь вперед нельзя, то для подачи лошади вперед надо тронуть бок ее хлыстом.

На рисунке показано: трензельные поводья между сжатыми большим и указательным пальцами тянут снизу вверх и держат голову высоко; мундштучные — правый под мизинцем, левый между третьим и четвертым пальцами — более приближаются к горизонтали, тянут спереди назад, разжимают челюсть.

87В данном случае уже не перед подает за собой зад, а зад подводится под лошадь и толкает ее перед на челюсть, на которую в обратную сторону действуют поводья, то есть руки берейтора.

Когда прием сгибания затылка применяется к лошади на ходу, то она приучается не ложиться в повод и уступать легко. Прием этот отлично подготавливает лошадь к будущему положению ее под седоком и вместе с тем вырабатывает руку ездока. Если работать лошадь стоя на месте, то гораздо легче и скорее можно достичь подвижности челюсти, но зато можно легко и поставить лошадь за повод. При работе на ходу этого не может случиться. Это обстоятельство имеет такое важное значение, что особенно обращаю на него внимание и советую лучше не торопиться, но зато сделать хорошо. Упорно стою на том, что работу сгибания во всей полноте необходимо производить только на ходу, но бывают обстоятельства, при которых работа на ходу является если не всегда возможной, то, во всяком случае, всегда неприятной. Случается это тогда, когда приходится иметь дело с лошадью, которая вырывает повод или слишком низко держит голову. С такими лошадьми мне всегда удавалось настоять на своем. Когда приходится работать с лошадью на месте, то необходимо обратить особое внимание на то, чтобы не допустить ее осаживания, и при малейшей попытке надо мгновенно левой рукой за спиной хлыстом подать вперед. Если лошадь отстает задними ногами или упирается на передние, то подать ее вперед надо тем же способом, но энергичнее. Лошадь может не осаживая, но стоя на месте передать тяжесть тела назад (седалищный бугор отойдет назад за скакательный сустав). В этом случае надо энергичнее

налечь на трензель, чтобы поставить лошадь верно на все четыре ноги, и не допускать ее повторить это. Если лошадь, идя в поводу, стала сдавать затылок, то, будучи под всадником, она будет еще податливее, так как пода-ваться вперед она будет не из-под хлыста, а после посыла шенкелем, а воздействие шенкелей, конечно, сильнее и энергичнее воздействия хлыста. Подавать лошадь вперед надо шенкелями, постепенно нажимая их, поводья натягивать, когда лошадь уперлась, и сдавать, когда лошадь сдала их, то есть работать поводом, как при работе затылка в поводу.

Всадник, работая затылок, должен все время вести лошадь в шенкелях для того, чтобы, во-первых, вызвать ее на сдачу челюсти и, во-вторых, чтобы не давать ей возможности ложиться на повод. Не надо вообще производить сгибание стоя на месте, но гнуть затылок на стойке сидя на лошади не годится еще и на следующем основании: для сдачи челюсти необходимо слегка трогать лошадь шпорой, а если лошадь привыкнет стоять под шпорой, то воздействие руки, то есть повода будет казаться ей более настойчивым, чем воздействие шенкелей. Если лошадь, которая приобрела такое ложное представление о поводе и шенкеле, упрется, ляжет на повод, то как и чем быстро подать ее вперед? При таком условии лошадь может очень легко сноровиться. В работе на ходу и заключается отличие моей системы от системы Боше. С первого урока с лошадью я начинаю пускать ее вперед.

Боше в своем «Dictionnaire resonne d'equitation» (1833) говорит: «На первых уроках в продолжение получаса производить работу на месте, а последние пять минут упражнять лошадь в осаживании». Какое плачевное употребление двадцати пяти и пяти минут! По-моему, из получаса работы все полчаса должны идти на работу вперед и ни одной секунды не следует тратить на работу на месте или осаживание. Боше работал затылок сидя на лошади, на месте, конечно, легко работая при этом шпорой. Если лошади под ним не норовились, то выручало тут только его изумительное чутье.

В системе Боше и в работе под седлом делается та же ошибка, как и при работе в поводу. Для наглядности прилагаю рисунок 7, фигуру 2 (рисунок этот заимствован без всякого изменения из его сочинения). Прошу сравнить эту вторую фигуру с первой фигурой того же рисунка, которая изображает правильное сгибание затылка.

До какого утрирования ошибок Боше дошли его последователи, может показать рисунок 8, заимствованный из одного новейшего издания. Что изображено на нем? Голова лошади опущена вниз, выставлена вперед далеко за центр тяжести; лошадь стоит затылком, лежит на плечах, явно готова встать за поводом; челюсти сжаты; действие мундштука идет сверху вниз. К полноте картины нечего и прибавить.

Чтобы понять, что нужно при сгибании затылка, стоит посмотреть на этот рисунок и делать только обратное.

Комментарий специалиста

Сгибание затылка, представленное в главе, требует определенных навыков берейтора в работе с мундштучным оголовьем. Аналогичных результатов можно добиться, используя только трензельное железо и лакомства. Мягко работая поводом, отзывая лошадь назад, заставляя сгибать шею в затылке, но не допуская движения корпусом. Когда лошадь начинает отжевывать трензель и сдает голову, дают лакомство. Этот прием позволяет довольно быстро выработать у лошади навык отвечать на работу повода. Позднее эту работу проводят уже не в руках, а в седле. Для коррекции положения головы опускают повод до середины основания шеи и постепенно перебирают его более коротко, мягко отзывая лошадь и поднимая голову вверх, мягко работая пальцами руки и заставляя лошадь отжевывать трензель.

Уступка поводу поощряется оглаживанием или лакомством. Если вы даете лакомство с седла, воспользуйтесь этим, чтобы выработать поворот головы с высоко поднятой шеей. Дайте лошади лакомство с ладони, стараясь не нагибаться вперед.

По мере закрепления этого навыка подключают работу шенкелем, заставляя лошадь сместить центр тяжести вперед и подвести задние ноги.

Глава IV

СПОСОБЫ КАК ПРИУЧАТЬ ЛОШАДЬ ДАВАТЬ НА СЕБЯ САДИТЬСЯ

Надо быть всегда готовым к тому, что лошадь не даст всаднику сесть на себя или будет мешать ему в этом. Надо знать, что лошадь может предпринять, и надо быть готовым не дать ей возможности противиться, а в случае нужды побороть ее и настоять на своем. Злая или норовистая лошадь или поднимается на дыбы, или осаживает, или бьет левой передней или левой задней ногой. Если лошадь имеет эти привычки, то ее приходится не приучать к делу, а отучать от них. Приучая лошадь давать на себя садиться, надо надеть на нее корду, взять бич, встать у левого плеча и занести, для вида, левую ногу к стремяни. Если лошадь поднялась на дыбы или осаживала, то следует сильно ударить ее бичом по задку (держа корду, можно встать так, чтобы лошадь не ударила) и продолжать прием снова, до тех пор, пока лошадь не перестанет подниматься. Если лошадь лягается, надо поднять ей голову и громко на нее прикрикнуть. Если она бьет одной ногой, то следует ударить ее по этой ноге бичом. Когда лошадь пуглива, нервна, беспокойна, щекотлива, то она может не давать садиться на себя, и не от злости или упрямства, но и вследствие своего характера. Когда лошадь не дает садиться на себя, то сопротивление ее выражается четырьмя способами, а именно: она подается вперед, осаживает, бросается вправо и бросается влево. В этих случаях я поступаю следующим образом: беру в левую руку левый трензельный повод и пасму гривы посередине шеи. В правую руку, в которой держу хлыст, беру правый трензельный повод так, чтобы он был слегка натянут, и этой же правой рукой берусь за переднюю луку. Становлюсь лицом к плечу. Если лошадь осаживала, то даю хлыстом по задку, и бью им при каждой осадке до тех пор, пока она не будет стоять спокойно. Если лошадь подалась вперед, то ставлю ее поводьями на место. Если лошадь бросилась влево, то поворачиваю ее голову налево, отчего ее ляжки встанут вправо, и поступаю наоборот, если она бросилась вправо.

Обыкновенно лошадь пускает в ход какую-либо из этих четырех защит или в момент, когда всадник заносит ногу в стремя, или когда он поставит ее в стремя, или когда он поднимается на стремяни, чтобы перенести правую ногу. К каждому из этих приемов всадник должен переходить тогда, когда лошадь стоит неподвижно при предшествующем. Опускаться в седло следует только тогда, когда лошадь стоит спокойно все время, пока всадник стоит на левом стремяни и переносит правую ногу через ее круп. В это время большей частью лошадь и делает попытки помешать сесть на себя. Если сопротивление лошади слабо, то достаточно поправить ее поводом; если оно серьезно, то надо встать на землю и наказать ее хлыстом. Когда всадник сел в седло и взял в каждую руку по трензельному поводу, то ему уже ничего не стоит пресечь всякую попытку лошади. Принято, садясь на лошадь, брать оба поводка в левую руку, а гривку — у холки, правой рукой брать за заднюю луку, подняться на левом стремяни, переносить правую руку на переднюю луку в тот момент, когда правая нога заносится через круп лошади. При этом способе садиться на лошадь в тот момент, когда всадник переносит правую руку с задней луки на переднюю, он совершенно незащищен и положение его крайне неустойчиво. Вследствие этого всадник обыкновенно не опускается на седло, а падает в него. Если лошадь не стоит, то упасть можно и на переднюю луку и за седло. Думаю, что мой способ садиться на лошадь более основателен.

Во время работы на корде я туго натягиваю подпруги. Пробегав на корде рысью, лошадь протрясется, и подпруги ослабнут. Когда я после корды сажусь в седло, лошадь не может оказаться перетянутой. Я держусь правила садиться на лошадь в первый раз всегда после того, как прогоняю ее сперва на корде. Конюхи обыкновенно подтягивают подпруги туго, но, когда они седлают лошадь, на которую приходится садиться в первый раз, они подтягивают еще усерднее. Как упустить случай потешиться надо мною, когда я полечу с лошади! Как не доставить себе этого невинного удовольствия!

Зная человеческое сердце, я не показываю вида, что понимаю, в чем дело, но еще и поддакиваю: тяните, тяните крепче. Лошадь приводят в манеж, и я пускаю на корде. Перед тем

как сесть на лошадь, я быстро отпускаю подпруги на одну или две дырки. Лошадь мгновенно чувствует облегчение, отдувается, довольна и стоит, пока я на нее сажусь, спокойнее.

Конюхи ошиблись в расчете, а у меня прибавилось одним приемом больше приучать лошадь давать садиться.

Достаточно несколько раз сесть на лошадь и слезть с нее, чтобы она освоилась и стояла спокойно.

Сев в седло, не следует держать лошадь на месте, но тотчас надо тронуть ее вперед. Всякая лошадь будет спокойна, если ездок будет держаться этого правила. Садиться надо возможно спокойнее и спокойно трогать лошадь с места. Во все время с лошадью надо обращаться ласково, мягко, так как если запугать ее каким-либо резким приемом, то она, ожидая повторения грубости и боясь, никогда не будет давать на себя садиться.

Когда я сажусь на лошадь в первый раз, я ничего от нее не требую, лишь бы она шла вперед, направляю ее трензелем и не трогаю мундштуком, поводья держу разобранными в обеих руках. Поводья тем не менее держу в руках все и наготове. Шпорой не трогаю. Лошадь распускаю, сколько возможно, и езжу на ней по манежу в обе стороны.

Главное условие для того, чтобы лошадь не противилась, и заключается в том, чтобы сразу от нее ничего не требовать. Если лошадь опускает шею, я едва заметными толчками трензеля снизу вверх (отнюдь не спереди назад) поднимаю ее. Если она задирает голову, я легко, но так, чтобы не задержать ее хода, даю ей чувствовать мундштучные поводья, а если она останавливается, то я отдаю поводья, беру ее сзади подпруг в шенкеля и нажимаю ими до тех пор, пока она не пойдет вперед. (Шенкеля в этом случае заменяют знакомый лошади при работе в поводу хлыст.)

Когда лошадь идет вперед, я продолжаю ездить по манежу и стараюсь, не задерживая ее, ставить ей голову. Лишь только замечу у нее малейшую игру рта, тотчас слезаю с нее и гну несколько раз затылок до тех пор, пока она не сдаст повода, даю морковь и отправляю в конюшню. Морковь надо резать вдоль, а не кружками, отчего лошадь может подавиться. Сахара давать не люблю: когда она взнуздана, то пенит и брызжет, что неприятно. Давая сахар в кормушку, можно развить прикуску; кормушка делается сладкой, лошадь сначала ее лижет, потом кусает, а затем прикусывает.

Итак, на первом уроке под седлом от лошади, кроме хода вперед, ничего не требую. Советую принять за правило, что от лошади никогда не должно требовать нескольких вещей зараз, так как лошадь непременно запутается, не будет понимать и не будет в состоянии понять, что от нее требуют, а всадник может принять это непонимание за отказ.

Комментарий специалиста

Способы заездки лошади претерпели некоторые изменения. Перед тем как сесть в седло, рекомендуется сделать среднюю по тяжести работу на корде, чтобы лошадь размялась, выбросила избыток накопившейся энергии; после появления активного потоотделения считается, что лошадь готова к дальнейшей работе. Стремена во время этой разминки рекомендуют отстегивать или надежно фиксировать за путлище на уровне крыла седла, чтобы они не раскачивались и не пугали лошадь. Как правило, проводят заездку двое: один человек держит лошадь на корде и в поводу, другой освобождает стремяна, ставит ногу и плавно садится в седло. Если лошадь отходит в сторону, кордовый поправляет ее, работая поводом.

Предварительно в деннике, а затем и в манеже, держа лошадь в поводу и на корде, делают висы на седле, стараясь максимально загрузить спину, ставят ногу в опущенное вниз стремя и потихоньку переносят центр тяжести на эту ногу. Главное — не вызвать у лошади отрицательной реакции и успокаивать ее голосом и лакомством за каждую правильную реакцию, мягко и в то же время уверенно пресекать нежелательное поведение.

Только после того, как лошадь позволяет спокойно сесть на себя, всадник разбирает повод и при помощи кордового начинает движение. Бич выполняет функцию шенкеля. Цель всадника — причинять сейчас как можно меньше неудобства лошади. После того как лошадь начала движение шагом по кругу и правильно реагирует на всадника, не делая попыток отделаться от него, урок заканчивается. Если лошадь сама переходит в рысь или галоп, кордовый помогает остановить ее

или в случае неповиновения заставляет активно двигаться; как правило, молодая лошадь быстро сдается. Под весом всадника и после работы на корде на длительное сопротивление у нее не остается сил, и она начинает движение шагом, что от нее и требовалось.

Возможна и другая реакция лошади: она может начать пятиться или будет упорно стоять на месте. Применение бича может помочь в этой ситуации, но вызовет слишком энергичное движение вперед прыжком, что нежелательно, и в дальнейшем закрепится в попытках начать движение раньше, чем всадник от нее этого потребует.

Иногда для того, чтобы заставить идти вперед, используют уже готовую, хорошо выезженную лошадь. Подчиняясь стадному инстинкту, молодая начинает движение за хвостом старшей.

Только хорошо освоив эти приемы, начинают работу рукой и шенкелем. И конечно, не надо форсировать работу по заездке молодой лошади.

В возрасте полутора лет лошадь не может нести тяжелого всадника и большие рабочие нагрузки. Только в два года допускаются резвые галопы под легким всадником весом около пятидесяти килограммов. Во времена автора этой книги заездку лошадей начинали значительно позже, в возрасте трех-четырёх лет.

Особое внимание необходимо уделять состоянию грунта и обязательно бинтовать ноги лошади. Это поможет сохранить ее здоровье.

Упражнение считается освоенным, если лошадь спокойно движется не только на корде, но и на свободе. Для этого после движения по кругу кордовый начинает движение по прямой, всадник поводом показывает лошади, куда надо двигаться, мягко высылая ее вперед шенкелем. Как только понимание будет достигнуто, кордовый становится не нужен, через несколько занятий он только помогает сесть, придерживая лошадь за повод, пока всадник садится в седло.

Глава V

КАК ДЕРЖАТЬ ПОВОДЬЯ

Существует три способа держать поводья: английский, французский и немецкий.

Трензель имеет назначение (лежит выше мундштучного удила) поднимать голову лошади вверх; мундштук — гнуть ее вниз, и это положение признают все школы езды. Естественно, что положение трензельных и мундштучных поводьев в руке всадника должно соответствовать положению трензеля и мундштучного железа во рту лошади.

Англичане, вопреки ясности этого положения, держат в руке все четыре повода на одной высоте. Поводья держат между каждым пальцем, а кисть руки держат пальцами (ногтями) вниз. Немцы идут еще дальше — трензельные поводья держат под мундштучными. Оба способа не лучше один другого, но немцы еще дальше ушли от здравого смысла. Рационально расположены поводья в руке всадника только по французской методе, а именно: кисть руки стоит вертикально, левый мундштучный повод проходит под мизинцем, правый между четвертым и пятым пальцами, и концы обоих удерживаются большим и указательным пальцами; оба трензельных повода лежат сверху кисти руки между этими же пальцами. При этом способе все, что нужно получить от лошади (конечно, выезженной), достигается движением только одной кисти руки, а именно: 1) рука стоит по отвесу — равномерное давление на все четыре повода; 2) мизинец подан назад (пальцы сверху вниз) — действие на мундштук; 3) большой палец подан назад, к телу всадника (пальцы снизу вверх) — действие на трензель; 4) пальцы повернуты внутрь (ногти вниз) — действие на правый мундштучный повод; 5) пальцы повернуты наружу (ногти вверх) — действие на левый мундштучный повод.

Итак, движений кисти (сзади вперед, спереди назад, пальцы вверх, пальцы вниз) достаточно, чтобы произвести все нужные рода воздействия повода на рот лошади. Поводья лежат в одной руке, отдельно одни от других. Действие поводьев останется тем же, если оставить в левой руке мундштучные поводья, а трензельные взять в правую и поставить ее много выше левой. Передать трензельные поводья из правой руки обратно в левую можно, не трогая на ней мундштучных.

Иногда бывает нужно разобрать поводья в обе руки, то есть правые трензельный и мундштучный поводья взять в правую руку, а оба левых — в левую. Для этого нужно пальцы

правой руки ввести между поводьями так, чтобы правый мундштучный повод оказался под мизинцем, а правый трензельный — между большим и указательным пальцами правой руки, в таком положении, в каком остались левые поводья в левой руке. Обратным движением поводья можно передать в прежнее положение. Нечего и говорить, что брать все поводья вместе и как попало в одну руку можно, только сидя на совершенно выездженной лошади.

При выезде и доезде лошади, то есть когда надо быть готовым к определенному и отчетливому воздействию каждого повода, очевидно, что каждый из них должен лежать в руке на своем месте.

Комментарий специалиста

Из трех описанных способов держать поводья сегодня используют только французский.

В работе с обычной уздечкой применяют еще скаковой способ разборки поводьев, когда между большими пальцами рук образуется скользящая петля. Возможна разборка поводьев и в одной руке, тогда в ладони оказывается перехлест поводьев, имеющий форму восьмерки.

При обычной работе держат трензельный повод, пропуская его над мизинцами рук, в остальном сохраняя положение рук французского способа разбора, но без мундштучного повода. При езде на ковбойском седле повод представляет собой два не соединенных между собой ремня, которые при необходимости держать в двух руках или одной руке сверху вниз, прижимая большим пальцем руки к указательному и проводя через сжатый кулак.

Глава VI ПРИУЧАТЬ ХЛЫСТОМ ЛОШАДЬ УСТУПАТЬ ШЕНКЕЛЮ И ШПОРЕ

Каждый урок я начинаю повторением пройденного, и затем с каждым новым уроком прибавляю новое требование. Когда лошадь смело идет во все стороны по манежу, отыгрывает немного ртом, то наступает время приучать ее к шенкелю и шпоре.

Эту работу с лошадью нельзя проводить иначе, как в поводу в руках. Становлюсь перед лошадью.левой рукой беру у рта трензельные поводья (конец их с пряжкой при всякой работе в руках должен быть всегда в ладони левой руки). Поднимаю им голову лошади и держу ее поднятой вверх. Поворачиваю голову лошади влево и в то же время хлыстом, который держу в правой руке, слегка трогаю по ее левому боку около подпруги, в том месте, где впоследствии будет шпора. Это называется боковым воздействием, так как оно направлено на зад и перед одной стороны, дабы получить движение в другую сторону. При полной выезде воздействие повода с одной стороны соответствует воздействию шенкеля противоположной стороны, почему рациональная выездка и езда называются выездкой и ездой по диагоналям. Подробнее об этом пойдет речь позже. Лошадь от этих воздействий обязательно должна переступить вправо. Когда лошадь ступила в этом направлении два-три шага, то есть уступила, я останавливаю ее и глажу. Если лошадь брыкнула на хлыст или начинает лягать на него, то надо опустить ей зад поднятием головы и бранить ее (наказать сейчас же за ошибку и приласкать за уступку).

Если лошадь бросится боком на хлыст, то следует сильно повернуть ей голову влево, что заставит ее отнести зад вправо. Почему она это делает, сказано выше, а щекотливая лошадь бросится непременно. Наказывать лошадь в этом случае не следует, так как, во-первых, она не понимает, чего от нее требуют, а во-вторых, само движение это делается инстинктивно. Это упражнение надо повторять несколько раз на обе стороны, и так как оно не трудно и не стоит лошади особенных усилий, то она скоро поймет, в чем дело, и станет принимать задом в обе стороны.

Репризы принятия задом надо повторять часто; не требовать за каждой репризой более двух-трех шагов вбок, а после каждой удачной репризы — погладить.

Когда лошадь при указании хлыстом легко принимает в обе стороны, не следует более поворачивать ей голову в сторону (обратную движению зада), а ставить и держать ее прямо и направлять зад только одним хлыстом. Упражнение с хлыстом приучает и prepares лошадь

терпеть и понимать нажатие шенкеля и шпор. Кроме того, оно дополняет и содействует приемам постановки головы, развивает, развязывает суставы и подготавливает лошадь к боковым сгибаниям. Боше приступает к работе ганашей (боковым сгибаниям), не приучив предварительно лошадь подавать зад под хлыстом. Ошибка очевидна: лошадь инстинктивно подает зад в сторону, противоположную той, куда поворачивают шею. Если лошадь не понимает хлыста — чем поставить ее на место?

Комментарий специалиста

Как уже говорилось в предыдущих главах, работа лошади в руках является на сегодня большой редкостью, поэтому приемы приучения лошади к уступке шенкелю чаще проводят находясь верхом, при помощи хлыста. Требовательно, но **не** жестко добиваясь выполнения уступки на шенкель, подкрепляя благодарностью верно выполненное упражнение и подсказывая и усиливая действие шенкеля хлыстом в случае заминки и непонимания.

Глава VII ЛОШАДЬ ПОД ВСАДНИКОМ

Первые сопротивления лошади. Способы борьбы с ними

Садясь в первый раз на лошадь, нельзя быть уверенным, что она сразу пойдет вперед. Надо заранее знать, чего можно ожидать от лошади, знать, что борьба с ней неминуема, и быть готовым к этой борьбе. Сев в седло, надо сесть в него крепко и сидеть из-под себя. Корпус надо держать назад и шенкеля не отпускать от лошади (то есть держать ноги ближе к лошади). Если лошадь прыгнет, то есть поднимется на всех четырех ногах, то надо поднять ей голову вверх и сильно подать ее вперед шенкелями. Когда лошадь дает прыжок вперед и голова ее при этом стоит высоко, то толчок, который испытывает всадник, не выбивает его сильно из седла. (Козлы, то есть прыжки на месте, представляют самое сильное сопротивление лошади. Если не сдвинуть лошадь вперед и дать ей бить на месте, не усидит никакой ездок.) Он непременно вылетит из седла, если разрешит лошади козлить, даст ей возможность опустить голову вниз между передними ногами, горбить спину и прыгать на одном месте. Так как в то время, когда лошадь козлит, подать ее вперед почти невозможно, то надо стараться трензелем свернуть ее **в** сторону. Если лошадь берет привычку козлить, то сворачивать ее в сторону надо в тот момент, когда она начинает приостанавливаться и тянуть голову вниз. Сворачивать в этом случае в одну и ту же сторону не следует, так как лошадь может обратить это в еще один прием сопротивления.

У всякой лошади один бок более развит, чем другой, поэтому на один бок она поворачивает легче, чем на другой. Так как, когда лошадь козлит, главный вопрос заключается в том, чтобы свернуть ее, то, если она не уступает на один бок, надо сворачивать ее на другой. При всяких других обстоятельствах всадник должен поворачивать лошадь не в ту сторону, на которую ей удобнее, а в какую желает он. Если позволить лошади хотя бы один раз свернуть, куда ей вздумается, то она станет закидываться ежеминутно.

Козлит лошадь только для того, чтобы сбить всадника, поэтому если он удержится при первой ее попытке и не упадет, то этим он сделает большой шаг вперед на пути укрощения лошади.

Когда лошадь в первый раз идет под всадником, не следует требовать от нее поворотов. Для того чтобы повернуть лошадь, надо натянуть один из поводьев, то есть осадить лошадь в одну сторону, отчего она может или дать лансаду, или стать на дыбы. Готовясь стать на дыбы, лошадь собирает зад под себя. Надо уловить этот момент и сильным ударом шпор столкнуть ее вперед. Толчок будет беспорядочен, но делать нечего, главное, надо не допустить лошадь утвердиться на зад. Если момент пропущен, то удар шпор увеличит подъем на дыбы и обратит его в свечку.

Лансадой называется прыжок лошади вперед, при котором перед ее стоит выше зада. Как всякий прыжок вперед, лансада не особенно сильно выбивает из седла. Надо отдать повод, корпус

подать назад, лошадь держать в шенкелях. Лошадь поднимается на дыбы на задних ногах и стоит на них, иногда почти вертикально (свечка). Эта привычка лошади очень опасна, так как она может опрокинуться. В молодости моей, когда лошадь делала подо мной свечку, я обхватывал руками ее шею, голову свою поворачивал так, что голова лошади приходилась у моего левого плеча. Впоследствии я понял все неудобство этого приема. Когда лошадь опускается, всадник лежит у нее на переду, поводья распушены, лошадь предоставлена самой себе и может, опустившись на землю, мгновенно дать задом и сбросить ездока или, вскинув головой снизу вверх, ушибить ему лицо или грудь. Теперь я поступаю следующим образом: поводья разбираю в обе руки и левой рукой вместе с поводьями захватываю клочок гривы посередине шеи. Когда лошадь поднимается, я подаю корпус сильно вперед и, сгибая в локте, убираю левую руку назад. Когда лошадь опускает перед, я отталкиваюсь от ее шеи левой рукой и выпрямляю локоть. При каждой новой свечке делаю одно и то же. Если лошадь, опустившись на землю, лягнет, то рука служит мне упором; если лошадь круто закинется, та же рука служит мне поддержкой в седле. При том способе держаться, который я предлагаю, нельзя затянуть поводьями лошадь, отчего главным образом и происходят несчастные случаи. Вообще держаться на лошади, когда она делает свечки, трудно, но думаю, что, прибегая к моему способу, можно усидеть на лошади, сколько бы она ни била. Когда лошадь делает свечки, приходится думать только о том, как бы не упасть с нее. Думаю, что нарочно, из одного чувства самосохранения, лошадь никогда не опрокидывается. Лошадь падает назад (чаще на бок) оттого, что, поднявшись мгновенно на задние ноги, она этим быстрым движением откидывает всадника назад и теряет равновесие. Лошадь на дыбах представляет собой стрелку весов в равновесии; одна чашка перетянула — пошла за ней и стрелка. Очевидно, если всадник всей своей тяжестью наляжет на плечи лошади, она должна опуститься на перед. Опрокидываются во что бы то ни стало только колерные лошади, или одержимые головокружением. Подверженные таким припадкам лошади бросаются иногда и в стену лбом, но так как такие лошади, как и сумасшедшие люди, ни к какой работе годны быть не могут, то и говорить о них нечего. Некоторым наездникам и мне самому приходилось ездить лошадей, которые казались колерными, но на самом деле были только злы и вспыльчивы, глаза их мгновенно наливались кровью. Браться за таких лошадей можно, только зная свое дело и, главное, не трусая. Некоторых лошадей, одержимых в слабой степени оглузом, можно иногда и выездить. У меня был великолепный ганноверский конь Gaulois, которого считали подверженным оглуму. Я выездил его и долго ездил на нем высшей школой. Иногда, впрочем, на него нападали припадки неподвижности. (На всех лошадей, которым приписывают оглуз, неподвижность нападает обыкновенно в то время, когда они заупрямятся.) Меня удивляет, что авторы по искусству езды обыкновенно не говорят ни слова о борьбе с лошадью, которую приходится выдерживать берейтору во время выездки. Читая разные сочинения, можно подумать, что автору приходится лежать на розах, и стоит только применить предлагаемую методу, как послушание лошади обеспечено. По-моему, лучше заранее приготовить тех, кому предстоит иметь дело с выездкой, ко всем препятствиям, которые им непременно придется преодолевать. Неопытный ездок, встретив у лошади неожиданное сопротивление, может стать в тупик. Всем наездникам, и хорошим наездникам, которых я знал и видел, приходилось бороться с лошадьми, а Боше доставалось от лошадей больше, чем другим. Боше, правда, больше других и требовал от лошади.

Искусство наездника и заключается в том, чтобы он мог, во-первых, выбрать разумную методу и уяснить себе ее приемы, во-вторых, умело применяя эти приемы к делу, развязать и развить сырую лошадь, и, в-третьих, в борьбе с нею всегда оставаться победителем. Лошадь противится (более или менее открыто) только до тех пор, пока выездка ее не закончена, а закончить выездку нельзя, не осилив предварительно лошади в более или менее сильных схватках с ней. От первой борьбы человека с лошадью зависит исход выездки. Неопытный ездок может каким-либо требованием вызвать лошадь на сопротивление, но если он не сумеет продолжить требования до конца и подчинить себе лошадь, то она тотчас сообразит, что сила на ее стороне. После такого исхода борьбы лошадь будет непременно пускать в ход те приемы упрямства, которые ей удались и благодаря которым за ней осталось последнее слово. При таком отношении друг к другу лошади и ездока ему надо отложить намерение выездить ее.

Когда лошадь начинает упрямиться, я обыкновенно сам сильно и грубо, но сознательно обрушиваюсь на нее. Корпус назад и как можно ниже опустить руки; чем выше руки, тем выше центр тяжести, тем меньше устойчивости, тем легче упасть. (Лошадь сразу должна почувствовать, что имеет дело с более могучей энергией, чем ее собственная.) Шпоры даю от всей души, так как нерешительная шпора только щекочет лошадь и побуждает ее продолжать и усиливать приемы упрямыства.

Когда лошадь начинает упрямиться, ездок должен изо всех сил напасть на нее, но в то же время отдавать себе отчет во всех ее приемах упрямыства и каждому из них давать отпор, расстраивать и разбивать ее намерения. Давать отпор — значит ставить лошадь в положение противное тому, которое ей нужно для отпора всадника, то есть тяжесть переда и зада перемещать обратно тому, как она захочет. Когда мне приходится схватываться с лошады, я не думаю о правильности приемов, а только о том, чтобы покорить ее во что бы то ни стало. Когда лошадь намечает проявление своеволия, я вызываю ее сам на полное проявление задуманного, бросаю в сторону приемы и добиваюсь своего. Но опять скажу — трусить при этом не надо (что, однако, со многими случается). Только смелость и решительность, ошеломля лошадь, заставляют ее сдаться и покориться. Смелость и решительность, следовательно, обеспечивают всаднику безопасность. Пока лошадь не проявила своевольства во время выездки, выездка еще не кончена и борьба еще впереди, воля лошади еще не подчинена. Если наездник, чувствуя отпор лошади, не вызовет ее сам на полное проявление его, то он только оттянет этим выездку. Чувствовать готовящийся отпор, предвидеть род его, расстроить, не допустить до него лошадь может только тот, кто обладает чутьем. Чутье это необходимо наезднику, тем более что лошадь не всегда противится бурно и делает при этом только одни беспорядочные движения. Случается, что в продолжение всей выездки лошадь, не желая исполнить какого-либо требования, упорно делает то, что от нее требовали перед тем. Когда сгибаниями добились гибкости в одну сторону, она вдруг отказывает в том, что вчера делала беспрекословно, то есть не гнется туда, куда сгибалась свободно перед тем. Если такой отказ то в одну, то в другую сторону лошадь проявляет во все время выездки, то надо начинать работу сызнова и вести ее до полного подчинения. Иногда лошадь идет туго галопом с левой ноги; добились укрепить ее на этой ноге, и вдруг она начинает при всяком случае идти галопом слева и отказывается подниматься галопом с правой ноги, на котором она прежде держалась хорошо. В таком случае всякую работу галопом, которую делали с левой ноги, нужно исполнить с правой, чаще менять ноги и больше работать на ту ногу, на которую лошадь неожиданно выказала большее затруднение в работе. Продолжать работу надо до полной отчетливости исполнения на обе стороны.

Вообще, если лошадь отказывается производить какое-либо движение, а вместо него исполняет другое, то это значит, что последнее движение вызывает у нее меньшее напряжение, чем то, которое от нее требуют. Лошадь как бы укрывается за вторым от первого. Ниже будет указано, что иногда лошадь вместо пассажа или пиаффе начинает идти испанским шагом.

Лошадь хитрит до бесконечности, и дело наездника состоит в том, чтобы своей энергией, искусством и чутьем расстраивать ее хитрости, не давать им хода и подчинять лошадь своей воле.

Когда лошадь упорствует в исполнении какого-либо движения, постоянно в одну и ту же сторону, то, значит, у нее что-нибудь болит или в строении ее имеется недостаток, мешающий выполнять это движение.

Комментарий специалиста

Часто поведение лошади можно сравнить с поведением капризного, упрямого ребенка, и всаднику, как хорошей няньке, приходится быть изобретательным и предусмотрительным. Нередко силовые моменты оказываются далеко не на пользу всаднику, особенно если работа идет в руках, а не в седле, поэтому большинство приемов, предлагаемых автором для работы в руках, оказываются опущенными современными спортсменами. Поэтому, если вы чувствуете, что тот или иной прием вызывает явное сопротивление, а сил и умения жестко пресечь его на месте вы не имеете, лучше откажитесь от запоздалой порки в конюшне, это не принесет пользы, а только создаст новые трудности. Постарайтесь перехитрить лошадь в следующий раз, а пока отвлеките ее

внимание на выполнение другого элемента, более доступного и не вызывающего сопротивления. Некоторое время спустя снова вернитесь к тому, что не удалось, но уже морально подготовившись к борьбе, и заранее дайте лошади знать о своих намерениях бороться максимально отчетливыми требованиями выполнения элемента, при малейшей уступке поблагодарите и снова вернитесь к более легкой работе. Очень часто нежелание выполнять тот или иной элемент вызвано неподготовленностью лошади и форсированностью тренинга. Поэтапность и движение от простого к сложному, с последовательной отработкой каждого элемента до автоматизма, отсутствие спешки (отработка не более одного элемента в занятие) — залог успеха. Иногда, желая попробовать, спортсмены начинают предлагать молодой лошади отдельные сложные элементы, к которым она может быть предрасположена в силу своих экстерьерных особенностей. Они упускают начальные этапы подготовки и при этом забывают, что, упуская малое, они потеряют главное. Даже при хорошей подготовке отдельных элементов переходы и связки этих элементов часто сводят на нет всю работу. Некоторые современные лошади имеют природный сбор, хорошо уравновешены в силу породных особенностей. Работа с ними сводится к правильному «чтению» их природных задатков и закреплению нужных реакций на движения рук, шенкелей и шлюсса. У других навыки необходимо создавать длительное время, постепенно, поэтапно; постоянно подкрепляя их и оттачивая, доводить до совершенства. Конечно, приятнее работать с лошадьми первого типа, чем второго. Поэтому спортсмены отдают предпочтение тем породам, в которых такие лошади встречаются чаще.

Такие пороки, как оглум и злобность, встречаются в современных породах достаточно редко, так как к разведению допускаются только здоровые, добронравные лошади, особенно в специализированных спортивных породах. Но такие проблемы остаются у местных аборигенных пород, поэтому помеси первого и второго поколения часто бывают сложны в работе.

Глава VIII

ШАГ

Шаг лошади должен быть смел, верен и просторен. Для того чтобы развить у лошади просторный шаг, надо давать возможно большую свободу ее голове и шее. Тупую или ленивую лошадь надо подавать вперед шенкелями. Лошадь слишком горячую, нетерпеливую, беспокойную надо успокаивать лаской и голосом; если лошадь затропотит, ее надо тотчас придержать, так как шаг должен быть только шагом (шаг и рысь — аллюры, ничего общего между собою не имеющие), а отучать лошадь, которая взяла привычку идти тротом, очень трудно. Лошадь, взявшая привычку идти тротом, сбивается с просторного шага, утомляет и раздражает всадника.

Шаг лошади, которая идет не только в сборе, но и в поводе, то есть когда шея ее поднята вверх, а голова стоит по отвесу, становится короче и выше. Лошадь в сборе становится красивее и легче, но зато забирает меньше пространства вперед.

Комментарий специалиста

Различают три вида шага: короткий, средний и широкий. Разница между ними хорошо видна, если рассмотреть следы на грунте. При коротком шаге след, который оставляют задние ноги лошади, не переступает следа передней ноги. При среднем след задней ноги попадает в след передней. При широком задние ноги переступают след передних, и чем больше, тем лучше. Это движение возможно при максимально распушенном поводе и активной работе шенкеля. У каждой лошади свои природные движения, и чем длиннее шаг лошади, тем более пластичными и красивыми будут ее движения в сборе. Выполняя эти упражнения, важно не давать лошади торопиться и переходить в рысь. Всадник должен чувствовать длину шага лошади и уметь поддерживать эту грань между максимально широким шагом и рысью. Это один из приемов, позволяющих у начинающего всадника выработать в дальнейшем чувство лошади.

Глава IX

ОСТАНОВКА И СТОЙКА НА МЕСТЕ

Лошадь должна останавливаться по требованию всадника. Хотя часто приходится останавливать лошадь сразу и на всяком аллюре, но никогда не следует останавливать ее вдруг. Как бы и на каком аллюре ни пришлось бы останавливать лошадь, приемы остановки должны быть следующие: поднять трензель, натянув ровно спереди назад трензельные поводья, чтобы передать тяжесть лошади назад, сильно взять в шенкеля, чтобы подвести зад к ее центру тяжести и, наконец, принять лошадь на мундштук, то есть остановить лошадь, так сказать, между шенкелями и поводьями. Эти три приема не должно сливать в один, но каждый из них должен следовать один за другим, незаметно и в указанной последовательности. Если бы, например, действие шенкелей явилось прежде действия трензеля, как бы ничтожен промежуток этот ни был, лошадь подалась бы больше вперед, то есть получилось бы обратное тому, что надо.

Если прием выполнен правильно, то лошадь остановится плавно и всадник не будет испытывать толчков. Мягкая остановка не действует разрушительно на поясницу и скакательные суставы лошади, так как поясница, сохраняя упругость, выгибается слегка вверх, а суставы и бабки сгибаются хотя и быстро, но постепенно и плавно. В задержке поступательного движения лошади участвуют одновременно все части ее тела, и ни одна из них не испытывает отдельного напряжения. Если остановить лошадь без шенкелей, то перед, задержав напор инерции тела, должен упереться на вытянутые вперед передние ноги и оттолкнуть тяжесть назад, отчего задние ноги не могут успеть подойти под центр тяжести лошади и должны остановиться более или менее далеко от него. При такой остановке поясница растягивается и гнется вниз; очевидно, что такая остановка причиняет боль и вредна для лошади. Вредна такая остановка потому, что отражается во рту, в плечах, в пояснице и в тазобедренном суставе лошади. Для седока такая остановка неприятна, а иногда, при сильной резкости толчка, бывает и опасна. Как бы ни была быстра остановка, она должна быть исполнена плавно. Если лошадь остановилась порывисто, то, значит, остановка вызвана и исполнена ездоком дурно. На всех аллюрах прием остановки лошади один и тот же, но чем резвее аллюр, тем исполнить остановку труднее и тем более всадник должен подавать корпус назад.

Лошадь должна не только быстро останавливаться, но, быстро остановившись, где бы то ни пришлось, стоять неподвижно до тех пор, пока всадник не даст нового указания. Приучать к стойке всякую лошадь вообще можно только лаской и терпением. Приучать лошадь беспокойную, нервную, впечатлительную стоять равнодушно, не обращая внимания на то, что делается кругом нее, можно, только усиленно ободряя и успокаивая. Приучать лошадь к стойке надо в манеже, один на один. Если лошадь тронулась вперед или в сторону, то надо тотчас поставить ее на место. Вообще, если лошади удастся сделать что-либо по-своему, то она это будет постоянно повторять. В огороженном месте и когда, кроме нее, никого нет, лошадь повинуется довольно скоро. Когда лошадь стоит спокойно в манеже, надо вводить других лошадей и при них упражнять ее в стойке. Когда лошадь приучилась стоять в манеже безусловно спокойно, то надо выехать на поле и приучать ее стоять сначала в местах безлюдных, а потом постепенно переходить к местам оживленным. Лошадь ко всему привыкает. Если лошадь привыкла к награде и ждет ее, то она будет стоять спокойно среди всякого шума и движения. Повторяю: приучить лошадь стоять везде и сколько нужно можно единственно терпением, мягким обращением с нею и постепенностью в требованиях.

Комментарий специалиста

При правильной остановке следы конечностей лошади образуют прямоугольник и все четыре ноги находятся под корпусом лошади. На шагу остановка происходит на четыре счета. На счет раз — корпус и руки начинают движение назад, одна передняя конечность остается на месте. На счет два — движение корпуса останавливается, начинается работа шенкеля боковым сдавливанием и останавливается одна задняя конечность. На счет три — заканчивается работа рук, и сигналом к этому служит остановка второй передней ноги. Шенкель прекращает работу, когда вы почувствуете, что вторая задняя нога поставила «точку» под корпусом лошади. Если остановка

происходит в два или три темпа, значит, одна из конечностей нарушает правильный рисунок прямоугольника и остановка выполнена грубо.

На рыси остановка происходит в два темпа. И все движения происходят быстрее, но ни в коем случае не резко. На галопе вы отчетливо услышите три такта, и остановка также будет состоять из трех. При таких методах вы максимально сохраните лошадь. И ни в коем случае недопустимы пилящие, дергающие, грубые движения, если, конечно, вы не ведете борьбу, опасную для жизни.

Глава X

ПЕРЕМЕНЫ НАПРАВЛЕНИЯ

В начале работы всякую перемену направления надо делать шагом.

При поворотах, например, направо надо, отведя правую руку в сторону, но не подавая назад, чтобы не задержать движения, легко натянуть трензельный правый повод. При этом правая нога лошади должна будет забирать около половины того пространства, которое она забирает при движении прямо. Вследствие этого быстрота шага при повороте замедляется. Эта задержка заставляет лошадь заносить зад в противоположную сторону, так как, развив скорость для полного шага, она на этот полный шаг податься не может. Если в момент, когда лошадь, уступая зовущему ее на сторону поводу, поворачивает голову и шею внутрь, поддержать шенкелем ее зад, то лошадь должна будет вынести наружную заднюю ногу для полного шага, отчего ее зад должен пойти за передом. Задержка хода навёрстывается.

Ездок, чувствуя, в какую сторону валится зад лошади, должен соответствующим шенкелем направлять его куда следует. Нельзя заранее предвидеть, в какую сторону лошадь будет ставить зад, почему ошибочно было бы и предрешать, к какому шенкелю придется прибегнуть.

Много и долго спорили о том, какой шенкель, наружный или внутренний, должен сильнее действовать при поворотах. Старая школа отдавала преимущество внутреннему; Боше утверждал обратное. Восторжествовало мнение Боше.

Старая метода говорила: «...при повороте направо, натянув правый повод, поставить плечи направо, а правым шенкелем подать бедра лошади», то есть устанавливала применение приема бокового воздействия. Старая школа упускала из вида, что лошадь изменяет направление не одними плечами, но всем телом своим.

Приступая к перемене направления, нужно шенкеля держать ровно, и если лошадь занесет зад в сторону, то удерживать ее бедра соответствующим шенкелем настолько, чтобы направить зад по следу переда. Бедра лошади должны лежать по оси ее плеч. Большей частью лошадь при поворотах заносит зад наружу, из-за чего, естественно, наружный шенкель должен действовать туже, но бывают случаи, когда приходится отступать от этого правила.

Некоторые лошади, от природы или от привычки, бочат, то есть несут зад в сторону (всегда в одну и ту же). Если такая лошадь несет зад направо, идя на прямой, то и поворачивая вправо, она будет ставить его направо же. Очевидно, в данном случае (конечно, не оставляя левого шенкеля) надо поддерживать зад правым, то есть внутренним шенкелем. При повороте давление шенкеля должно следовать за указанием повода, но не являться раньше. Если шенкель опередил повод, то зад, подавшись внутрь под давлением наружного шенкеля, будет препятствовать голове, а за нею шее и плечам поворачивать, в свою очередь, внутрь; лошадь должна будет согнуться дугой и, конечно, упереться в повод.

Подготовкой к перемене направления служат: дубле, вольты, полувольты (направо и налево назад) и перемена руки.

При исполнении дубле надо, повернув лошадь от барьера, вести ее прямо на его противоположную стену; дойдя до намеченной точки, поворотить на ту же сторону, по которой шло движение.

Вольтом называется круг, который лошадь делает, отходя от барьера и возвращаясь к нему. Начинать уроки вольта надо при выходе из угла на длинную сторону манежа. Лошадь всегда желает увеличить круг, в углу же это ей труднее, так как она встречает боковую стену манежа.

Полувольты в начале обучения надо делать от середины длинной стены манежа. Окончание полувольта исполняется в два следа, почему начинать с лошастью полувольты можно только тогда, когда она уже умеет идти в два следа. При полувольте, на каком бы аллюре он ни исполнялся, начинают плечи, плечи же первые и подходят к барьеру, то есть во время исполнения фигуры лошадь идет в косвенном направлении. Редко кто выполняет отчетливо это упражнение, так как оно — один из самых трудных манежных приемов.

Иная лошадь при перемене направления откидывает зад внутрь. Для того чтобы отучить лошадь от такой привычки, надо проделывать с нею следующее: начав полувольтом, переходить в дубле и постоянно, как можно вернее, держать ее зад. Если это не помогает и лошадь продолжает неверно держать зад, то надо расстраивать усвоенное ею положение зада обманом, заставляя ее делать так называемые контрполувольты.

Контрполувольт исполняется следующим образом: начать полувольт, положим, направо, дойти до середины манежа и закончить движение полувольтом налево. Лошадь, привыкнув ставить зад вправо, то есть внутрь, думая, что придется исполнять полувольт, готовилась все время заносить зад вправо, но на середине манежа под напором правого шенкеля ей приходится переставить его влево (внутренний шенкель превращается в наружный). Лошадь непременно отучится от дурной привычки, так как ездок, смешивая друг с другом исполнение полувольта с контрполувольтом, поддерживает постоянно в возбужденном состоянии ее внимание.

Перемена руки делается на три способа: один самый простой, это перемена руки по диагонали, исполняя который надо вести лошадь от начала длинной стены манежа по диагонали через манеж на конец противоположной стены.

Другой способ — так называемая обратная перемена руки. Исполняется этот способ следующим образом: начать от одного угла длинной стены манежа и идти к центру его, дойдя до намеченной точки, завернуть полукругом на стену, от которой началось движение, и, подойдя к ней, повернуть по ней в обратную сторону.

Третий, самый сложный способ я называю контрпеременой руки. Исполняю следующим образом: веду лошадь в два следа от начала длинной стены манежа к центру его. Дойдя до намеченной точки, переставляю лошадь на другое плечо и в два же следа, но с другого плеча, иду на противоположный конец той же стены, от которой начал движение. Если эту перемену руки исполнять на галопе, то придется два раза переменить ногу, именно: отойдя от стены галопом с правой ноги, в центре манежа переставить лошадь на левую ногу, идти на этой ноге к стене, подойдя к которой переставить ее опять на правую. В сущности, тут действительной перемены руки не происходит.

Кроме описанных упражнений, на середине манежа заставляют лошадь описывать круги и выделять восьмерки. Все эти упражнения развивают ловкость и развязность лошади во всех частях ее тела, а всадника приучают вовремя употреблять шенкеля.

Ведя лошадь постоянно только по стене, нельзя приучить ее держаться верно, так как в стене она имеет поддержку с одной стороны и может заносить зад только в одну сторону — внутрь. Не следует вообще исключительно держаться стены, но особенно когда всадник ведет лошадь в сборе, то есть когда зад ее должен быть подведен под центр ее тяжести. От сбора, как от очень трудного для нее положения, лошадь старается отделаться во все время выездки, для чего постоянно заносит зад то в одну, то в другую сторону. Очевидно, что в этом случае особенно необходимо вести лошадь на полном просторе. Лошадей своих я очень часто работаю на расстоянии одного метра от стены манежа, а если можно, то и дальше.

Больше всего развивает в лошади гибкость и развязность упражнение в исполнении восьмерки. Делать восьмерку нужно очень отчетливо: голову и шею лошади надо поставить немного внутрь; лошадь вести на обоих шенкелях, ту же нажимая наружный. На шагу восьмерку делать нетрудно. Упражнение это подготавливает лошадь к подъему в галоп и перемене ноги на нем.

На галопе восьмерку надо делать следующим образом: идти галопом к центру восьмерки, в центре ее перевести лошадь в шаг, сделать два-три шага вбок, поднять лошадь галопом с другой ноги и проделать опять то же. Восьмерка представляет тонкое манежное упражнение. На каком бы

аллюре ни исполняла ее лошадь, вести ее, особенно на галопе, надо в очень верных шенкелях, как наружном, так и внутреннем, так как лошадь обыкновенно старается ставить зад внутрь. Старается лошадь делать это оттого, что, привыкнув во время выездки чувствовать сильнее наружную шпору, предчувствуя ее, она заранее убирает от нее зад. Очевидно, внутренний шенкель должен всегда поспевать вовремя. Вообще, лошадь при езде всегда надо держать в шенкелях.

Комментарий специалиста

Движение в два следа подразумевает под собой средний шаг и среднюю рысь, при которых задние ноги лошади ставятся точно в след передних.

При работе на вольтах, полувольтах, восьмерках и переменах направления, кроме шенкеля, немалое значение имеет и изменение положения корпуса, вызывающее смещение центра тяжести. Поворот плеч по ходу движения, небольшое смещение за подпрыжку внешнего шенкеля и акцентированная его работа помогают лошади правильно выполнить этот элемент. Повод и шенкель в этом случае образуют коридор, по которому всадник ведет лошадь. Если в ответ на это лошадь подставляет плечо и продолжает движение прямо, предложите ей резко поменять направление, и, как только она почувствует, что ей пошли на уступку, и расслабится, повторите сначала неудавшийся элемент, более четко предъявляя свои требования, и будьте готовы наказать за неповиновение. Иногда бывает достаточно перехватить хлыст на нужную сторону. И конечно же не забывайте поощрить лошадь за правильно выполненный элемент.

Глава XI БОКОВЫЕ СГИБАНИЯ (РАБОТА ГАНАШЕЙ)

До сих пор я делал перемены направлений самым первобытным способом. От лошади я требовал только, чтобы она поворачивала в стороны и подавалась вперед в указанном направлении. И тут, как всегда. Я начинаю с самых простых приемов и постепенно перехожу к более сложным. Когда во всех пройденных до сих пор упражнениях лошадь повинуетя вполне, наступает время упражнять ее в такой постановке, которая дала бы ей возможность двигаться в стороны свободно, легко, держась в равновесии «целиком». Подготовкой для этого служат боковые сгибания (работа ганашей). Приступаю к сгибанию, положим, направо. (Прошу заметить, что начинаю работу с работы в поводу. Каждый урок я проделываю сначала в поводу, потом сидя на лошади.) Становлюсь у левого плеча лошади; в левую и правую руку беру трензельные и мундштучные поводья тем же приемом, как при прямом сгибании (затылка); голову и шею лошади ставлю прямо; гну затылок. Когда лошадь сдала затылок и раздала челюсть, я начинаю потихоньку поворачивать ей голову направо короткими давлениями повода на трензель (трензельные поводья держу вверх). Трензель давит сзади на перед, чтобы лошадь не опустила голову и не легла на повод. Правой рукой надавливаю легко на мундштучные поводья и подаю ее вправо, отчего действую исключительно на правый повод. Натягиваю его до тех пор, пока затылок лошади встанет к ее шее под таким углом, что оба повода будут давить на челюсть ровно и с одинаковой силой и лошадь, как при сгибании затылка, начнет отыгрывать железо. Для начала достаточно намек на послушание; довольно вполне, если лошадь, хоть сколько-нибудь повернув голову и разжав рот, сдаст челюсть. Упражнение это надо повторять часто, усиливая раз от раза требование, но довольствуясь каждый раз небольшим успехом. К насилию не прибегать.

Вообще при выездке прежде и главное всего надо иметь терпение и не позволять себе никакой резкости в обращении с лошастью. Мало требуя — получишь многое; торопясь — затянешь выездку.

Когда боковыми сгибаниями (работа ганашей) достигнуты полные размягчения и гибкость ганашей, лошадь, уступившая вполне поводьям в сторону сгибания, представляется в следующем положении: шея поднята вверх и стоит так же, как и при сгибании затылка. Затылок, приобретая прежними прямыми и последующими боковыми сгибаниями гибкость, повернут к шее, а с ним и голова — под таким углом, что голова стоит в сторону сгибания лбом, оставаясь в то же время по

отвесу, то есть немного впереди его (конец храпа должен стоять на линии верхней части плеча). Надо внимательно следить за тем, чтобы лошадь при производстве боковых сгибаний не перемещала тяжесть своего тела по своему желанию на одну сторону, так как она инстинктивно ищет опоры на плечо (то есть ногу) противоположной стороны, в которую ей гнут ганаш. Упирается лошадь на одну сторону до тех пор, пока она не сдаст челюсти, то есть пока не достигнут результат сгибания, а результат этот заключается в том, чтобы лошадь получила возможность, находясь всем телом своим и шеей в вертикальной плоскости, поворачивать в затылке в сторону только голову. Находясь в таком положении, лошадь будет сохранять равновесие, то есть тяжесть ее тела будет распределена равномерно на все конечности. Благодаря упругости затылка и ганашей, развитой сгибаниями, лошадь будет ставить в сторону одну голову, а не весь перед. Если лошадь взяла привычку передавать тяжесть тела на одноплечо, то есть упираться на него, то она будет не в состоянии легко, в равновесии исполнять разные виды перемены направления, как-то: боковые движения, движения в два следа. При этого рода движениях наружное плечо, которому приходится забирать больше пространства, чем внутреннему, должно отставать, почему плечо это надо поднять. При всяких движениях вбок слишком сгибать лошадь в сторону движений не следует. Так как внутренней передней ногой лошади приходится забирать меньше пространства, чем наружной, то наружный трензельный повод, идущий по наружной стороне шеи, как по блоку, действует очень чувствительно и толкает ее в сторону движения. Если слишком сильно согнуть лошадь внутрь, то размах внутреннего плеча будет задерживаться, и лошадь под чувствительным напором наружного трензельного повода, не имея возможности уступать ему в полной мере, должна будет упереться, уравнивая напряжение внутреннего плеча, на наружные плечо и ногу. Все это понятно, но тем не менее многих удивляет то, что, когда лошадь, положим, согнута вправо, то тяжелее приходится левому плечу. Рассматривая прямое сгибание (затылка), мы видели, что обыкновенно принято работать лошадь сгибаниями иначе. То же происходит и с боковыми сгибаниями (работа ганашей). Чтобы понять сущность боковых сгибаний (работа ганашей), надо выяснить, для чего они служат и что посредством их достигается.

1. Чтобы лошадь сохраняла равновесие на движениях в сторону, вбок.

2. Укрепить и связать между собой все части переда так, чтобы в перемене направления не участвовала каждая его часть отдельно, а весь он (перед) целиком; чтобы все части переда и на движениях в сторону так же, как и при движениях по прямой, составляли одно целое, связанное, ловкое.

При переменах направлений всю лошадь ведет перед, сила же движения исходит от зада. Ездок непосредственно действует только на рот, а через посредство рта и на затылок, шею, и уже через них, затылок и шею, на плечи. Боковые сгибания (работа ганашей), укрепляя и развивая эти части тела лошади, ставят их во взаимодействие, в общую связь и дают возможность всаднику управлять всем передом. Без этих сгибаний при поворотах и тому подобных движениях приходилось бы (держа бич за тонкий конец) иметь дело с головой, ушедшей вперед от центра тяжести, вследствие того тяжелой, с шеей распушенной, неустойчивой. Повод не мог бы направлять всю лошадь, а сворачивал бы только в сторону одну голову; лошадь ложилась бы на плечи.

3. Сохранять легкость при переменах направления, поворотах и тому подобных движениях через посредство сдающей, вследствие сгибания, челюсти.

Движение сообщает лошади зад. Подаваясь под центр тяжести, зад дает толчок на перед, то есть на движении зад сливается с передом в одно целое. Некоторые авторы говорят о связи переда с задом. Очевидная нелепость, так как пущенный толчок задних конечностей устремляет зад на перед. Дело всадника равномерно принять, распределить и отдать назад силу этого толчка.

Как сказано выше (глава о прямых сгибаниях), напор поступательного движения лошади доходит до десен ее сдавшей челюсти и, встретив повод под действием руки всадника, отдает часть поступательной силы назад. Если не сдает челюсть — ничего не сдает. Лошадь будет поворачивать, как лодка. При боковых сгибаниях вбок гнется только затылок, челюсть же сдает спереди назад, по оси головы, как при прямом сгибании.

Размягченные ганаши дают возможность руке всадника и при переменах направления, то есть поворотах, боковых и тому подобных движениях, легко отдавать излишек этой поступательной силы на задние конечности, которые ее развили. При боковых сгибаниях, как и при прямом, все сводится к тому, чтобы при наименьшем усилии на них рычаги давали наибольшую полезную работу. При этом перед и зад лошади сливаются в одно целое, гармоничное, энергичное; рычаги этого целого работают согласно, и тяжесть размещается на них равномерно; лошадь будет держаться в равновесии, а потому и идти в поводу.

Такова, по моему мнению, цель боковых сгибаний. Надеюсь, что настоящим исследованием боковых сгибаний, так же как и исследованием прямых, мне удалось выяснить сущность приемов, которые я применяю, и отстоять мою методику.

К сожалению, большинство лиц, занимающихся выездкой, применяют сгибания, не уяснив себе ни сущности, ни цели, ни способа применения, а наобум, кое-как. Сам Боше не уяснил себе сущности сгибаний и, встав на ложный путь с первых шагов при прямом сгибании (затылка), пошел по этому пути, работая и боковые, которые представляют только дальнейшее развитие первого. Та же ошибка Боше и вред, от нее происшедший в подражании ему его последователей, заключается, как и при работе затылка лошади (в прямом сгибании) и при боковых, в том, что гнут вбок, опять не в затылке, а в холке. Полезное упражнение обращается во вредное. И тут шея опущена вниз. На шею и голову лошади привлечена тяжесть. В сторону сгибания голова повернута не лбом и близко к отвесу, как следует, а профилем наружной стороны, на согнутой кольцом шее. Не останавливаясь вторично на ошибочном применении приема бокового сгибания, но предлагаю читателю обратиться к главе о прямом сгибании. Некоторые приписывают боковым сгибаниям то, что будто бы от них расслабляется шея лошади, то есть что при повороте она гнется в сторону сама по себе, независимо от туловища. Верно, и иначе быть не может, если применять сгибания по общепринятому способу. Если работать шеею, опустив голову вниз, то, конечно, она не может приобрести устойчивость, при которой только и возможна передача действия повода от рта лошади по прямой назад на плечи. При таком поставе шеи лошади ее голова подана вперед за центр тяжести и висит на распушенной, мягкой шее. В такой постановке лошадь лежит на плечах, и ответить поводу, зовущему ее голову в сторону, не может иначе, как повернув с головой и шеею, так как воздействие повода на весь перед она испытывать не может. Как сказано выше, работу прямого сгибания я произвожу на ходу. Так как при работе на поводе боковых сгибаний обе руки заняты поводьями и подавать зад лошади вперед нечем, то этот период работы я по необходимости произвожу стоя на месте. Сидя на лошади, я, конечно, гну ганаши на ходу, так как вообще придерживаюсь правила: все приемы выездки производить, подавая лошадь вперед и вперед. Неуклонному применению этого принципа я и приписываю то, что никогда не затягиваю и не ставлю за повод лошадей, которых я выезжаю, что очень часто встречается у других наездников, особенно при так называемой высшей езде. Я уже говорил, что высоко ставит перед только посыл. При всякой работе я всегда энергично посылаю лошадь, то есть задние конечности гоню под центр тяжести, — оттого у всех моих лошадей перед поднят очень высоко. Чем дальше под брюхо подводить задние конечности лошади, тем более идет вверх перед.

Сидя на лошади, я произвожу боковые сгибания, положим, направо следующим образом: обе руки подаю вправо, отчего левый трензельный повод идет вправо, через шею, как по блоку, и, поддерживая голову вверх, в то же время направляет ее вправо. Слегка натянутый правый мундштучный повод определяет и довершает это направление и заставляет лошадь разжимать челюсти. Лошадь во все время следует неослабно вести прямо, а так как она при таком положении головы, естественно, будет относить зад влево, то удерживать его в прямом положении надо левым шенкелем, то есть вести лошадь постоянно в шенкелях и давать ей чувствовать сильнее шенкель, обратный стороне сгибания. Когда оба шенкеля действуют разом, они вызывают посыл. Шенкель, который жмет сильнее, направляет движение, но и в этом случае другой шенкель не должно отпускать от лошади, никогда один шенкель без другого не должен работать. В деле управления лошадию рука является более могучим указателем, чем шенкель, — поэтому воздействие ее должно проявляться легко и мягко.

Боше, применяя прием боковых сгибаний сидя на лошади, делал ту же ошибку, какую он делал, сгибая затылок сидя в седле. (Фигура 2 рисунка 16, заимствованная из книги Боше, указывает его способ. На фигуре 1 того же рисунка изображено правильное боковое сгибание. Еще прилагаю рисунок 17, взятый из одного нового издания. Рисунок этот воочию указывает, что те, кто применяет боковые сгибания, как о сущности, так и об их цели не имеют никакого понятия.) Правильно понятые и умело применяемые боковые сгибания развязывают суставы, развивают их гибкость и упругость, вырабатывают легкость и ловкость движений лошади и ставят ее в равновесие. Кроме того, упражнение это полезно еще и тем, что во время его исполнения лошадь делает больше того, что ей впоследствии придется делать. При всех движениях, сопряженных с переменной направлением, то есть при принятии, ходе в два следа и т. п., когда лошадь должна ставить голову в сторону, гнуть ее в ганахах в такой степени, как она гнет их при работе сгибаниями, никогда не приходится. В этих случаях лошади приходится только ставить глаз в сторону движения, но, конечно, держать верно голову и сдавать челюсть. Если при этих движениях слишком согнуть голову, то, как было сказано выше, задержится посыл, и тяжесть передается на наружное плечо.

Работа ганашей (боковые сгибания) имеет большое значение, а потому продолжать ее с лошадью нужно до тех пор, пока она не сдастся вполне, а пока этого не достигнуто, я с лошадью не иду вперед.

Комментарий специалиста

Боковые сгибания, описанные в этой главе, являются не чем другим, как более ярко выполненным постановлением. Современные всадники используют прямое обратное постановление при работе с лошадью. Выражается оно в повороте головы лошади в сборе, так что всадник только слегка видит один глаз лошади, но при этом смещаются в сторону и челюсти.

Гибкость затылка в сборе хорошо вырабатывается таким приятным для лошади методом, как подкормка лакомством с седла. Чем выше в этот момент будет поднята шея лошади, тем эффективнее это упражнение. Поводом вы помогаете лошади держать шею как можно выше, а шенкель заставляет ее двигаться вперед сначала на шаг, а позднее и на рыси.

Глава XII ВРАЩЕНИЕ ЗАДА ВОКРУГ ПЕРЕДА И ПЕРЕДА ВОКРУГ ЗАДА

Когда лошадь уступает хлысту и поддается боковым сгибаниям, я оба эти приема соединяю в один. Когда я, натягивая левый трензель, поворачивал голову лошади влево и хлыстом трогал ее по левому боку, лошадь подавала зад вправо. Когда те же приемы применяю к правой стороне лошади, она относит зад влево. Тут и повод и хлыст действуют совместно на одну сторону лошади, а отвечает на них лошадь движениями зада в противоположную сторону. Такой способ передачи лошади воли человека называется «прием бокового воздействия».

Мало-помалу я приучаю лошадь, ставя и держа ее голову в вертикальной плоскости, уступать одному хлысту. Это и есть «прием прямого воздействия». Когда я достиг успеха и в этом упражнении, то постепенно приучаю лошадь уступать перекрестному воздействию. На лошадь действует хлыст с одной стороны, а повод гнет ей голову в другую, и под указанием этих воздействий она должна уступать хлысту, подаваясь вперед, в сторону повода. Все движения лошадь делает накрест. Понятно, что и всадник должен так же действовать на лошадь. Боковые воздействия служат только подготовкой.

Я приучаю лошадь уступать перекрестному воздействию следующим образом: концы трензельных поводьев, как всегда, держу в ладони левой руки, а мундштучные закидываю через шею (на рисунке для ясности трензельные поводья показаны отстегнутыми).левой рукой, в которой держу трензельные поводья, беру левый мундштучный повод около рта лошади, а правый, который идет через холку, как через блок, беру в правую руку на высоте левого плеча; в правой же руке держу хлыст. Надавливаю поводья, чтобы лошадь подняла голову и сдала заты-

лок, и начинаю легкими толчками мундштука снизу вверх, но налегая более на правый мундштучный повод, ставить голову лошади направо, и в то же время, трогая концом хлыста лошадь по левому боку, заставляю ее подавать зад вправо. Повторяю этот прием до тех пор, пока лошадь поймет совместное требование повода и хлыста и свободно станет исполнять его, сдвывая в ганаши и челюсти и уступая задом. Лошадь, сдвывая голову в ганаши и заноса зад, описывает круг. Так как я не допускаю, чтобы во время выездки какая-либо часть тела оставалась неподвижной, то и тут перед лошади не держу на месте, вследствие чего он описывает внутренний, меньший, круг, а зад — наружный, больший. Боше называл это движение «*prisoter*», то есть «ходить кругом на стержне». У него зад лошади описывал окружность, центром которой служил ее неподвижный (в смысле подачи вперед) перед. Прием Боше я признаю ошибочным, так как, кроме вреда для лошади всякой работы на месте, она еще может и сноровиться и не подаваться вперед, когда этого от нее потребуют. Приемы бокового воздействия служат переходом к приемам прямого воздействия, а приемы прямого воздействия составляют переход к приемам перекрестного воздействия. Само собой разумеется, что я перехожу от одного приема к другому не разом, но постепенно, нечувствительно. Лошадь должна понимать отчетливо каждое требование, не смешивать одно требование с другим, а каждое требование следует предъявлять лошади так, чтобы оно не являлось для нее неожиданностью. Уступка лошади хлысту не составляет главной задачи этого упражнения, но конечная цель его состоит в том, чтобы постепенно, не пугая, готовить лошадь к воздействию шенкелей, а затем и шпоры.

Сев на лошадь, я придерживаюсь той же постепенности и осторожности в переходах от приемов бокового воздействия к приемам прямого, и от этих приемов к приемам перекрестного воздействия.

Положим, что лошадь должна обнести зад кругом переда слева вправо, то есть сделать контрпирует. Останавливаю среди манежа, «ставлю лошадь» и прижимаю левый каблук. Свежая лошадь, не понимая, в чем дело, инстинктивно упрется в него. В этот момент я прикладываю конец хлыста к ее боку, как можно ближе к каблуку (если приложить хлыст ближе к зад, то лошадь неминуемо лягнет, а то и бросит задом), и в то же время натягиваю левый трензельный повод. Лошадь помнит подобное упражнение в поводе и подаст зад вправо. Как всегда, так и тут, к лошади следует относиться мягко, и я ручаюсь, что не найдется такой лошади, которая не уступила бы. В начале работы всякая лошадь более или менее противится, почему, соответственно, более или менее сильно действую трензельным поводом. Если сопротивление лошади значительно, то ее голову поворачиваю трензелем строже, сильнее и в то же время работаю каблук-ом и хлыстом. Усиленному воздействию этих трех помощников лошадь неминуемо должна уступить.

Лишь только лошадь сделала один шаг вправо, я ее останавливаю, ласкаю и, распустив ее, позволяю ей пройти свободно по манежу. Идя свободно, она отдает себе отчет, во-первых, в том, что она исполнила требование хорошо, за что и получила награду, во-вторых, в движении, которое она исполнила, и, наконец, в приемах наездника, которые вызвали это движение. Есть видимость, что лошадь работает только физически, но в действительности она хотя мало соображает, но хорошо помнит. Во время отдыха после исполненного движения все обстоятельства, вызвавшие и сопровождавшие его, запечатлеваются в ее памяти. Минутный отдых служит вместе с тем и наградой, а так как наказывать приходится чаще, чем награждать, то и надо пользоваться каждым поводом поощрить лошадь. Бояться излишка в награде нечего, но снова повторяю: награждать следует только по заслугам. Чем больше приходится заслуженно награждать лошадь, тем меньше придется наказывать ее. Дав лошади пройти, опять останавливаю ее и приступаю к тому же упражнению. Проделываю его двадцать, тридцать раз, до тех пор, пока лошадь не станет тотчас уступать прикосновению каблука. Тогда проделываю ту же работу налево. Когда лошадь попеременно и одинаково чутко уступает обоим каблукам, я надеваю так называемые *garde-crotte* (шарообразные шпоры). *Garde-crotte* действует сильнее, чем каблук, но слабее, чем шпора, почему и служит переходом от первого ко второму. Каждый день я усиливаю действие шенкелей, соответственно уменьшая помощь хлыста. Наконец, совершенно оставляю хлыст и постепенно перехожу к шпоре. Хлыст, следовательно, во время этой работы я

употребляю только для того, чтобы, не пугая лошади, постепенно приучить ее к шпоре. Раньше я говорил, что хлыст употребляю только при работе в поводу. В данном случае я не противоречу. При дальнейшей выездке я еще раз берусь за хлыст, когда вызываю первый вынос ноги лошадином и хлыстом. Усиленному воздействию этих трех помощников лошадь неминуемо должна уступить.

Лишь только лошадь сделала один шаг вправо, я ее останавливаю, ласкаю и, распустив ее, позволяю ей пройти свободно по манежу. Идя свободно, она отдает себе отчет, во-первых, в том, что она исполнила требование хорошо, за что и получила награду, во-вторых, в движении, которое она исполнила, и, наконец, в приемах наездника, которые вызвали это движение. Есть видимость, что лошадь работает только физически, но в действительности она хотя мало соображает, но хорошо помнит. Во время отдыха после исполненного движения все обстоятельства, вызвавшие и сопровождавшие его, запечатлеваются в ее памяти. Минутный отдых служит вместе с тем и наградой, а так как наказывать приходится чаще, чем награждать, то и надо пользоваться каждым поводом поощрить лошадь. Бояться излишка в награде нечего, но снова повторяю: награждать следует только по заслугам. Чем больше приходится заслуженно награждать лошадь, тем меньше придется наказывать ее. Дав лошади пройти, опять останавливаю ее и приступаю к тому же упражнению. Прodelываю его двадцать, тридцать раз, до тех пор, пока лошадь не станет тотчас уступать прикосновению каблука. Тогда прodelываю ту же работу налево. Когда лошадь попеременно и одинаково чутко уступает обоим каблукам, я надеваю так называемые *garde-crotte* (шарообразные шпоры). *Garde-crotte* действует сильнее, чем каблук, но слабее, чем шпора, почему и служит переходом от первого ко второму. Каждый день я усиливаю действие шенкелей, соответственно уменьшая помощь хлыста. Наконец, совершенно оставляю хлыст и постепенно перехожу к шпоре. Хлыст, следовательно, во время этой работы я употребляю только для того, чтобы, не пугая лошади, постепенно приучить ее к шпоре. Раньше я говорил, что хлыст употребляю только при работе в поводу. В данном случае я не противоречу. При дальнейшей выездке я еще раз берусь за хлыст, когда вызываю первый вынос ноги лошади на испанском шаге. Как тогда, так и теперь хлыст оказывается нужным только в продолжение первых двух-трех уроков.

Первый урок шпоры в бок сырой лошади производит на нее впечатление укуса мухи. Вспомним, что при этом делает лошадь. Сначала она гонит муху хвостом; если не помогает, бьет задней ногой в сторону бока, на котором сидит муха, и, наконец, валится этим боком на какой-нибудь предмет, чтобы раздавить ее. То же самое, иногда вплоть до навала на барьер, прodelывает лошадь и при первой шпоре. Очевидно, прежде, чем познакомить лошадь со шпорой, необходимо провести ее через знакомство с хлыстом, шенкелем, каблуком и *garde-crotte*. Неподготовленная лошадь шпоры не поймет, а поэтому и не уступит ей. Если сразу требовать настойчиво, то лошадь, не понимая, в чем дело, инстинктивно начинает обороняться, а если всадник будет упорствовать в требовании, то она от обороны перейдет к сопротивлению. Если не подготовить к шпоре вялую лошадь, то может случиться, что она ляжет на тот бок, в который колет ее шпора, а сильную, энергичную можно довести до того, что при одном прикосновении не только шпоры, но и шенкеля она будет терять голову и бить. Во всяком случае, выездка пропала: вместо того, чтобы научить чему-нибудь лошадь, станет невозможным даже самое обучение. К такому исходу, впрочем, приводит при выездке лошади всякая непоследовательность. Существенное затруднение при выездке наездник встречает в том, что ему приходится, давая что-либо понять лошади, действовать только на ее память. Отсюда следует то, что все его приемы должны быть просты, последовательны и неизменны.

Лошадь должна понять и помнить, что шпора — помощник всадника. Карает шпора только при сопротивлении — это она тоже должна понять и помнить. Иная лошадь бросается то на одну, то на другую шпору. Выезжаю на середину манежа и сильнейшими ударами шпор гоню зад лошади в сторону сопротивления. Когда лошадь сделает два-три таких пируэта, опять начинаю первоначальную работу. Если лошадь повторит, повторяю наказание и я, и так до тех пор, пока она не перестанет закидываться.

Среди лиц, поверхностно знакомых с ездой, многие воображают, что шпору нужно давать не у подпруги, а посылая ногу от колена назад вдоль бока лошади по ребрам. Ничего не может быть хуже. Данная таким образом шпора бороздит бок. Удар не может быть настолько резок, отчетлив и силен, чтобы стремительно выслать лошадь вперед, но непременно щекочет ее (у подпруги лошадь щекотки не чувствует, но чем дальше от подпруги к заду, тем щекотка чувствительнее). Такая шпора не может ошеломить лошадь, что как раз иногда нужно, но может вызвать ее на сопротивление. При таком способе давать шпору шенкель идет по дуге спереди назад. Шенкель, следовательно, отходит с места, лошадь чувствует удар неподготовленный, без нужных оттенков, внезапный. Правильный удар шпоры должен являться после усиленного давления шенкеля, и сила его должна соответствовать степени сопротивления лошади, то есть удар должен быть или слаб, или силен, или жесток. Удар шпоры у подпруги идет на лошадь по прямой, как шпага, не царапает, не ссаживает кожи, бьет не внезапно, но постепенно и верно. При ударе у подпруги колени и носки всадника отходят немного наружу. Такое положение ног не только не ослабляет посадки всадника, но, напротив, делает ее более крепкой. Всадник держится в седле внутренней, подколенной частью ног и верхней частью икр и облегает плотно собою лошадь от ягодиц до пяток. Наоборот, прижимая колени к седлу, он сам себя выжимает из него и, конечно, сидит слабо. Новички и плохие ездоки, чтобы не упасть, инстинктивно принимают такое положение ног, отчего им и не дают шпор. Когда лошадь бьет, хороший ездок принимает то же положение. Если колени и носки всадника поставлены внутрь, то каблуки его должны отходить от лошади, и удар шпор будет произведен с налета. Во всех воздействиях на лошадь надо сохранять переходы от одного к другому — оттенки, и без этих оттенков тонкая работа, то есть езда в полном смысле слова, невозможна.

Лошадь при исполнении контрпируэта, то есть описывая задом окружность вокруг передка, должна держать голову в сторону вращения, поэтому, когда она начинает легко уступать шенкелям, я осторожно, незаметно для лошади начинаю изменять воздействие поводьев. Первоначально лошадь уступает шенкелю только тогда, когда одновременно чувствует и повод той же стороны, с которой заметнее работает шенкель, то есть уступает приему бокового воздействия. Затем постепенно ослабляю воздействие наружного трензеля, чтобы все более приучать лошадь поддаваться одному шенкелю, и ставлю прямо на оба повода, то есть применяю прием прямого воздействия, и, наконец, так же перехожу к воздействию повода, обратного шенкелю, то есть к приему перекрестного воздействия. Лошадь будет описывать задом вокруг передка, идущего по малому кругу, больший круг, причем голову будет держать в сторону движения, то есть будет делать то же, что делала в поводе при помощи хлыста. В данном случае я требую от лошади только незначительного поворота головы (глаз направо или налево). Когда лошадь легко уступает действию шенкелей, полезно надавить их несколько раз попеременно один за другим — не для исполнения какого-либо требования, а только для того, чтобы лошадь несколько раз немного переставила зад то направо, то налево. Если всадник почувствует на каждой из своих ног эту перемену зада, отдаст себе в ней отчет, а также и в степени этой перестановки, то, значит, в нем зарождается способность чувствовать лошадь.

Когда лошадь свободно и отчетливо обходит задом вокруг передка, я начинаю приучать ее исполнять обратное, то есть плечами описывать окружность вокруг зада (пируэт). Это упражнение можно делать, только сидя на лошади, так как все время нужно верно держать зад лошади и посылать его вперед. Плечи каждой лошади обязательно должны быть так же развиты, гибки, подвижны, как и ее задние конечности. Работа шпорой часто имеет периодический характер, она «освежает» память, но вызывает явное неудовольствие. Лошадь хвостит, что снижает результат выступления, кобылы часто мочатся под шпорой, особенно в период половой активности.

Глава XIII МАНЕЖНЫЙ ШАГ

Когда лошадь взяла повод, ее можно ставить на манежный шаг, то есть на так называемую сокращенную рысь. Шаг этот короче и выше обыкновенного. Лошадь на этом движении ставит ноги наперекрест и пространства вперед забирает немного. При упражнении в этом движении шенкеля должны работать больше поводьев. Всадник должен постоянно действовать на лошадь

совместными движениями этих обоих помощников, то есть шенкелей и поводьев, дабы лошадь забирала меньше вперед, но зато больше бы шла вверх. Я называю совместными движениями следующее: шенкелями посылать зад лошади на повод и излишек его импульса поводом отсылать обратно назад. Если шаг лошади велик, то, значит, она еще не в сборе, движения лошади еще не могут быть согласованными, соразмерными, уравновешенными. Этот род движения представляет собой гимнастическое упражнение для лошади. Ведя им, всадник сочетанием воздействий помощников, то есть шенкелей и поводьев, заставляет лошадь работать всем ее существом, развивает в ней легкость, ловкость, уравнивает ее и подготавливает к некоторым искусственным аллюрам, а именно: полный сбор (рассамбле), который, в свою очередь, переходит в пассаж и пиаффе.

Если лошадь на обыкновенном шагу проделывает все виды перемены направления хорошо, то я начинаю упражнять ее в них и на сокращенной рыси. *Комментарий специалиста*

Термин «манежный шаг» сейчас устарел. Сокращенная рысь — так сейчас называют этот элемент, он является составной частью всех спортивных езд различного уровня, начиная от любительских, заканчивая олимпийскими. Следует обратить внимание, что излишнее увлечение этим элементом приводит к тому, что лошадь прекращает работать шагом и, как говорят, «тропотит». Это создает неудобство и дискомфорт на широких аллюрах, сильно изматывает лошадь в обычной работе. Езда на ней становится неприятной и для всадника, хотя при таком движении лошадь выглядит очень выигранно и эффектно.

Работа шенкеля во время выполнения этого элемента производится надавливанием снизу вверх. Всадник старается как бы поднять лошадь из-под себя вверх. Работа шпорой в этом случае должна быть очень аккуратной, в противном случае вы вызовете активное движение вперед, а не вверх, как это необходимо.

Глава XIV ОСАЖИВАНИЕ

Обыкновенно, осаживая лошадь, поднимают ей голову вверх, а зад ее в то же время толкают спереди назад. Такой прием крайне нерационален. У лошади, поставленной в такое положение, тяжесть передается назад, а раз тяжесть на зад, то ей становится трудно сдвинуться с места. Вообще всякое движение назад является для лошади движением неестественным, следовательно, затруднительным, а при таком размещении тяжести затруднительность еще более увеличивается. Лошадь, которая осаживает сказанным способом, ищет возможности уравновесить себя и должна упереться в повод, а в случае настойчивости человека даже подняться надыбы. Начинает осаживать зад лошади, почему, естественно, в этот момент он должен быть облегчен.

Приступая к осаживанию, я сначала облегчаю зад лошади, немного опустив ей голову легкими надавливаниями на трензель сверху вниз. (Это единственное упражнение, при котором я обременяю плечи; прошу заметить, что делаю я это при «осаживании».) Затем, встав перед лошадью, беру в каждую руку по трензельному поводу около рта и нажимаю их назад перед собой. При таком приеме поясница и задние конечности лошади перенесением части тяжести на перед облегчаются; лошадь имеет возможность легко отделить задние ноги от земли и занести их назад. Она переступает ими, но не тянет их по земле, спины не горбит. Для первого раза лошадь должна сделать только два шага назад, по одному каждой ногой, после чего я отдаю повод, глажу лошадь и подаю ее вперед. Повторяю те же приемы возможно чаще. Долгие репризы осаживания делать не следует потому, что, во-первых, пока лошадь не развязана в пояснице и задних конечностях, это упражнение для нее трудно и утомительно, во-вторых, при долгих репризах приходится мало лошадь останавливать и награждать, а от этого в ее памяти не остается резкого впечатления о том, при каких приемах, как и когда она исполнила требуемое хорошо. Наконец, всякая работа, неподготовленная предварительными упражнениями, утомляя лошадь, отбивает у нее охоту. Я никогда не требую от лошади более десяти—двенадцати шагов назад и не делаю подряд более трех-четырёх реприз. После каждой репризы тотчас подаю лошадь вперед. И тут, как и всегда, советую: мягкость и мягкость. При этом условии редкая лошадь не уступит.

Тем не менее иная лошадь из упрямства или от боли отказывается, несмотря ни на какие приемы. (При упрямстве лошади, к сожалению, приходится прибегать к насилию.) В этом случае я становлюсь перед лошадью, обеими руками давя на трензель и наступаю ей ногами на венчик. Не встречал лошади, которая не уступила бы. Когда лошадь при опущенной голове осаживает плавно, я становлюсь сбоку от нее, делаю прямое сгибание, и лошадь, взяв повод, осаживает уже в поводу.

Если лошадь, желая отделаться от повода, осаживает слишком быстро, то задерживаю ее, натягивая трензель сзади на перед.

Итак, опускать голову лошади перед осаживанием нужно только в том случае, когда с ее стороны предвидится возможность упереться в повод, а если лошадь при этом и упрямится, то необходимо наступать и на венчик. И тот и другой приемы надо употреблять только в период подготовки лошади к осаживанию. Если лошадь сразу плавно осаживает в поводу, то очевидно, что к применению их нечего и прибегать.

Когда лошадь, сдавая затылок, свободно осаживает в поводу, я сажусь на нее и начинаю упражнять ее в том же движении под седлом. Осаживать лошадь, сидя на ней, я начинаю только тогда, когда она смело идет вперед под посылом шенкелей, то есть я уверен, что могу, когда захочу, мгновенно сдвинуть ее. Начинать осаживать должен зад (начинать осаживание с воздействия на перед нельзя, потому что, как выше сказано, обременится зад лошади и она упрется в повод). Приступая к осаживанию, я становлюсь среди манежа, ставлю лошадь, собираю ее слегка, чтобы она немного опустила голову вниз, и прижимаю левый каблук. Лошадь (понимает уже значение действия шенкелей), думая, что нужно сделать шаг в сторону, поднимает левую заднюю ногу. В это мгновение натягиваю правый трензельный повод спереди назад (но не в сторону, отчего лошадь повернула бы только голову), отчего лошадь, подав назад правое плечо, должна поднятую на воздух левую заднюю ногу подать назад и опустить на землю на шаг за правой задней ногой, стоящей на земле. Тотчас же прижимаю правый каблук — лошадь, подавая левое плечо назад, в то же время заносит назад и ставит правую заднюю ногу за левой задней. Итак, лошадь сделала два шага назад. Отдаю повод и глажу опять для того, чтобы она поняла, что поступила хорошо. Эти первые два шага кладут основание всему последующему обучению лошади в осаживании. Часто повторяю осаживание на два шага, затем перехожу к осаживанию на четыре шага, а затем лошадь не замедлит приучиться свободно осаживать под всадником, сколько он потребует.

Чтобы не раздражать лошадь, шпор для осаживания при начале обучения не употребляю и даже вовсе не надеваю, кроме того случая, когда приходится иметь дело с очень вялой и тупой на шенкель лошадью.

Прием последовательного прижимания каблуков и соответственного давления на тот или другой трензельный повод должен применяться только при начале обучения. В это время, как бы ни незначительно, но при каждом нажатии каблука лошадь все-таки ставит зад то в одну, то в другую сторону, а осаживать настоящим образом она должна, когда совершенно этому обучена, по прямой, точно так же, как и подаваться вперед.

Когда лошадь поняла, в чем дело, и делает свободно несколько шагов назад, то осаживать ее надо обоими поводьями и обоими шенкелями одновременно. Если один из маклаков лошади при осадке отходит в сторону, то тотчас же надо шенкелем поставить и поддерживать по прямой. Осаживая, лошадь должна держаться в поводу с поднятой шеей и головой, сданной в затылке, как при ходе вперед, поднимать задние ноги, ступая ими назад так же высоко и упруго, как передними при движении вперед, а конец ягодиц ее не должен выходить назад за скакательные суставы. Если это условие не соблюдено, то лошадь стоит за поводом. Можно осадить лошадь и помимо применения изложенных перекрестных приемов; осадить ее может даже и ездок, не имеющий об этих приемах никакого понятия. В данном случае лошадь будет уступать только силе, почему при такой осадке нельзя выполнить сказанных условий сохранения лошади. Я все время говорил о действии тем или другим шенкелем, или тем или другим поводом, подразумевая при этом не отдельное действие одного из этих помощников, а только более усиленное, при совместном участии соответственного помощника другой стороны. Не раз говорил я, повторяю и теперь, что во все время работы и езды шенкеля должны всегда лежать у лошади, поводья должны быть слегка натянуты, и между шенкелями и поводьями должно поддерживаться постоянное взаимодействие.

Комментарий специалиста

Осаживание лошади, представленное в этой главе, прекрасно показывает, как должны работать шенкель и повод. Для более подробного рассмотрения этого элемента нужно сказать

следующее. Перемещая центр тяжести с одной половины седла на другую, вы поочередно освобождаете передние конечности и, помогая поводом, осуществляете диагональные движения. Работая правым поводом, вы должны сместить центр тяжести на левую половину и тем самым освободить для движения назад правую переднюю конечность, и наоборот. При этом шенкель заставляет работать зад лошади в следующем порядке. Когда вы отозвали назад правую ногу, вы, работая шенкелем, заставляете переместиться заднюю левую, и наоборот.

Глава XV

RAMENER (СДАЧА ЗАТЫЛКА НА МЕСТЕ). ПОВОД. TASTE EQUESTRE СПОСОБНОСТЬ ЧУВСТВОВАТЬ ЛОШАДЬ)

Прежде чем идти далее, повторим достигнутые результаты: лошадь при прикосновении шенкелей смело подается вперед, при прямом (затылка) и боковых (ганашей) сгибаниях легко сдает челюсть, идет в поводу, нажатую в отдельности каждого шенкеля поддается; вращается задом вокруг плеч и плечами вокруг зада свободно и, наконец, свободно исполняет все виды перемены направления.

Все эти упражнения я вел параллельно в поводу и сидя на лошади, причем, сидя в седле, я утверждал лошадь в приемах, с которыми она познакомилась в упражнениях в поводу. Во всех этих упражнениях ставить лошадь в повод, гнуть затылок или ганаша удобнее на разбеге, так как тут пользуешься уже готовой поступательной инерцией массы и не приходится возбуждать и поддерживать посыл и в то же время работать на повод или гнуть. Постараюсь пояснить. На шагу нужно одновременно производить два воздействия: шенкелями вызывать посыл, а поводьями ставить лошадь в повод или гнуть ее, то есть в то же время и задерживать тот же посыл. Очевидно, поставить лошадь за повод при этом очень возможно. Когда лошадь разошлась рысью или галопом и когда, следовательно, развилась поступательная инерция, то, чтобы взять лошадь в повод или погнуть ее, то есть подействовать на затылок или ганаша, всаднику достаточно, не опуская шенкелей, легко взять на себя или повернуть пальцы. Стать за поводом лошади невозможно, а взять повод ей легко.

Перехожу теперь к изложению сдачи затылка на месте, повода и сбора.

Первый и второй приемы применяются в обыкновенной езде, а сбор только при езде высшей школы, но так как сбор — это последнее слово двух предшествующих приемов, то я его включаю в это исследование.

Ramener (сдача затылка на месте) — слово заимствую у Боше — есть не что иное, как прямое сгибание. Прием этот подготавливает лошадь к поводу. Когда лошадь сдала затылок (ramener), перед она держит высоко, а голову по отвесу, жует и отдает удило под пальцами всадника. Но в таком положении лошадь еще не в поводу, не в равновесии. Легкости и поворотливости она еще не приобрела. Перед ее еще не связан с задом напором посыл. Достигнута только сдача головы и верхней части шеи, то есть сдача неполная. К поводу только намечен путь, и на этом пути сделан первый шаг. Я сказал, что слово «ramener» взял у Боше и привожу его только из уважения к его памяти. Он работал лошадью на месте, почему это имело у него характер самостоятельного подготовительного приема. Я, как известно, работаю прямое сгибание (то есть затылка) на ходу вперед прямо, не останавливаясь на этом «ramener».

Термина «ramener» мне больше употреблять не придется, так как он, выражая воздействие спереди назад, да еще на месте, находится в полном противоречии с основным началом моей методы. Я, пожалуй, смогу употребить слово «ramener», но только относительно лошади вялой, не идущей на повод и не подающейся вперед под шенкелями, лошади, которую гнули в холке по методу Боше. Лошадь, прошедшая через «ramener», не будет в равновесии и не пойдет в поводу.

Я признаю прием сгибания затылка правильным только тогда, когда воздействие повода следует за воздействием шенкелей, которые, посылая постоянно зад на перед, поддерживают посыл, а им и лошадь в поводу.

Шенкеля, совместно и во взаимодействии с поводьями, должны, как и поводья, принимать и сдавать.

Только при этом взаимодействии и возможна полнота и целостность движения, именно: если повод сдать, а шенкелями продолжать подавать вперед, то развитый задними конечностями посыл не будет встречен рукой и повод «не догонит лошади». Если, наоборот, натянуть повод, а шенкеля отпустить, то задние конечности не будут нагонять на него поступательной инерции массы, вследствие чего задние ноги будут отставать, и лошадь встанет затылком, а то и останется за поводом. Возвращаясь опять к правилу «принять и сдать», повторяю: правило это так же относится к шенкелям, как и к поводьям, и что и те и другие должны находиться постоянно в определенном соотношении, соответственно тому, чего с лошастью в данную минуту нужно достигнуть. Это взаимодействие шенкелей и поводьев и ведет лошадь к поводу и, наконец, ставит ее «в повод». Идти в поводу в руке — превосходный термин старой школы — значит поступательную силу, развиваемую задними конечностями, принимать на сдающий затылок и нужную для равновесия массы долю этой силы направлять обратно назад. Мы дошли до сущности езды. Задние конечности, подводясь под центр тяжести лошади, гонят ее перед вверх (зад под центр, то есть зад спущен, перед поднят), отчего ее масса и держится в равновесии. Поступательная инерция массы останавливается во рту лошади на грызле, то есть на оконечности колена рычага (отдача его идет, усиливаясь спереди назад). От этой точки рука всадника, приняв эту силу, ее долю, необходимую для поддержки равновесия массы, отдает назад на задние конечности. Конечности эти новым толчком опять шлют массу на перед, и так постоянно. Большая часть посылы, конечно, идет на поступательное движение лошади.

В таком положении лошадь действительно в поводу, в руке, но мне этого мало. Мне нужно, чтобы лошадь была не только в руке, но и «на руке», то есть чтобы лошадь, идя со сданным затылком, время от времени прикасалась к грызлу и таким образом всегда находилась бы в общении с рукой всадника. Иная лошадь постоянно то сжимает, то разжимает челюсти (щелкает орехи). Многие думают, что такая лошадь идет в хорошем поводу. Такая лошадь щелкает челюстями при всяком поставе переда, даже и при высоком В этом случае лошадь может быть поворотлива, но в поводу все-таки не будет. Для повода нужно, чтобы лошадь жевала и сдала совершенно железо, причем только она и будет чувствовать малейшее указание пальцев, а шелкун всегда хватается за железо. Для обыкновенной езды шелкун годится, но не для высшей школы, где требуется настоящий повод. Надо приняться с ней за сгибания, но сгибания очень тонкие, и продолжать до тех пор, пока она не бросит своей привычки. Прошу заметить: пока лошадь щелкает челюстью — челюсть в распоряжении лошади. Когда лошадь в поводу — ее челюсть в распоряжении ездока. Если лошадь лежит на поводу, то она не в поводу, а перед поводом. Когда лошадь начинала затягивать, Боше останавливал ее, гнул и шел дальше. Я же, напротив, не обращаю внимания на правильность приемов, энергичными шенкелями бросаю лошадь вперед и ставлю ее в повод посылом.

Идя по этому пути, лошадь наконец достигнет того, что не только будет идти на повод, но «подниматься на него». Под этим я подразумеваю то, что под воздействием шенкелей лошадь так далеко и смело подводит под центр тяжести задние конечности, что развитый ими в высшей степени посыл не только будет гнать, но устремлять массу лошади на грызло. В таком положении лошадь будет идти не только в поводу, но в высшем его проявлении, то есть в сборе. Когда лошадь идет в сборе, поводья должны быть натянуты настолько слабо, чтобы несколько не задерживать посылы, но вместе с тем настолько чувствительно, чтобы соприкосновение руки всадника с железом не прекращалось, чтобы посыл мог беспрепятственно доходить до его руки и мог бы быть направлен ею по желанию. При таком поставе перед лошади очень поднят, идет она передними ногами очень высоко; термин «идти вверх на повод, подниматься на повод» совершенно подходит к данному случаю.

Теперь выражение «лошадь идет между ногами и руками всадника» должно стать понятным.

Ноги и руки, то есть шенкеля и поводья, пересылают одни другим остающийся от поступательного движения лошади излишек поступательной инерции массы, и этой непрерывной передачей поддерживают саму массу в равновесии. Лошадь, исполняя высшую езду, совершенно

заклучена между шенкелями и поводьями; лошадь полевая стоит впереди шенкелей и между поводом (такая лошадь при растяжных аллюрах должна слегка поддерживать себя поводом). Если лошадь не отвечает шенкелям, то она стоит и за шенкелями и за поводом, то есть ее зад перевешивает перед.

Не всякая лошадь может дать сбор, то есть высшую степень повода, но всякая лошадь может и должна идти в хорошем равновесии, то есть в поводу, для какой бы службы она ни назначалась.

Лошадь для прогулки, полевая, охотничья, строевая, даже экипажная только тогда приобретает правильный постав, легкость, ловкость, поворотливость, когда она в руке (в соответствующем поводу). Характер равновесия лошади во всех упомянутых видах ее службы является равновесием горизонтальным. Скаковая лошадь уравнивает себя на переду, лошадь высшей школы — на зад. Упомянутое равновесие составляет среднее между ними. Большинство думает, что повод нужен только для красоты. Действительно, лошадь, идущая в поводу, выигрывает в представительности, но красота при этом играет последнюю роль. Поводом лошадь держится в равновесии, отчего она может на всех аллюрах исполнять все движения, которые от нее потребуют, легко, без усилий, не утомляясь. Равновесие сохраняет лошадь в тяжелой работе, которую ей приходится нести, предохраняет от преждевременного разрушения, так как каждой части ее тела приходится работать столько, сколько нужно, и только за себя.

Если бы строевых лошадей при первоначальной выездке делали бы лошадьми достаточно развязными, более гибкими, если бы солдаты имели понятие о равновесии (сложного тела — лошади и всадника) и умели бы в случае надобности пользоваться им, то насколько выиграла бы кавалерия в наружном виде, прочности и основательности.

Кавалерист стал бы уверенным в лошади и в самом себе, стал бы живее, ловчее и поворотливее. Лошадь сделалась бы выносливее и дольше служила бы. Лошади стало бы легче, а вместе с нею стало бы легче и бюджету.

Да не подумает кто-нибудь, что я проповедую, чтобы всегда и везде — на прогулке, на охоте, при атаке или в походных движениях — следовало вести лошадь в поводу. Напротив, я враг не только того, чтобы постоянно, но даже более или менее продолжительное время держать лошадь в этом положении. Я настаиваю только на том, что надо знать и уметь взять на повод лошадь на всяком аллюре, но брать ее следует только тогда, когда нужно, и на время, которое нужно. Умение взять лошадь на повод особенно необходимо в трудные минуты, например когда лошадь готовится к какому-нибудь отказу или из лени, усталости или по какой-либо другой причине начинает колебаться, становится нерешительной, распускается, расстраивается. Взяв в таком случае лошадь на повод, всадник приводит ее в равновесие, а равновесие всегда бывает кстати.

Всякая лошадь подходящего склада может и должна идти в поводу. Лошадь, склад которой более близок к совершенству, может дать и сбор.

Что такое сбор? Это высшая степень хорошего повода вполне выработанной лошади. Это полное ее равновесие во всех ее движениях. Поясница, бедра, скакательные суставы в высшей степени гибки и упруги и стремительно бросают массу лошади вперед. Плечи ее свободны, подвижны, ловки. Перед поднят. При малейшем указании пальцев руки челюсть сдает. Все части тела лошади на ходу работают совместно, ловко, гармонично, сливаясь в одно целое. Лошадь просит хода. Равновесие так точно, следовательно, так неустойчиво, что всадник чувствует, как достаточно малейшего проявления его воли, чтобы лошадь немедленно ее исполнила. И лошадь и всадник в воздухе — сейчас они улетят.

Но как достигнуть такого тонкого повода, чтобы получить такое идеальное равновесие? Надеюсь, я выяснил действие и значение повода. Выяснил, как поступательная сила идет от шенкелей всадника к его рукам; как руки, приняв эту силу, ее долю, нужную для поступательного движения лошади, передают на все части ее тела, а долю, нужную для поддержания равновесия массы, то есть остаток этой силы, отдают назад.

Всю эту тонкую работу всадник выполняет, соответственно, тонкой и постоянной игрой пальцев, как при игре на фортепиано.

Но какую долю силы рука должна пропустить и какую задержать?

Как при каждом напоре поступательной силы и какую долю этой силы, точно необходимую для поддержки равновесия, через посредство помощников (шенкеля и повода) отдать назад и вместе с тем нисколько не задержать ее поступательного воздействия на массу?

В этом и заключается весь вопрос. Ответ на это дает способность «чувствовать лошадь» — другого выражения для перевода не нахожу.

Если пальцы недостаточно решительны, то центр тяжести подастся вперед и лошадь «перейдет» повод. Если пальцы проявили лишнее воздействие, то центр тяжести подастся ближе к заду, бедра пригнутся и задние конечности отстанут. При каждом напоре двигательной силы возникают все новые и новые задачи, ни с предшествующими, ни с последующими не сходные. Разобраться в этом моментально и абсолютно точно должны пальцы руки. В этом вся суть искусства. У ездока, который «чувствует» лошадь, на которой он сидит, когда лошадь его в сборе, то есть в равновесии, устанавливается с нею такое единение, что как посыл лошади, так и воздействие на нее всадника передаются от одной к другому безостановочно. Посыл лошади и воздействие на нее ездока в их совокупности идут от одного к другой, как резиновый мяч: шпоры вызывают энергию движения, которая от зада лошади подвигается к каблукам всадника, оттуда все поднимаясь, и, проходя через ягодицы его к холке лошади, идет по гребню ее шеи к затылку; дойдя до затылка, эта энергия падает на гризло, то есть на руку всадника. Рука отсылает эту энергию по нижней части шеи лошади к источнику энергии, который ее принимает и задними конечностями посылает ее обратно по тому же пути. Выходит, что, пока лошадь в сборе, мяч ходит постоянно по кругу, но с той разницей, что ко рту лошади катится мяч, а ото рта лошади к задним конечностям возвращается мячик.

Каждый ездок, работая усердно, может достичь умения вести лошадь в хорошем поводе, даже, пожалуй, в постоянном сборе. Искусство же вести лошадь в сборе во все время репризы дано не многим. Если во время выездки лошадь не была ведена во всех движениях безукоризненно прямо, то есть по прямой от середины затылка до хвоста, то ставить и удерживать ее в сборе невозможно, так как она всегда будет отделяться от него. Когда лошадь сдает челюсть, плечи или бедра в стороны, то напряжение посылы, идя не по прямой, разлагается, следовательно, ослабляется; сбор же возможен только при полном развитии посылы. Способность чувствовать лошадь главным образом проявляется в том, что всадник тотчас отдает себе отчет, идет ли лошадь верно, прямо или ставит какую-нибудь часть тела в сторону, и тотчас же соответствующим воздействием шенкеля или повода ставит уклонившуюся в сторону часть тела прямо. Мгновенное ощущение уклонений лошади и мгновенное исправление их и составляет основу езды — способность чувствовать лошадь.

Пятьдесят лет я езжу и выезжаю лошадей, но достигнуть умения вести лошадь в сборе, в полном смысле этого слова, удалось мне только лет десять тому назад. Правда, я долго работал на ложном пути по ошибочным положениям Боше. Долгие годы я чувствовал, что полный сбор постоянно ускользает от меня: то центр тяжести уходил на перед, то подавался на зад. Стало мне удаваться, поставив лошадь в полный сбор, вести ее в нем столько времени, сколько нужно при полном напряжении посылы, только лишь тогда, когда я развил в себе до тонкости умение пользоваться помощниками (шенкелями и поводьями) и способность чувствовать лошадь.

Вести лошадь в сборе по прямому направлению еще недостаточно; надо, чтобы она сохраняла его при поворотах, движениях в сторону, словом, при всех видах перемены направления. При такого рода движениях сохранять и вести лошадь в равновесии, то есть в сборе, труднее потому, что один из шенкелей работает энергичнее другого. Посыл, принятый гризлом, распределяется по поводьям неравномерно, так как шенкель, энергичнее работающий, поддает усиленную долю посылы на противоположный повод, то есть правый шенкель на левый повод и обратно. Для примера возьмем поворот налево. Левая рука, приняв большую долю посылы, для удержания равновесия, то есть сбора, должна отдать к центру также большую его долю. Определить это руке тем более трудно, что в то же время ей приходится и направлять движение по изменяемому направлению и регулировать его. Это так трудно, что сам Боше признавался, что легкость (понимай — сбор) при переменах направления ему не удавалась. Вина тут была не в его умении ездить, но в ошибочной постановке переда при работе по его системе. Во все время езды лошадь

то рвет вперед, то задерживает себя, подает то в ту, то в другую сторону бедра или плечи. Чтобы вести лошадь в равновесии, всадник должен схватывать каждое ее движение, чувствовать, какое и как она его готовится сделать, и мгновенно противопоставлять ей соответствующие воздействия перекрестных помощников (шенкеля и повода). Если у всадника хватает на это умения, то движения лошади под ним будут уравновешены, то есть приближаться к идеалу.

Умение вести лошадь в сборе по прямой может быть названо венцом искусства верховой езды. Умение вести лошадь в сборе на поворотах, вбок, словом, на всяких движениях, как бы сложны они ни были, — надо назвать обладанием идеалом. Если ездоку удалось достигнуть такого совершенства, то и он и лошадь сливаются в одно целое. Ездок до такой степени «входит» в лошадь, что каждое ее движение мгновенно и непосредственно отражается в его мозгу, а каждое его воздействие на лошадь так строго соответствует данному ее движению и так точно выражено, что лошадь, инстинктивно ожидая его, поддается и мгновенно подчиняется ему. Сознание лошади подчиняется и сливается с сознанием человека. Сознание двух существ сливается в одно — в сознание человека. Движения лошади становятся отраженными и вызываются волей одного существа, волей ездока. Я не ошибаюсь, признавая такую гармонию человека и лошади идеалом.

Как достигнуть способности чувствовать лошадь, то есть инстинктивной тонкости ощущения всадником каждого движения лошади во всей его полноте и вместе с тем во всех его оттенках?

Как, ощутив движения, направлять другие движения, которые должны вытекать из сделанного?

Книга этому не научит. Научит упорство в труде, опыт, а главное, любовь к делу.

Всадник всеми точками своего тела, соприкасающимися с лошадью, то есть шлюссом, должен с безукоризненной точностью чувствовать все, что делается в лошади, в *тех* ее частях, которые он не видит, то есть идут ли задние конечности под центр или отстают, какие ноги и как высоко поднялись, в сборе ли идет лошадь, куда отнесла зад. Тем же шлюссом он должен чувствовать и вместе с тем видеть глазами, как работают плечи, шея, голова и особенно челюсти лошади. Движения лошади направляет перед, а всю лошадь направляет рука всадника, почему можно сказать, что рука всадника должна чувствовать мысль лошади. Приемы езды высшей школы очень сложны, почему должны быть очень точны, а чувствовать их очень трудно. Одно из движений лошади, наиболее трудных для того, чтобы их почувствовать, — это так называемый сорочий скок: чтобы лошади было легче, она ставит на землю обе задние ноги вместе; если она это делает плавно или у нее мягкие бабки, то оттенок этого движения очень трудно уловить, тем не менее давать ей взять это в привычку нельзя.

Итак, если всадник развил в себе способность отдавать отчет в равновесии лошади, чувствует это равновесие, — он имеет возможность вполне и мгновенно распоряжаться лошадью.

Высказал все, что мог. Перед читателем открывается опыт.

Для наглядного уяснения того, что такое сбор, прошу обратить внимание на фотогравюры, которым я придаю большую ценность, так как они безусловно верно представляют действительность. Из них можно видеть, что лошади подо мной, как бы высоко они ни были подняты (а подняты они потому, что я веду в сильном посыле), всегда стоят в горизонтальном равновесии, то есть ни на переду, ни на заду.

Комментарий специалиста

Объяснение сбора, его образное описание лучше сравнить с упругой пружиной в руках всадника. Скаковые лошади представляют собой растянутую пружину, такое положение позволяет показать максимальную резвость. «Аналогичной пружиной становятся и спортивные лошади, выполняющие широкие просторные движения. Сокращенные аллюры требуют упругого равновесия. В этом случае движение получает направление вверх, что дает восприятие легкости, воздушности. Постоянная работа рукой и шенкелем поддерживает это состояние. Сам Джеймс Филлис утверждает, что это состояние не является для лошади естественным, и пользуется им только в определенных случаях, но значение этого состояния для сохранения целостности организма при работе под всадником огромно.

В результате селекции группа конских пород получила ряд анатомических особенностей, позволяющих им иметь строение тела, максимально приближенное к сбору. Хорошим равновесием обладают лошади старинных пород и несущие их крови: липпизианская, луизитанская, испанская, четвертьмильные лошади, а также другие, широко применяемые в корриде и прочих национальных видах спорта. Английские чистокровные лошади и их производные, полученные благодаря селекции по результатам скаковых испытаний, редко имеют строение, приближенное к сбору. Как правило, породы, имеющие природное равновесие, выводились и использовались с минимальным применением работы поводом. Руки всадника были заняты другими предметами. Это могли быть пики, лассо и тому подобное. Управление лошастью осуществлялось за счет смещения центра тяжести в седле.

Природный сбор еще не является гарантией пригодности лошади к выездке. Наиболее высоких результатов добиваются на лошадях, имеющих оптимальные сочетания крови английской чистокровной лошади и пород, несущих в себе крови старинных рыцарских пород. К таким относятся тракененские, ганноверские, голштинские, вестфальские и многие другие европейские породы. Они вобрали в себя импульсивность и отдатливость в работе английской чистокровной лошади и природный сбор в сочетании с равновесием.

Глава XVI

ПРИНИМАНИЯ (БОКОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ) И ДВИЖЕНИЯ В ДВА СЛЕДА

Вести лошадь в сборе необходимо при высшей езде. Вести ее в поводу необходимо при всякой езде. Исследуя значение и применение повода, я по пути должен был исследовать и сбор как высшую степень тонкого повода. В предстоящем исследовании мне придется говорить о двух манежных приемах, из которых один применяется в обыкновенной езде, а другой при езде высшей школы, но оба они так тесно связаны, что отделить один от другого нельзя.

Первый — боковые движения, принятия — относится к обыкновенной манежной и полевой езде; второй — движения в два следа — исполняется только при езде высшей школы.

Поступательная сила при исполнении лошастью принятия (боковых) или в два следа движений откидывает корпус всадника в сторону, обратную направлению движения, и откидывает тем сильнее, чем быстрее идет принятие, так, что всадник иногда может быть выбит из седла. Очевидно, в данном случае всадник должен наклонять корпус в сторону движения, то есть упираться на ягодицу и стремя внутренней стороны. Таким положением корпуса всадник, сохраняя устойчивость посадки, вместе с тем уравнивает поступательную силу движения лошади вбок и облегчает ее внутреннее плечо, которым она забирает пространство вперед. Умение в меру держать корпус внутри приобретается практикой.

Приступая к обучению лошади движениям в сторону, не следует, идя вдоль барьера, делать первый шаг вбок, от стены. Чтобы заставить лошадь сделать этот шаг, надо будет ее задержать, следовательно, задержать и посыл. Задержка эта, то есть посыл, очевидно, увеличит трудность привыкания лошади к новому для нее роду движения. Первые шаги вбок я заставляю лошадь делать во время перемены руки, при окончании этого движения. Положим, я иду налево, то есть барьер у меня справа. Подходя снова к барьеру, который в этом случае (при перемене руки) окажется у меня слева, я ставлю обе руки влево и нажимаю шенкеля, особенно правый. Левый трензельный повод будет тянуть влево, а правый трензельный, идущий через шею лошади, будет влево же направлять ее плечи. Приемы, как видно, те же, как и при вращении переда вокруг зада, но только направление движения идет не по кругу, а в сторону и вперед. Если лошадь не поддается правому шенкелю, то я прибегаю к правому трензельному поводу, который, усиливая действие шенкеля, заставит лошадь подать бедра влево. Когда лошадь сделала два-три шага вбок, глажу ее и отдаю поводья. Меняю руку слева направо и применяю те же приемы. Прибегаю к приему бокового воздействия, так как, отказывая шенкелю, лошадь доказывает этим, что она недостаточно подготовлена выездкой. Обыкновенно в том периоде

выездки, до которого мы дошли, лошадь должна быть настолько выезджена, что применять к ней следовало бы уже только приемы перекрестного воздействия, а не бокового.

Переводить лошадь из движения вперед на движение в сторону надо незаметно. Незаметный переход обуславливается тем, что в момент его начала всадник, увеличивая давление шенкелей, усиливает посыл, а рукам остается только принять его и направить движение куда следует. Энергичный посыл является первым условием для того, чтобы хорошо исполнить движение в два следа. Посыл дает наружный, при соответствующей поддержке внутреннего, шенкель. Внутренний шенкель не следует оставлять в бездействии, потому что в таком случае внутренняя нога лошади, вместо того чтобы подводиться под центр тяжести, будет забираться в сторону; лошадь не будет идти на повод, но будет оставаться за ним.

Упражнение это повторяю в продолжение довольно долгого времени и на каждой репризе, постепенно требую от лошади все большей и большей отчетливости исполнения. Вначале удовлетворившись двумя-тремя шагами вбок, затем требую пяти-шести шагов, но требую всегда только при перемене руки и в момент подхода к барьеру, но не по барьеру. Затем заставляю лошадь ступать в сторону от середины манежа и делать до двенадцати—пятнадцати шагов и наконец приступаю к приему «принимания через манеж и по барьеру». Исполняю я боковые движения по барьеру только тогда, когда лошадь совершенно в них утвердилась. Лошадь всегда тянет к стене, по которой ей нужно держать направление, не подчиняясь шенкелям и поводьям. Барьер как бы оказывает ей нравственную поддержку, она инстинктивно наваливается на него плечами или откидывает на него зад. Очевидно, что при этом очень трудно вести лошадь в верных ровных шенкелях. Иногда привычка лошади валиться плечами на барьер оказывается приемом упрямы; заметив это, следует отвести ее от барьера, тогда ей придется направлять плечи по указаниям вашей руки, а только рука всадника и должна направлять их. Если лошадь, идя плечом в манеж, осаживает и наваливает задом на барьер, то надо, не меняя ее положения, подать ее шенкелями вперед по тому же направлению и перейти в дубле. Этим приемом лучше всего можно оживить посыл и оторвать лошадь от барьера. Ни под каким видом нельзя допускать лошадь приобретать привычку тянуть к барьеру, причем, как объяснено выше, она привыкает не повиноваться шенкелям и поводьям, то есть таким факторам, в распоряжении которых она должна всецело находиться повсюду: в манеже, в поле, а особенно при высшей езде. Следовательно, работать лошадь нужно всегда на расстоянии одного - двух метров от барьера. Но раз лошадь стала налегать плечами на барьер, то как поставить ее верно? Как оторвать ее от барьера, как сделать дубле, как делать направо, налево назад, как повести в два следа?

Положим, лошадь идет направо. Большинство ездоков инстинктивно, но ошибочно, думая отдалить левое плечо, тянут правый трензель. Голова и шея при этом погнутся вправо, но левое плечо подастся, очевидно, еще более вперед, то есть ближе к барьеру. На самом деле надо приподнять и взять вправо, через шею лошади, левый трензель, поддерживая в то же время и правым трензельным поводом. Таким способом весь перед лошади будет отведен вправо.

При боковых движениях главное заключается не в том, сколько шагов делает лошадь в сторону, а в том, как она их делает. Для того чтобы лошадь свободно передвигалась в сторону, надо, чтобы ее плечи шли впереди зада. Приступая к движению вбок, перед моментом, когда лошади нужно делать первый шаг, я ставлю ее на собранный манежный шаг. На этом шагу и передние и задние ноги лошади поднимаются и опускаются отчетливее. Лошадь становится поворотливее, отчего ее ноги не могут цеплять одна другую, что очень часто случается, если вести ее на боковых движениях обыкновенным шагом. Принимая слева направо для того, чтобы забирать пространство вправо, лошадь должна переставлять левую переднюю и левую заднюю ноги через такие же ноги правой стороны. На обыкновенном вялом шагу ноги непременно будут наступать одна на другую. На собранном манежном шагу обе ноги левой стороны переступают последовательно, в такт каждая, через соответствующую ногу правой стороны и становятся на землю в тот момент, когда соответствующая правая поднялась от земли; очевидно, что столкнуться они не могут.

До сих пор я употреблял только выражения «шаг», «шаги в сторону», но еще не говорил о ходе в два следа.

При движениях в два следа лошадь должна держаться в высшей степени верно, то есть чтобы, подаваясь в сторону, перед и зад ее шли по двум параллельным линиям, причем перед должен идти впереди зада. Шея и голова должны быть правильно подняты и немного сдавать в сторону движения. Лошадь должна идти в поводу, в равновесии. Аллюр, которым идет лошадь, должен выдерживать такт. При работе в два следа лошадь старается употреблять разные уловки, чтобы отделаться от сбора. Остановлюсь на некоторых из них.

Лошадь не уступала направляющему (наружному) шенкелю и вдруг начинает ни с того ни с сего не только уступать ему, но даже убегать от него, то есть, принимая по барьеру, положим, слева направо, ложится (не уступает) на левый, направляющий шенкель. Она получает шпору и принуждена уступить, но зато начинает задерживаться и не идти на повод. Приходится нажать правый внутренний шенкель. Воспользоваться шпорой как быстрым указателем нельзя, чтобы не свернуть зада лошади влево. Лошадь, сообразив это, начинает валиться на правый, внутренний шенкель. Вести ее при таком условии в поводу в такт делается невозможным. Приходится применить правило: беспорядком в приемах всадника восстанавливать порядок в движениях лошади, и хотя, как сказано выше, и не следовало бы, но в данном случае необходимо сильно ударить внутренней шпорой. Если лошадь от одного удара не исправится, то давать ей эту шпору каждый раз, когда он станет ложиться на внутренний шенкель, и давать до тех пор, пока она от этого не отстанет. Это единственный способ бесспорно установить преобладание воли наездника над лошадью, доказав ей, что воли этой ей не побороть. Неумелые, робкие ездки этого способа не одобряют.

Эти движения, будучи одними из самых трудных упражнений, требуют очень много времени для того, чтобы выучить им лошадь, и начинать их должно только тогда, когда она совершенно утвердилась во всех предшествующих упражнениях, усвоила вполне приемы бокового, прямого и перекрестного воздействий. Если начать эти движения несвоевременно, то можно вызвать лошадь на отказы и сопротивления.

Никогда не может выйти хорошей манежной лошади из такой, которую работали одними боковыми воздействиями, — и она сама и ее работа будут в разладе. Такая лошадь при исполнении боковых движений будет держать голову в сторону, обратную движению. Сбора потребовать от лошади нечем, так как воздействия на другой бок лошадь не понимает.

Всегда следует вести лошадь в шенкелях и в поводу, причем оттенять действие одного и другого противоположных помощников.

При дальнейшей выезде будет необходимо применять приемы перекрестного воздействия шенкелей и поводьев; а так как при обучении лошади движению в два следа к ним постоянно приходится прибегать, то работа эта имеет громадное значение для будущего. Ввиду этого я так долго и останавливаюсь на ее исследовании.

Движения в два следа исполняются не только на собранном шагу, но и на рыси, даже и на резвой. Очевидно, чем живее аллюр, тем труднее своевременно применять воздействие шенкелей и поводьев. Вести лошадь нужно очень верно, так как каждый раз, когда всаднику приходится исправлять положение ее зада и ставить его на место, а в то же время и вести лошадь в сборе, он задерживает посыл, а посыл должен быть все время очень энергичен. Каждая лошадь, усвоив движение в два следа, обычно злоупотребляет им. Идя полувольтом или на перемене руки в два следа, она всегда старается бочить; этой уловкой лошадь, ставя вбок задние конечности, вместо того чтобы подводить их под центр тяжести, отделяется от сбора. Выход и в этом случае опять в шенкелях. Когда лошадь совершенно выезжена и на всех манежных мотивах ей приходится идти в сборе, она перестает увертываться. Перед и зад лошади нужно вести твердо и верно, каждый по своему следу, для чего действие шенкелей, посылающих вперед, надо так тонко согласовать с действиями поводьев, направляющих в сторону, чтобы ничего не отнимать у посылы. Тонкость в этом согласовании вполне возможна и вытекает из самой сущности каждого из этих помощников: энергия — шенкель, направление — легкая рука.

При движении в два следа очень трудно, во-первых, согласовать совместное воздействие энергии шенкелей с тонкостью поводьев, во-вторых, вести лошадь так верно, чтобы ось поступательного движения шла между ее ушей. Кроме того, на этих движениях всаднику трудно и сидеть на лошади, и тем труднее, чем живее аллюр, то есть чем сильнее относит его в обратную направлению движения сторону. Внимание его должно быть постоянно возбуждено.

Пробный камень умелого посылы, с одной стороны, и чуткость послушания лошади шенкелям и поводьям, с другой, заключаются в том, чтобы, исполняя боковые движения рысью, прибавлять рыси и не дать лошади сбиться в галоп.

Моя работа в два следа совсем не похожа на сонную работу того же названия, которую приходится вообще видеть. Я требую от лошади энергичной смелой работы, и лошади мои так ее и исполняют. Смее думать, что все дело тут в моих шенкелях. При сонной работе лошадь только отчасти повинуется всаднику. При работе смелой и живой лошадь находится в постоянном повиновении у всадника. Она вся отдается ему, ничего не держит на уме про запас, а это самое главное.

На первой и второй фигурах рисунка 20 изображен чистокровный Жерминаль (от Флавио и Паскали) во время работы в два следа собранным шагом. На фигуре 1 он снят на ходу. На фигуре 2 он снят в момент, когда правая внутренняя нога забирает вперед. На первой фигуре посыл кажется меньше оттого, что снимок сделан справа, в момент упора направо, когда движение шло влево.

По этим снимкам можно составить понятие о том, каковы должны быть движения ног на ходу в два следа.

Комментарий специалиста

В этой главе прекрасно рассказано, как работать лошадь на приниманиях и в два следа. И впервые автор упоминает о смещении центра тяжести человека методом подсаживания на одну из ягодиц. Но если подробно рассматривать положение тела всадника на вольтах, полувольтах, переменах направления, обращает на себя внимание положение поворота плеч и корпуса. Если всадник будет продолжать движение с положением тела точно таким же, как во время прямолинейного движения, он не только будет нелепо смотреться в седле, но и мешать правильному выполнению элемента. Поэтому необходимо при поворотах направо внутреннее, правое плечо смещать назад, а левое чуть выносить вперед, выполняя при этом описанные в предыдущих главах работы руками и шенкелем. В результате такого смещения корпуса идет и частичное смещение положения ноги всадника. Внутренняя нога, в данном случае правая, оказывается частично смещена к подпруге, а внешняя, левая, немного за нее. После того как вы освоите эти движения корпусом, можно свободно добиваться выполнения вольтов, перемен направления и даже восьмерок, не трогая поводя или совершенно бросив его.

Хотя автор этой книги не одобрил бы этого, он в своей работе всегда и во всех случаях говорит о необходимости сбора, но чувства лошади нельзя достигнуть, не понимая, каким образом тело ее реагирует на те или иные изменения в положении рук, ног и корпуса всадника.

Движения в два следа и все боковые движения на месте всегда сопровождаются изменением в положении корпуса всадника в седле. Он плавно перемещает вес своего тела с одной половины седла на другую, как бы перетягивая за собой и корпус лошади. Именно с этим мы встречаемся в этой главе впервые, хотя аналогичные движения производятся и при осаживании как на первых этапах работы, так и позднее, только делаются они более мягко, и всадник уже не нуждается в акцентированном выполнении переноса веса своего тела с одной ягодицы на другую, когда элемент уже хорошо освоен. А на первых этапах освоения осаживания человек как бы освобождает для движения назад каждую конечность лошади по очереди.

Поняв и доведя до автоматизма работу корпуса на этих элементах, вы приблизите себя к пониманию лошади еще на один шаг.

Обратите внимание в этой главе на проблемы, возникающие при постоянной работе на стенке манежа. Современные всадники часто очень увлекаются применением работы по стене, особенно если манеж небольшой или количество работающих там всадников ограничивает

использование его площади. Поэтому работу после первых этапов освоения полезно переносить на улицу, на любую не огороженную площадку или поляну с хорошим грунтом, чтобы не вырабатывать у лошади стереотипа в выполнении движения вдоль стенки манежа. В любом случае, очень полезно чередовать работу в манеже с работой на улице, если лошадь уже прошла стадию заездки и не пугается постороннего движения на улице. После расслабляющей прогулки на улице, в поле или в лесу на свободных движениях проводить несколько минут в работе с освоенными элементами в непривычных для лошади условиях, и только после этого возвращаться в конюшню, дав лошади хорошо отшагаться. Но ни в коем случае не следует пытаться в таких условиях пробовать новые элементы: слишком много отвлекающих факторов как для лошади, так и для всадника, а малейшая ошибка на самом начальном этапе помешает вам в дальнейшем. Работа лошади в лесу, в поле позволяет всаднику лучше понимать, чувствовать лошадь, расслабляет мускулатуру и хорошо восстанавливает нервную систему животного после интенсивной работы в манеже. Филлис использовал сезонные особенности, поэтому в зимнее время работал над элементами только в манеже, летом вывозил лошадей за город и закреплял работу, выполненную зимой. Лучше, если у вас есть возможность чередовать работу в манеже и на улице, последнюю хорошо проводить один - два раза в неделю. Это полезно и для здоровья лошади.

Часто, оказавшись в манеже, на опилках, в бетонных сооружениях современных комплексов, лошади годами не видят белого света; в результате возникают различные аллергии, авитаминозы и, как следствие, эмфизема легких. Во времена Филлиса деревообрабатывающая промышленность еще не использовала различных химических добавок, и столь тонкая фракция опилок, наверно, и не встречалась, лошади стояли в большинстве своем на соломе, недоступной для городских конюшен нашего времени. Бетонные стены, и полы, и потолки образуют конденсат в конюшнях, а вентиляционные системы чаще всего не предусмотрены вообще или не в состоянии справляться с повышенной влажностью. Поэтому, если у вас есть возможность работать лошадь на улице, не упускайте ее.

Глава XVII

РЫСЬ

Чтобы поднять лошадь в рысь, надо отдать немного поводья и слегка послать шенкелями. Толкать лошадь каблуками не следует, так как можно испугать ее. Если лошадь ленива и шенкеля не помогают, то приходится послать ее не только каблуками, но в случае нужды и шпорами. Подняв лошадь в рысь, первое время ее надо вести малой рысью, удерживая такт, то есть чтобы удары ее ног отбивались одинаково. Если перед тем лошадь развязана сгибаниями и поддается шенкелям, то поставить ее на ровную рысь легко. Чтобы узнать, верна ли естественная рысь лошади, надо дать ей возможную свободу хода и на повод ее не брать. Повода лошадь сразу не возьмет, а разобраться в ее рыси потом будет трудно, так как если впоследствии обнаружится какая-либо неверность в этом аллюре, то неизвестно будет, чему ее приписать. Происходит ли она от неправильности склада лошади или оттого, что лошадь неверно взяла повод?

При начале упражнения рысью поводья, особенно мундштучные, надо натягивать слабо. Если лошадь дерет или закидывает голову назад, чем, очевидно, давит свой зад, то надо налечь на мундштучные поводья. Если лошадь несет голову низко, надо поднимать ее трензельными поводьями, легко нажимая их снизу вверх, плавно, без толчков, быстро меняя действие каждого повода отдельно. Руки поднять выше. Натягивать трензельные поводья спереди назад не следует, так как этим будет задерживаться посыл. Свободной рысью надо пройти по манежу два-три раза, затем остановить лошадь и взять ее на повод. Репризы эти повторять чаще.

Когда лошадь держится на рыси хорошо (шея вверх, голова почти по отвесу), причем, конечно, будет выше и вынос ноги, надо постепенно увеличивать продолжительность реприз. Увеличивать продолжительность реприз надо постепенно, чтобы лошадь не уставала, а следовательно, могла бы нести голову высоко. Если лошадь начинает ложиться на повод, то

надо, подав ее энергично шенкелями вперед, затем придержать, поставить совершенно в повод и повести дальше прежним размером рыси.

Когда лошадь в продолжение пяти минут репризы идет не спускаясь, надо прибавлять рыси, но прибавлять ее осторожно, не резко, чтобы не расстроить равновесия и лошадь не легла бы на перед.

Прибавлять рысь при начале обучения надо при окончании репризы на последних двух-трех кругах. Прибавляя рысь, надо вести лошадь в сильном посыле шенкелей, а трензельные поводья натягивать настолько, чтобы только поддерживать ее голову на месте. На таких репризах лошадь вымахается и доведет рысь до возможного для нее развития маха и быстроты.

Каждая лошадь может дать рысь только той быстроты, на которую она способна, и если требовать от нее сверх того, что она может дать, то она пойдет вперебой, то есть передом будет идти рысью, а задом скакать. Такой ход лошади очень некрасив и неприятен для всадника.

Всадник может ехать на рыси двумя способами: в седле по-французски и через шаг по-английски. По моему мнению, ездить по французскому способу надо только в манеже, а обучать новичка ездить рысью без стремян иным способом и нельзя. Шлюсс только таким способом и может быть приобретен.

Езда по этому способу утомляет и всадника и лошадь. Я не могу понять, почему его так долго придерживались в кавалерии. При английском способе езды лошадь и всадник не испытывают ни толчков, ни их отдачи. Сама лошадь поднимает своими движениями всадника вверх, а его щиколотки и колени поддерживают его над седлом, и через каждый такт рыси, отбиваемый лошастью, мягко опускают его в седло. Всадник едет из-под себя, немного наклоняя корпус вперед. Колени и щиколотки всадника, как пружины, поднимают корпус его над седлом. Корпус всадника не должен принимать непосредственного участия в этом движении, а подниматься и опускаться целиком. В противном случае поясница и плечи будут тянуться, и связь всадника с лошастью будет слабеет. Ничего не может быть уродливее всадника, который тянется, едучи английской рысью: живот его то идет вперед при подъеме, то отходит назад, когда он падает в седло. Ногу надо держать в стремях на одну треть подошвы, а если загонять ее глубже, то щиколотка будет утрачивать упругость, ехать будет утомительно и всадник будет сидеть натянуто. На рыси лошадь выносит ноги наперекрест (по диагонали). Если в складе лошади нет какого-либо недостатка и ничто не стесняет ее хода, то каждый мах одной диагонали будет равен другой. На берейторском языке, когда диагональ берется спереди назад, говорят: правая диагональ — правый повод и левый шенкель, левый повод и правый шенкель — левая диагональ; то же относится к лошади: левая передняя и правая задняя ноги — левая диагональ, и наоборот.

Ехать, например, на левой диагонали — значит подниматься над седлом в тот момент, когда лошадь выносит левую переднюю ногу, и опускаться в седло в тот, когда она ставит эту ногу на землю.

При верно поставленной рыси всадник поднимается над седлом в момент выноса одной диагонали, стоит над седлом в момент выноса другой диагонали и опускается в седло тогда, когда первая диагональ опускается на землю. Если всадник опустится в седло раньше, то он получит толчок второй диагонали в момент, когда расправляется скакательный сустав задней ноги этой диагонали; в седле он просидит два такта. Ездок должен знать и чувствовать, по какой диагонали он едет, и уметь, для облегчения себе и особенно лошади, менять ее на ходу. Для этого нужен некоторый навык, а практиковаться в нем надо на шагу, когда легче отдать себе отчет, причем надо приподниматься на каждом шагу лошади и присматриваться к тому, какую диагональ она выносит при каждом подъеме корпуса. Понять, в чем дело, нетрудно, и времени на это много не уйдет.

Каждый ездок незаметно для себя привыкает ехать по одной какой-нибудь диагонали и чувствует себя неловко на другой. Чтобы развить в лошади хорошую рысь, вымахать из нее рысак, надо сначала пройти с ней все вышеописанные упражнения в манеже, хотя тут и представляется некоторая помеха, так как в углах приходится задерживать размах. Доканчивать

развитие рыси лошади надо на открытом воздухе, по дороге, где не приходится ее сдерживать, а сама она идет вольнее и свободнее.

Не всякая лошадь идет размашисто. Иная держит рысь хорошо на тихом темпе, а на прибавленном начинает идти коротким галопом, толчется галопом на месте. Про такую лошадь говорят, что она задерживается. Лошадь надо доводить до полного размаха рыси и не давать ей переходить из одного аллюра в другой. Если она на первых порах, при прибавке рыси, заскакала, то надо ее остановить, приласкать, успокоить и тронуть опять. Прием этот всегда бывает удачен с горячей лошадей, но бесполезен с ленивой. Если заскакала ленивая лошадь, то надо ее выслать энергичными шенкелями на более резвый галоп и на этом усиленном галопе провести метров пятьсот—шестьсот. Лошадь рассчитывала отделаться от усилия, которое ей пришлось бы употребить для прибавки рыси, и сама навлекла на себя наказание, которое потребовало от нее еще больших усилий. Когда ей придется испытать такое наказание несколько раз, то она поймет всю невыгоду своей уловки. Этот прием всякому доступен. Есть и другой, но, чтобы применять его, нужно иметь некоторые познания в езде. У каждой лошади одна сторона развита больше другой, следовательно, одна сторона ловчее и сильнее. Когда лошадь вместо прибавки рыси заскачет, то она скачет на более развитую сторону. В наказание надо продержать ее на галопе, но переменить ей ногу. Для этого надо натянуть трензельный повод той стороны, ногу которой лошадь выносит. Плечо задержится, а шенкелем той же стороны в то же время надо отвернуть ей зад. Я предлагаю прием бокового воздействия, но в данном случае подразумеваю, что лошадь не доезжена или совсем не езжена.

Само собой разумеется, что все сказанное относится к лошади не совсем выездной, так как выездная лошадь никогда не собьется с аллюра. Не всегда лошадь только из лени или упрямства не дает полной рыси, но для ее отказа могут быть и другие причины. Виноват может быть сам всадник, если рука его беспокойна, болтается, а рот лошади мягок и чувствителен. Может быть, слишком строг мундштук; у лошади может быть набит рот, следовательно, он болезненно чувствителен. Может быть, у лошади что-нибудь болит, и она, думая облегчить боль, меняет аллюр. Вообще, прежде чем обвинять лошадь, ездок должен доискаться причины, и может оказаться виноватой не лошадь, а он сам. Мундштук строг, когда тонки грызла, длинные рычаги, высока дужка. Каждое из этих обстоятельств усиливает строгость мундштука, а соединенные все вместе, они составляют орудие пытки. Барышники применяют очень простой способ, чтобы узнать, не от боли ли во рту лошадь плохо идет рысью. Вот этот способ: бросить поводья, взяться рукой за гриву на середине шеи и пустить лошадь рысью. Если она пойдет хорошо, то, значит, у нее болит рот. Когда рысак выдерживают для ипподрома, то есть когда имеется в виду только быстрота хода, то его обычно сильно кладут на повод. Тренеры не обращают внимания ни на мягкость рта, ни на правильность хода. Ипподромные рысаки, будучи всегда энергичны, сильно тянут. Ездоки, воображая, что чем больше тянуть лошадь, тем она резвее пойдет, тянут ее со своей стороны изо всех сил. Но это большое заблуждение, так как чем сильнее тянуть, тем больше тяжести подается на поясницу и скакательные суставы. Для полного развития рыси лошади надо дать только необходимую поддержку поводом, всегда очень незначительную. На бегах, как и на скачках, ездоку, конечно, приходится немного «нести» перед. «Нести» перед нужно снизу вверх, а не спереди назад, чтобы не задерживать работы задних конечностей.

Желал я основательно изучить и понять условия рысистого бега, для чего (это было уже давно) и поселился нарочно в маленькой нормандской деревне Дозюле. Перед тем я несколько раз скакал на гладкой скачке и на стипле и выезжал трех или четырех лошадей манежной и высшей ездой. Думал я удивить нормандских парней своим искусством, но удивленным оказался я сам.

В Дозюле знал я одного парня по имени Паскаль, который был очень сведущ во всем, что касается лошадей, а рысаков в особенности. Знал я его давно. Я условился с ним о моем приезде. Было это в 1864 году. У Паскаля были в то время на выдержке два замечательных рысак, сколько помнится, принадлежавшие маркизу де Круа.

На другой день по приезде моем рано утром мы с Паскалем были уже на кругу. Два километра, то есть беговой круг, мы прошли шагом, затем пустились рысью. Паскаль побил меня очень легко. Я утешал себя тем, что лошадь, на которой ехал Паскаль, вероятно, была лучше той, на которой ехал я. На другой день мы поменялись лошадьми, и Паскаль побил меня опять. В продолжение двух недель Паскаль каждый раз ездил на той лошади, на которой ехал я накануне, и каждый день он меня побивал. Я сильно досадовал. Паскаль тянул лошадь изо всех сил, передергивал, звонил лошастью, как называл он свои приемы. Я доказывал ему всю неосновательность такой езды, а он толковал, что только таким способом можно выжать из рысака полный ход, и, по-видимому, он был прав. Наконец мне пришлось в голову попросить его дать мне в течение двух недель ездить на одной и той же лошади. За это время не было бегов. В эти две недели я поставил лошадь на повод настолько, сколько нужно было для поддержки. Она перестала вертеть головой, и в результате я четыре раза подряд побил Паскаля. На другой лошади я достиг таких же результатов.

Обе лошади взяли поддержку в поводе настолько, насколько каждой было нужно; заду стало легче, отчего он получил возможность развивать свою работу вполне.

Под Паскалем лошади шли вперебой, срывали, страшно уставали. Подо мной они шли свободно, скорее размахивались вовсю, не срывали, и, так как я сидел в седле спокойно и ближе к лошади, чем Паскаль, который кривлялся в седле, то я приводил лошадей к столбу свежими. Не думаю, чтобы лошади Паскаля прибавляли подо мною рыси, но верно то, что у меня они шли спокойно, легко, с доверием и приходили к столбу не только сохранив дыхание, но и сухими. Паскаль рвал им рты и к столбу приводил их совершенно заморенными. Рысаки, наезженные по методу Паскаля, не только неприятны, но и опасны в езде, так как, раз такая лошадь разошлась, трудно ее и остановить. Тем не менее, если рысак взять из выдержки, развязать и размягчить его сочленения правильными приемами выездки, то из него может выйти отличная служилая лошадь.

Паскаль имел большое преимущество передо мной в том, что он знал своих лошадей и, полагая, максимальный предел их резвости. Многие не придают этому значения, но на самом деле это очень важно, ибо, если рысак идет в своем максимуме, а жокей этого не чувствует и пошлет, то лошадь непременно собьется.

Весьма понятно искушение на бегу все более и более посылать лошадь. Ничего нет неприятнее, как видеть рядом с собой другую лошадь, идущую на голову впереди. Но все-таки, если ваша лошадь идет в максимуме, то удержитесь от искушения и не посылайте. От посылки она собьется, а, ставя ее на рысь, вы задержите ее и вместо одной головы потеряете несколько корпусов.

Итак, на рысистом бегу надо уметь отдавать себе отчет в высшем напряжении резвости лошади и поддерживать ее в этом напряжении возможно долго. Только при этом условии бег станет тем, чем он должен быть, то есть испытанием силы и тягучести лошади. Бить будет тот, кто дольше сумеет удержать лошадь в высшем развитии резвости.

Максимум на рысистом бегу, не так, как на скачках, надо вызывать с места. О скачках буду говорить ниже.

Комментарий специалиста

Как уже говорилось в главе о шаге, существует три его вида. Аналогичная градация существует и у рыси: короткая, средняя, широкая. Крайняя степень максимально широкой рыси — мах, или прибавленная. Тонкая грань между рысью и переходом в галоп и является признаком того, что лошадь работает максимально широкой рысью. Это возможно при максимально свободном поводе и энергичной работе шенкеля, причем движение ноги происходит надавливанием снизу вверх, как бы при попытке приподнять лошадь вместе с седлом; движения становятся более высокими, и лошадь как бы зависает в воздухе, захватывая большее пространство. Средняя рысь, если отслеживать положение конечностей, будет соответствовать среднему шагу, короткая — короткому шагу. Научиться чувствовать эту

разницу нужно любому начинающему всаднику. Сначала всадник пытается читать рысь лошади. Задавать и корректировать ритм движения и ширину рыси он учится позднее.

В отличие от мундштучного оголовья обычный трензель изменяет правила подъема в рысь. Чтобы поднять лошадь в рысь, всадник должен взять трензельный повод чуть короче, почувствовать мягкий упор в рот лошади и выслать ее из-под себя движением шенкеля, причем при этом не стоит валиться вперед корпусом, как бы освобождая задние конечности от веса всадника, эта ошибка часто встречается у начинающих. Когда всадник освоит правильный подъем в рысь, он должен научиться понимать, какой диагональю работает лошадь. Для этого сначала можно позволить себе слегка наклонить корпус вперед и посмотреть на плечи лошади, и по их движению определить, на какую диагональ он поднимается в седле. Позднее он сможет чувствовать диагональ и без этих манипуляций. После этого следует научиться корректировать ритм: задерживая в верхнем положении корпус во время движения, вы можете замедлять его, опускаясь чуть раньше — ускорять. Ширину рыси изменяют работой шенкеля и повода.

Английская рысь сегодня известна как строевая, французская — как учебная.

Некоторые лошади обладают удивительным природным аллюром — иноходью, при котором сначала перемещаются обе конечности с одной стороны, а потом с другой. Но при работе высшей школы эти лошади нежелательны. Переучивание занимает очень много времени и сил. Сам аллюр неустойчив на поворотах, хотя удобен в длительных прогулках и переходах.

Работа современной рысистой лошади руками часто требует не меньшей виртуозности, чем игра на фортепиано. Многие всадники понимают работу руками только после того, как попробуют работать рысак в качалке. Хотя есть и такие, что относятся к работе в качалке с некоторой брезгливостью. Они многое теряют. Ибо навыки приобретаются только желанием знать и все попробовать. При работе в качалке человек все свое внимание уделяет именно рукам; так как остальные части его тела не принимают активного участия, это очень полезно. Человек после такой работы начинает понимать, каким удивительным потенциалом обладают его руки.

Рабочие качества рысак в выездке не представляют большого интереса, но помеси с чистокровной верховой породой или трактененской обладают более мягкими, пластичными движениями. В восстановленной русской верховой породе использовалось большое поголовье рысак. Поэтому в родословных доля их крови составляет часто около четверти. Они обеспечивают широкие размашистые движения на шагу и рыси. Отдельные лошади этой породы удачно выступают в преодолении препятствий, но имеют неправильную технику прыжка, и высоких результатов добиваются благодаря исключительной силе.

Глава XVIII

ГАЛОП

Самый трудный и сложный аллюр — это галоп. Есть некоторые движения на галопе, исполнять которые отчетливо и так, как нужно, удастся не многим наездникам. Начинаю я с лошастью галоп только тогда, когда на всех аллюрах она подчиняется мне не только физически, но и, так сказать, нравственно, когда она стала гибка, хороша в повод и легко уступает шенкелям. С галопом я не тороплюсь и жду до тех пор, пока поясница, бедра и скакательные суставы лошади не приобретут полной гибкости и упругости, пока лошадь не станет безошибочно понимать и подчиняться взаимодействию шенкелей и поводьев. Словом, до тех пор, пока я не уверен в том, что вполне могу располагать по усмотрению проявлениями силы, вызываемой этими воздействиями. Когда все эти условия налицо, я уверен, что сразу верно поставлю лошадь на такой галоп, какой захочу, а не на такой, какой захочет она. Если лошадь уступает шенкелям, то я могу с первого шага воспрепятствовать ей бочить — это очень важно. Ничего не может быть хуже этой привычки лошади, а приобретение привычки легче предупредить, чем впоследствии ее исправлять. Легче сразу поставить лошадь на верный галоп по прямой, чем потом, когда лошадь привыкла заносить в сторону бедра, выправлять ее. Большая часть новичков-берейторов, поднимая лошадь в галоп, ставят ее слишком боком. Положим, берейтор идет направо и хочет поднять галопом с правой ноги. Чем более ему не удастся подъем, тем более подает он руки влево, так что лошадь наконец становится плечами наружу. Если лошадь не умеет принимать галопом, а нужно ее еще утверждать на галоп по прямой, то, поставив ее в сказанное положение, нельзя развить посылы, а следовательно, невозможно и поднять в галоп. Когда нужно поднять лошадь в галоп справа, надо руки поднять влево настолько, чтобы, задержав левое плечо, освободить правое. Если лошадь стала боком, отнюдь не следует продолжать поднимать ее, но надо ее выправить и начинать снова поднимать наружу по прямой. Недостаточно верно поднять лошадь, надо ее верно и повести.

Когда лошадь идет галопом на наружной ноге, то очень часто, поднимая ее или поддерживая на ходу, слишком сильно ставят ее плечами наружу, — отчего она, конечно, бочит, — то есть ставят ее в такое положение, в котором она должна быть при движении в два следа. Если долго упражнять лошадь в таком неправильном положении, то, когда придется идти галопом в два следа, она не будет в состоянии исполнить это. Основанием галопа должен быть галоп по прямой.

Корпус на галопе всадник должен держать прямо. Если всадник гнется, то его бросает вперед. Если он отваливается назад, то поясница его будет выгибаться и сидеть он будет натянуто.

Лошадь идет галопом справа и слева.

На галопе справа ноги правой стороны лошади идут впереди и первые становятся на землю. При галопе слева лошадь ступает наоборот. Поднимая лошадь в галоп в первый раз, надо поднимать ее в галоп с правой ноги. При выезде принято всякое новое движение начинать направо. В поле, на охоте лошадь ведут большей частью галопом справа, особенно амазонки, — лучше поэтому начинать его правой ногой и в манеже.

Желая поднять лошадь в галоп, надо ее сначала поставить. Положим, нужно поднять лошадь с правой ноги. Оживив шенкеля, обе руки надо подать немного влево, отчего правые поводья станут немного туже левых; левое плечо задержится, но голова останется и должна оставаться прямо, и только конец храпа едва стоит вправо. Какому бы аллюру ни учил я лошадь, я начинаю всегда трензелями. Лошадь поставлена, но надо ее оживить. Для этого туже беру шенкеля, чем подвожу зад под центр тяжести, и еще сильнее налегаю левым шенкелем (левый шенкель будет закинут немного более назад по сравнению с положением правого). Левым шенкелем всадник как бы бросает массу на свой правый шенкель, этот шенкель отдает ее ему на руку. Приемистая лошадь от шенкелей тотчас пойдет на повод. В этот момент, пользуясь данным шенкелями посылом, я натягиваю поднятыми кистями рук поводья, чем и поднимаю лошадь в галоп, не допустив ее растянуться и пойти рысью.

Вялую лошадь нужно жать шенкелями дольше, а в случае нужды надо обратиться к шпоре.

Лошади, поставленной в описанное положение, не подняться в галоп справа трудно, но если она пойдет рысью или поднимется в галоп слева, то ее следует мгновенно остановить, снова поставить и проделывать все приемы до тех пор, пока она не поднимется верно. Если лошадь, поднявшись в галоп, положим, справа, закрестила, то есть передом пошла с правой ноги, а задом с левой, значит, ошибся зад, нужно пустить в ход левый шенкель. Новичок-берейтор может не дать себе отчета в ошибке лошади, почему советую ему, чтобы удостовериться, нагнуться и посмотреть на перед (*от издателя*: достаточно сесть глубже в седло, чтобы почувствовать неправильность движения зада), затем дать себе отчет шлюссом. Если он чувствует, что его смещают с одной стороны в другую, и при этом ощущает двойной протяжный толчок, то, значит, лошадь крестит задом. Если он уверился безошибочно в том, что крестит зад, он должен подогнать его немного вправо, для чего дать шпору, а чтобы зад опять не отошел влево — придерживать его левым шенкелем. Ничего не может быть хуже, как, не понимая, в чем дело, исправлять несуществующую ошибку. Когда лошадь сделала верно галопом два-три маха, я ласкаю ее, отпускаю поводья и даю ей пройти свободно по манежу, чтобы сильнее врезалось в память. Затем повторяю три или четыре раза ту же репризу.

Боше, по непонятному для меня заблуждению, советует применять боковое воздействие при подъеме в галоп. На странице 219 издания 1846 года он предлагает: для подъема в галоп справа поставить руки влево, то есть натянуть правый повод и дать правый же шенкель. Только ошибочной постановкой приема сгибания шеи, принятой Боше, я и могу себе объяснить эту несообразность. На самом деле спущенная и согнутая в холке по методу Боше шея и без того выгибает наружу левое плечо, а если при этом дать еще и левый шенкель, то лошадь должна будет еще более согнуться в ребрах, то есть встать кольцом, головой к хвосту. В данном случае правый шенкель, очевидно, восстанавливает до некоторой степени равновесие, нарушенное нелепым сгибанием шеи.

Как согласить этот прием с основным правилом того же Боше, что на круговых движениях галопом надо усиливать наружный шенкель, то есть шенкель, обратный направлению кругового движения (издание 1846 г., с. 189)? При применении этого правила окажется, что для того, чтобы поднять в галоп справа, надо нажать правый шенкель, а чтобы направлять лошадь на том же галопе по кругу направо, надо нажимать ее левым шенкелем, то есть наружным.

Что за противоречие! Ведь всякий знает, что в данном случае под нажатием левого шенкеля лошадь по кругу не пойдет, а переменит ногу.

Поднимать лошадь в галоп слева надо теми же приемами, как и поднимать ее справа, но только в обратном варианте.

До того времени, пока лошадь тотчас по указанию не поднимается и не держится верно и свободно на галопе справа, я не приступаю с ней к галопу слева. Сколько дней для этого требуется, сказать нельзя, так как иная лошадь трудно приступает к галопу с правой ноги и справляется с ним, а на галопе слева она может оказаться приемистой и ловкой. Между лошадьми, как и между людьми, бывают правши и левши. Думаю, что правшами лошади рождаются, так как житейская практика делала бы непременно всех лошадей левшами. Действительно: в поводу лошадь ведут слева, седлают и мундштучат ее слева, корм задают ей слева. Наконец, и сама лошадь, которая вообще очень любопытна, оглядываясь кругом, всегда поворачивает голову влево.

Узнать, какая сторона лошади более развита, можно только во время выездки, а по складу ее определить этого нельзя. Я встречал столько же лошадей, более развитых направо, как и налево. Арабские лошади все левши и никогда не поворачивают направо, но в этом случае тут дело исключительно привычки. Если вы очутитесь с правой стороны араба, он вас не может достать, а чтобы подъехать к вам, он должен сдать налево назад. Очевидно, что лошадь-левшу нужно работать сгибаниями, боковыми движениями, на вольтах, галопом и вообще во всех упражнениях больше на правую сторону и поступать обратно, если лошадь — правша.

Когда лошадь поднимается в галоп и с правой и с левой ноги, на первых порах я упражняю ее только по прямой. На каждой новой репризе я все более и более требую, чтобы лошадь

одинаково легко и верно поднималась в галоп с каждой ноги и одинаково верно на каждой же ноге держалась бы по прямой, а когда этого достигну, то ставлю ее и в по-вод. Конечно, если предшествующими упражнениями на других аллюрах у лошади рот не развит и остался грубым и нечувствительным, то на галопе она повода не возьмет.

Думаю, что определить воздействие шенкелей и поводьев при подъеме лошади в галоп можно вернее всего следующим образом: рука мягко сдерживает лошадь, а шенкеля энергично гонят ее вперед, то есть рука ведет в шаг, а шенкеля посылают в галоп. Лошадь находится между двумя противоположными воздействиями, но так как посыл перевешивает задержку, то лошадь должна подняться вверх и пойти в галоп. Лошадь идет галопом правильно тогда, когда она без усилий, легко и медленно подается вперед, а главное, не старается отделаться от повода. Почти все авторы советуют, когда лошадь затахнет на галопе, остановить ее и осадить, но, по-моему, это совершенно неосновательно. Лошадь затагивают тогда, когда ее скакательные суставы отстают; осаживая, вы их подадите еще более назад, то есть делаете обратное тому, чего желаете. Я же применяю и советую следующие приемы: сначала остановить ее в сильных шенкелях, затем, принимая и сдавая шенкелями и поводьями (*prendre et reprendre*), отрабатывать повод, потом подать вперед и на ходу вперед ставить ее в повод, то есть, сильно собрав, подогнать задние конечности под центр тяжести. По мере подвода зада под лошадь перед будет становиться легче. Хорошо в таком случае на задугу повернуть несколько раз лошадь в полуоборот на обе стороны, но это можно делать только в таком случае, если у ездока чувство лошади развито настолько, что он может бедра лошади держать под центром и всю лошадь в поводе.

Всадник может убедиться в том, идет ли лошадь с правой ноги галопом, по следующим признакам: во-первых, на галопе справа правое плечо, а особенно передняя нога лошади будут впереди левых плеча и ноги. Всадник это может увидеть, наклонившись вперед (*от издателя*: достаточно вскинуть глазом на плечи, отнюдь не наклоня корпуса). Во-вторых, лошадь всегда немного несет зад в сторону галопа. Наконец, на галопе справа правая нога всадника всегда более двигается вперед и назад, чем левая, почему и труднее держать плотно правое колено. Наибольшее напряжение посылы на галопе справа получается в момент раздачи правого скакательного сустава, от толчка которого сдвигается вперед находящееся под ним правое колено. Напряжение левого скакательного сустава, более удаленного от левого колена всадника, очевидно, действует на него слабее.

Проследив несколько раз за движениями лошади и самого себя на галопе, можно с закрытыми глазами безошибочно узнать, на какой ноге она идет. Прежде чем идти далее, остановимся на исследовании темпов, на которые галоп разлагается (необходимо для изучения перемены ноги).

Лошадь, выездженная для манежной езды, прогулки и полевой езды, должна ходить галопом в три совершенно раздельных в каждом махе темпа. (Растяжной и скаковой галоп идут в четыре темпа. В четыре же темпа идет и собранный галоп.) Рассмотрим галоп справа.

Первый темп — упор на левую заднюю ногу.

Второй темп — левая диагональ, то есть правая задняя и левая передняя ноги одновременно становятся на землю.

Третий темп — правая передняя нога становится на землю.

Рассмотрим, какие указания шенкелей и поводьев должны производить воздействие во время целого взмаха.

Первый темп. Плотно держать левый шенкель. В этот, и только в один этот момент вся лошадь держится на одной задней ноге.

Второй темп. Левая диагональ. Оба шенкеля равномерно подают лошадь на повод.

Третий темп. Правая передняя нога лошади опустилась. Всадник мягко принимает лошадь на повод, во-первых, для того, чтобы поддержать ее, во-вторых, чтобы закончить постановку ее в повод, начало чему дано шенкелями на втором темпе.

Объясним воздействие каждого помощника в каждом из трех темпов маха.

Первый темп — плотно держать левый шенкель. Лошадь хотя и не высоко поднялась и стоит в наклонном положении вперед, но тем не менее всей своей тяжестью держится на одной левой

задней ноге, то есть вес лошади и всадника целиком сдан на эту ногу. Очевидно, что с этой стороны надо поддержать, иначе под двойной тяжестью зад не выдержит и подастся влево.

Второй темп — оба шенкеля подают лошадь на повод. Это единственный момент на галопе, когда лошадь опирается на две ноги. Сейчас последует посыл, и шенкеля, пользуясь этим, должны подать лошадь на повод, который будет взят ею совершенно в следующий темп.

Третий темп — всадник принимает лошадь на повод.

Во втором темпе правый скакательный сустав, подведенный шенкелями под центр тяжести, дал полный посыл; рука приняла этот посыл, и лошадь собралась.

На третьем темпе лошадь упирается на одну правую переднюю ногу. На этом темпе лошадь и делает большей частью ошибки, а иной раз без поддержки может и упасть. Рука является поддержкой.

Я указал только на ясно определенное воздействие шенкелей и поводьев, но, конечно, каждый из них должен находиться в полной гармонии и взаимодействии один с другим. При исследовании маха галопа по темпам может показаться, да многие авторы так и утверждают, что на галопе справа из всех ног лошади устает больше всего левая задняя. Я думаю, что такое мнение ошибочно. Под центр тяжести подходит, то есть подпирает всю массу и сообщает ей мах, правый скакательный сустав. Левый скакательный сустав представляет в этот момент конец рычага и стоит за центром тяжести назад, почему для новой раздачи находится в менее удобном положении, чем правый, уже сократившийся для раздачи. Так как правый скакательный сустав для этой цели стоит в лучших условиях, то он и развивает большее напряжение для полного разжатия своих разгибающих сухожилий, отчего, конечно, и утомляется больше.

Присмотревшись, можно заметить, что правый скакательный сустав и правая бабка гнутся больше, чем левые, и что разжатие их идет снизу вверх. У лошадей, ходящих под дамами, то есть тех, которые идут всегда галопом справа (при галопе слева расстраивается посадка, почему дамы и не любят галопа слева), правый скакательный сустав разрушается скорее.

Лошадь с курбой или шпатом на правом скакательном суставе на галопе справа скоро разлаживается и не поспевает задом, так как требуемое усилие причиняет ей боль. Поставьте ту же лошадь на левую ногу, и она не будет крестить, а будет идти верно.

Итак, на галопе справа работает более правый скакательный сустав, а на галопе слева — левый.

На галопе всадник должен вести лошадь в шенкелях довольно туго; шенкеля оживляют работу скакательного сустава, подходящего под центр тяжести, посылают лошадь вперед и не дают ей задерживаться на втором темпе дольше, чем на первом и третьем. Без шенкелей второй темп был бы продолжительнее и тупее других.

Комментарий специалиста

Филлис начинает работу на галопе, когда лошадь при предварительной подготовке уже приобрела не только гибкость и упругость, но и достаточно развила мускулатуру для того, чтобы нести всадника на пояснице. Галоп считается наиболее неустойчивым аллюром, поэтому, принимая массу тела лошади и всадника на одну конечность, можно создать проблемы в плечевом поясе, а не только в пояснице. Важной считается и обязательная предварительная разминка лошади перед работой на галопе.

Рассматривая подъем в галоп, следует обратить внимание на постановление головы лошади и правильное положение рук всадника. Смещение повода, а не подъем его, обеспечит правильную команду и адекватную реакцию. Перенос шенкеля за подпругу и активная работа обеспечит посыл вперед. Если вам не удастся добиться четкого выполнения подъема с нужной ноги по прямой, начните эту работу с поворота или из угла манежа. Лошадь очень хорошо чувствует неустойчивость своего положения в повороте, и при правильном выполнении всех элементов посылы вы добьетесь нужного результата. Когда в повороте достигнут успех, переносите упражнение на прямую или диагональ манежа.

При движении галопом всадник должен не раскачивать корпус и стараться как можно меньше отрываться от седла, держась на лошади при помощи шлюсса, а не шенкеля, как это часто делают начинающие всадники.

Лошади могут быть левшами или правшами. В природе среди животных встречается равное количество представителей, у которых преобладает двигательная функция в этих направлениях. В процессе селекции человек неосознанно сместил это природное равновесие. Правша или левша ваша лошадь, можно определить по поведению в деннике, когда лошадь копает грунт или просит у вас лакомство, делая характерное движение передней конечностью.

Глава XIX

ВОЛЬТЫ И ПОЛУВОЛЬТЫ НА ГАЛОПЕ

Когда лошадь свободно идет на галопе, я начинаю описывать большие круги, то есть вольты, так как по большому кругу ее вести легче, чем по малому. Редкая лошадь, идя галопом по кругу, не откидывает зад из круга или в круг. В первом случае справиться с ней легче, чем во втором.

Положим, лошадь идет с правой ноги и нужно идти по кругу направо: беру в оба шенкеля, обе руки ставлю вправо и вперед (вправо — чтобы отвести лошадь от барьера; вперед — чтобы не задерживать мах); правым трензельным поводом натягиваю вправо, а левым, который налегает на шею, направляю плечи вправо на круг. Я уже говорил, что всякую новую работу я начинаю трензелем. Трензель — это орудие направления; мундштук — орудие для взятия на повод. По мере того, как лошадь поддается указанию трензеля, мундштук предъясняется все более и более для того, чтобы достигнуть полной сдачи лошадию повода. Во все время езды идет совместное воздействие мундштука и трензеля. Левый трензельный повод, кроме того, помогает левому шенкелю вести лошадь прямо и удерживать ее бедра. Если лошадь закинула зад влево, то обоими шенкелями сильнее посылаю ее вперед, но левый шенкель нажимаю туже. При этом выходит, что левый шенкель удерживает лошадь на правой задней ноге, а правый посылает всю лошадь вперед, поддерживает ее зад от круга и ведет его по линии плеч.

Выше я говорил, что, когда лошадь идет галопом справа, то легче с нею справиться, чем когда она начинает заносить зад влево, то есть из круга. В этом случае лошадь валится на левый шенкель, и я могу смело дать ей шпору. Шпора не только поставит ее зад вправо, но и поддержит лошадь на правой ноге. Когда лошадь закидывает зад в круг, мне приходится нажимать правый шенкель и в случае нужды даже прибегать к шпоре, но этим я рискую расстроить галоп. Лошадь может закрестить задом. Когда лошадь заносит зад в круг, она вместе с тем ставит себя и за повод, чем еще больше осложняется дело. Если на первых порах водить лошадь галопом по большому кругу, то все, сказанное выше, случается довольно редко. По мере успехов лошади надо постепенно уменьшать круги, но и на малых все-таки надо вести ее верно, то есть по прямой.

Когда лошадь утвердилась на вольтах, я немедленно начинаю с нею полувольты (*от издателя:* по-строевому направо и налево назад). Полувольт на галопе — такое трудное манежное упражнение, что его безупречное исполнение мне приходилось видеть очень редко. Если полувольт выполнен неотчетливо, то он ничего не стоит. Лошадь, держась на галопе верно и в поводе, должна отойти от барьера, как на вольте, сделать три маха по полукругу и подходить к стене, идя галопом, но уже в два следа.

Чтобы повести лошадь на галопе справа в два следа, надо мягким правым трензельным поводом ее голову и шею поставить вправо; левым трензельным поводом, налегая на шею слева вправо, направлять ее плечи вправо; левым шенкелем посылать зад вправо, а правым поддерживать лошадь в поводе и подавать ее вперед, так как, имея постановление, она должна тем не менее подвигаться вперед. Подойдя к стене, которая окажется справа, надо остановить лошадь, поставить ее верно по стене, на шагу взять на повод и поднять в галоп слева, на этой ноге проделать опять полувольт, но налево. При правильном исполнении к стене надо подходить плечами.

Когда лошадь хорошо исполняет полувольт, я, подойдя к стене, иду еще несколько махов уже по стене, не меняя ноги, то есть начав полувольт справа (стена у меня слева), делаю его направо и, подойдя к стене, продолжаю еще три маха галопом на той же ноге (контргалоп). По мере того, как лошадь становится все легче и приемистее, я постепенно увеличиваю число махов контргалопа. Это самый простой способ приучить лошадь на галопе справа идти налево, и наоборот. Упражнение это необходимо как подготовка лошади к перемене ноги. Когда лошадь в состоянии отчетливо обойти контргалопом кругом манежа, надо, держась по барьеру, часто поднимать ее в галоп, попеременно то с правой, то с левой ноги.

Комментарий специалиста

Если вы начали работу лошади на галопе, используя угол манежа, и позднее перешли к работе на прямой, вы уже имеете определенный опыт в ведении лошади на начальном этапе вольты. Поддерживая положение ног и смещая центр тяжести в нужном направлении, вы начинаете движение по кругу; мягко отзывая поводом лошадь внутрь круга, постепенно уменьшаете радиус. Выполняя это упражнение, не следует спешить. Резкий переход к малому радиусу валит лошадь в центр круга и годен только в случае, если ваша лошадь уносилива и вы стараетесь остановить ее. При некорректной работе на вольте вы дадите огромную нагрузку на мышцы плечевого пояса; чем меньше радиус — тем больше вероятность плечевой хромоты после работы.

Глава XX ПЕРЕМЕНА НОГИ

Когда лошадь стойко и верно идет галопом справа и слева, настает время приучать ее переходить на ходу из галопа с одной ноги на галоп с другой, то есть менять ногу. Перемена ноги относится к обыкновенной езде, так как к этому приему приходится прибегать и на прогулке, и на охоте.

Возьмем для примера, что вы идете галопом с левой ноги. Вдруг неожиданно представляется необходимость повернуть направо не задерживая хода.

Если этот поворот сделать на том же галопе слева, то можно уронить лошадь, так как ее левая передняя нога, заносясь через правую, может за нее зацепиться.

Лошадь упала, но виновата не она, а всадник, хотя обыкновенно достается лошади. Чтобы этого не случилось, надо еще до поворота перевести лошадь на галоп справа. Тогда лошадь, будучи поставлена вправо, занесет вперед правую переднюю ногу и поворот сделает легко и благополучно. Может случиться, что лошадь не упадет, но это только «может» случиться. В рассматриваемом случае лошадь падает оттого, что ей неожиданно приходится становиться из положения, в котором она идет галопом слева, в положение галопа справа. При высшей езде такой поворот не представляет ничего трудного, надо только, увеличив радиус поворота, оттенить галоп, подведя сильнее зад правым шенкелем. Легче, впрочем, прямо переменить ногу. Относительно перемены направления на галопе я предлагаю три совета: 1) возможно больше расширить круг поворота; 2) на повороте всегда замедлять мах; 3) если всадник не уверен, что лошадь переменит ногу, а это тем труднее, чем живее темп, то лучше перевести лошадь в рысь, на рыси повернуть и затем поднять опять галопом.

Раньше, чем начать приучать лошадь менять ногу, надо ее тщательно подготовить, а подготовку эту надо вести очень внимательно. Заранее указать, особенно в книге, в какой период выездки можно считать лошадь подготовленной, невозможно. Вообще, приступать к перемене ноги можно только тогда, когда лошадь на всех аллюрах исполняет все предшествовавшие упражнения смело, ловко, отчетливо, когда она уравновешена, послушна и внимательна к шенкелю и держит повод.

Итак, пока мы довели лошадь до возможности смело подниматься и идти галопом на внутренней и наружной ногах. Приступим к изложению перемены ноги. Напоминаю: каждое новое упражнение я начинаю в конце урока.

Иду вправо. Поднимаю лошадь в галоп с правой ноги. Пройдя несколько махов, останавливаю и, не меняя направления, поднимаю ее в галоп с левой. Все время твердо держу лошадь по прямой. В продолжение репризы часто поднимаю то на одну, то на другую ногу и продолжаю репризу до тех пор, пока лошадь, держась все время в поводу, при малейшем указании шенкеля не начнет подниматься верно и смело, не будет торопиться и бочить. Чтобы быть уверенным в том, что лошадь не бочит, надо, хотя это и трудно, но необходимо, проделывать с ней подъемы в галоп не около барьера, а на расстоянии от него по крайней мере одного метра. Не так трудно поднять в галоп, как вести лошадь более или менее далеко от барьера. Лошадь не будет надеяться на барьер. Всаднику нельзя будет ослабить внимание, а сосредоточивать его на том, чтобы твердо и верно вести лошадь по прямой. Когда лошадь не бочит, поднимаясь в галоп, то надо приучать ее переменять ногу, сначала идя по барьеру. До тех пор, пока лошадь не утвердилась в перемене ноги, идя по барьеру, не следует менять ногу вдали от него. Лошадь должна, лишь только она поставлена, при малейшем прикосновении шенкеля подниматься в галоп на ту или на другую ногу. Чтобы вызвать лошадь на какое-нибудь движение, надо сначала поставить ее и затем пустить (оживить). Ставить шенкелями и поводьями, пускать шенкелями.

Когда лошадь выполняет все сказанное, я приступаю к перемене ноги.

Иду галопом справа до тех пор, пока лошадь совершенно обойдется, мягко перевожу ее в шаг, веду шагом две-три минуты, поднимаю в галоп с левой ноги и иду опять до тех пор, пока она обойдется на этой ноге, и опять перевожу в шаг на несколько минут. Повторяю репризы столько раз, сколько по делу окажется нужным. Таким образом я проделываю каждый раз и на каждую ногу отдельные подъемы. Мало-помалу сокращаю промежутки шагом, дохожу до пяти, четырех, трех, двух шагов и наконец до одного. Этими упражнениями лошадь последовательно доходит до возможности менять ногу с места, то есть в момент остановки галопа. Но настоящую перемену ноги лошадь должна делать на полном ходу, без заминки и не задерживая хода галопа. Когда лошадь достигла такого развития на галопе, она готова для настоящей, в полном смысле, перемены ноги, она не удивится и требование всадника поймет. Лошадь идет направо. Поднимаю ее в галоп с левой ноги, то есть с наружной. Натягиваю сильнее левый повод и нажимаю сильнее правый шенкель, конечно не распуская помощников правой диагонали. Подойдя к углу, меняю левый повод на правый, меняю плавно, но очень быстро, без тени толчка и в их полной гармонии между собой. Быстроте перемены помощников в данном случае способствует то, что во все время до момента этой перемены я даю чувствовать лошади правый повод и левый шенкель в такой степени, чтобы в самый момент перемены мне пришлось бы только лишь мягко усилить их воздействие. Если правая диагональ помощников заранее подготовлена, то замена ее левой пройдет без толчка и не неожиданно для лошади. Редко случается, чтобы даже на первом приеме перемены ноги лошадь отказала, если она заранее приучена легко подниматься справа под воздействием правого повода и левого шенкеля. Кроме того, делать ей эту первую перемену ноги приходится в углу, поворачивая вправо, то есть при наиболее удобном для нее для этого положении. Если тем не менее лошадь ногу не переменяла, то надо остановить ее, повести шагом, на шагу взять повод, дожидаться, когда она успокоится, опять поднять в галоп слева и проделать снова все сказанное. В этом случае поднимать лошадь строго не следует, потому что, во-первых, лошадь может закинуть зад вправо, а во-вторых, можно так запугать ее, что, не понимая, в чем дело, она станет бояться самого приема перемены ноги и будет стараться всячески от нее отделяться.

Когда лошадь и при дальнейших попытках не меняет ногу, то, значит, она или еще недостаточно подготовлена, время еще не пришло, или воздействие повода и шенкеля последовало не тонко, без подготовки, неожиданно. Если лошадь не понимает требования, то от недоумения она бросится в сторону. Но опять повторяю, что при хорошей подготовке ничего подобного с лошадью не должно случиться. При всяком затруднении надо возвратиться к первоначальной подготовке, то есть к подъемам в галоп. Случается, что вследствие частого подъема в галоп, лишь только всадник переводит в шаг лошадь для подъема на другую ногу, держа подготовленными повод и шенкель, она, ощущая эту подготовку, поднимется сама.

Никогда со мной не случалось, чтобы, когда я хорошо приготовил помощники, лошадь не переменяла ногу.

Каковы бы и сколько бы ни было затруднений, но в конце концов за репризу лошади придется переменить ногу. Тотчас надо ее погладить, слезть с нее и отправить в конюшню.

Следующий урок начать тем же порядком и продолжать приемы до тех пор, пока лошадь не переменит легко левую ногу на правую. Затем, переменив руку, проделывать то же для перемены правой ноги на левую.

Не следует менять ногу на одном и том же месте манежа. Лошадь может заметить и, подходя к этому месту, станет менять ногу сама. Раз лошадь возьмет эту привычку, то трудно будет заставлять ее менять ногу по желанию всадника. (Ей удалось восторжествовать над волей всадника.) Не раз уже я говорил, как легко лошадь приобретает разные привычки. Во все время выездки надо постоянно следить за тем, чтобы не давать ей возможности остановиться на каком-нибудь обстоятельстве как на точке опоры для привычки. Никогда не следует требовать от нее исполнения одного и того же упражнения в одном и том же месте и в той же последовательности. Большинство берейторов держатся обыкновенно обратного. Правда, что выездка становится легче, но это только так кажется, так как в этом случае лошадь подчиняется не воле ездока, а исполняет упражнение по сноровке, привыкнув к месту и последовательности в нем. Лошадь выдрессирована, но не выезжена.

Когда лошадь легко меняет ноги в углах, я приступаю к перемене ноги на прямой.

Перемены ноги нельзя делать во время любого из трех темпов маха, а надо ловить тот из них, на котором лошадь может сделать ее легче. Мы рассмотрели три темпа галопа, на каждом из которых лошадь оставляет след на земле, но существует еще четвертый, незаметный, так как он отбивается лошадию на воздухе. Происходит он в момент, когда правая передняя нога поднимается от земли, а левая задняя нога еще на землю не стала, то есть между третьим темпом маха и первым темпом следующего. Лошадь висит в воздухе, и в это-то мгновение она и может переменить ногу. Ногу лошадь переменит в это мгновение, но подготовить ударом шпоры саму перемену надо на втором темпе, когда диагональ стоит на земле. Боше не дает на этот предмет никакого указания. Большинство берейторов делают перемену ноги в момент упора, отчего происходит остановка, хотя и мгновенная, но которая тем не менее прерывает темп, а следовательно, и ровность галопа. Перемена ноги по моей методе дает возможность сохранить на галопе всю силу посылы и в момент самой перемены держать его в полном размере и прибавлять или уменьшать мах. Перемена ноги на четвертом темпе дает возможность перемену ноги обратить в самостоятельный аллюр. На этом аллюре я располагаю посылом в такой степени, что без ложной скромности готов с кем угодно держать пари на скорость.

(От издателей. Далее на с. 212 своей книги Филлис приводит письмо, адресованное им издателю газеты «Жиль-Блаз», в котором он по поводу полемики, возникшей между ним и бароном Дево по этому предмету, предлагает кому угодно вызов на состязание на этом аллюре. Выигравшим должен считаться тот, чья лошадь на этом состязании будет держаться вернее по прямой. Филлис просит барона Дево, который знаком с большинством известных и ценимых публикой наездников, уговорить какого-нибудь из них принять вызов. Заклад в десять тысяч франков должен поступить в пользу бедных. Письмо это редакция «Жиль-Блаз» отказалась напечатать, но оно появилось в газете «Echo de Paris». Вызова никто не принял.) Шпора усилит энергию раздачи правого скакательного сустава, от которой левое плечо так же энергичнее вынесется вперед. Вынесется левое плечо как раз в тот момент, когда лошадь находится в воздухе, то есть на четвертом, неуловимом темпе. Очевидно, левое плечо опередит правое. Левый скакательный сустав, который на третьем темпе стоит на воздухе, тоже уйдет вперед от правого, так как этот последний в описываемый момент должен под ударом шпоры увеличить усилие для раздачи, а следовательно, и задержаться. В данном случае третий темп потерял большую долю энергии своего посылы потому, что правый скакательный сустав под ударом шпоры должен был дать усиленный посыл, но этот усиленный посыл пропал даром для правой передней ноги, которая в этот момент была на весу, следовательно, не имела упора, весь посыл пошел на перемену ноги.

Очевидно, на долю третьего темпа энергии посылы осталось столько, чтобы только удержать лошадь в равновесии.

Теперь должно стать понятным выражение: перемена ноги в воздухе.

Все сказанное, но в обратном смысле относится к перемене ноги с правой на левую.

В этой главе мы разобрали перемену ноги настолько, насколько она применима в обыкновенной езде.

Комментарий специалиста

Работу по перемене ноги на галопе очень хорошо начинать через шаг, сокращая количество шагов до минимума, это помогает и всаднику отчетливо проводить воздействие руки, шенкеля и шлюсса. Проще начинать делать это упражнение на диагонали манежа, постоянно меняя направление движения. Когда количество шагов сведено до одного, остается поймать тот темп перехода галопа в шаг, когда лошадь как бы почти остановилась, и правильно переложить ее с одной ноги на другую. В результате вы получите менку ноги в воздухе, то, к чему мы и стремились. Следующим этапом полезно поработать менку на больших вольтах, сначала через шаг перейти в вольт, в противоположное направление. В результате вы получите ровную восьмерку с менкой ноги в точке соединения двух вольтов. Если по какой-либо причине поменять ногу на вольте вам не удалось, вы продолжаете движение на вольте до завершения очередного круга и снова повторяете менку ноги. Кроме этого, вы, во избежание закрепления рефлекса на менку ноги в этой точке, можете предложить лошади работу на контр галопе и одновременно отточить работу ноги и правильную реакцию на средства управления у лошади.

Глава XXI ПОЛЕВАЯ ЛОШАДЬ

Не берусь определить типа этой лошади, «hack», как называют ее англичане. У каждого свой вкус, и каждый выбирает себе лошадь по своему темпераменту, привычкам, манере ездить, а главное, по своему умению ездить. Тем не менее полевая лошадь должна обладать некоторыми врожденными достоинствами, отсутствие которых не восполнит ни выездка, ни выдержка. Условие — верность ноги на аллюрах. Ногу лошадь должна выносить смело из плеча и плотно ставить на землю.

Иная лошадь ставит ногу сначала на зацеп, то есть тянет ее по земле. При какой-либо неровности пути такая лошадь спотыкается, может упасть и наделать беды. Лошадь должна быть смела, то есть не пуглива. Никакая выездка не может сделать верной на ходу спотыкливую лошадь и превратить пугливую в смелую. Пугливая лошадь бросается в стороны, закидывается назад. Если такую лошадь вести постоянно в шенкелях, быть постоянно занятым ею, то ехать на ней кое-как и до некоторой степени благополучно еще возможно, но стоит только ослабить внимание, и ее придется привести домой в поводу. Сидя на строптивной лошади, всаднику следует быть особенно внимательным и к себе, и к ней и при малейшем признаке беспокойства с ее стороны отвлечь ее чем-нибудь. Большинство всадников, боясь в этом случае еще более раздражить лошадь шенкелями, тянут ее за поводья, особенно за трензельные, то есть, поддерживая ее, помогают ей выкинуть какую-нибудь резкую и беспорядочную выходку. Если лошадь испугалась или заупрямилась и готовится закинуться, осадить или повернуть назад, то она начинает сначала упираться. Очевидно, тут надо сильными шенкелями посылать ее вперед и, воспользовавшись посылом, смело, но мягко взять ее на повод, а затем погнуть ее в сторону, обратную той, с которой она испугалась, и смело подать вперед. Вопреки общему предубеждению, это самый безопасный прием, так как работа повода отвлекает внимание лошади от предмета испуга и не дает ей проявить своеволие. Конечно, большая или меньшая интенсивность приемов должна соответствовать степени беспокойства лошади. Общее правило: лишь только лошадь начнет беспокоиться, тотчас поставить ее на повод, и ее беспокойство пройдет.

Езда при таких условиях из удовольствия обращается в тяжелый труд, в постоянную, неприятную о себе и о лошади заботу и может опротиветь. Но выше верности ноги и смелости в лошади я ставлю энергию, пыл, благородное желание идти вперед, то есть горячность.

Лошадь с неверным шагом сама сознает свою слабость и всегда нерешительна и неприемиста.

Лошадь несмелая всегда держится за поводом.

Лошадь горячая, ходкая уверена в своих ногах, в самой себе, а потому и не заботится о том, что перед нею или вокруг нее, но весело подается вперед.

Дороги в лошади не ее порода и склад, а внутренние качества, то есть энергия, сердце. Самый лучший локомотив, но без паров никуда не годен. Что бы ни говорили теоретики, но как для полевой езды, так и для высшей лучше всего иметь горячую лошадь.

Нельзя смешивать понятие о горячей лошади с понятием о лошади пугливой, беспорядочной в движениях, злой, уносливой.

Я признаю горячей ту лошадь, которая от избытка естественного посыла держит сама себя в равновесии, подается вперед, а потому сама просится на повод. В горячую лошадь посыл вложен самой природой и сам собой дается всаднику, а без посыла и равновесия не может быть и езды. Я уже говорил, что удобнее пользоваться готовым посылом, чем возбуждать его. Горячая лошадь по сущности своей не может держаться за поводом (камень преткновения верховой езды), но всегда идет вперед.

При движении лошади вперед всадник меньше всего перемещается в седле, почему, чтобы лошадь под ним ни делала, ему удобнее держаться на ней. Арабские лошади всегда идут высоко, так как далеко подают задние конечности под центр, а так как они, кроме того, всегда и горячи, то ехать на них легко и удобно. Многие боятся, и совершенно напрасно, горячих лошадей. Горячая лошадь всегда откровенна и ничего не делает исподтишка, а если иной раз и противится, то в силу своего темперамента, противится открыто и всегда подаваясь вперед.

Многие предпочитают лимфатичную лошадь (*т.е. пассивную, неэнергичную, без стремления идти вперед*). Лимфатичная лошадь может быть и неоткровенна и неверна на ходу. Лимфатичная лошадь никогда не отдается ездуку вполне, никогда не бывает приемиста и всегда имеет склонность, что, по-моему, хуже всего, держаться за поводом. Конюшня у такой лошади всегда на уме, и она пользуется всяким случаем, чтобы вернуться домой. (Всякая лошадь без исключения, даже и горячая, всегда торопится, возвращаясь домой. Если дать ей волю, то она, усиливая аллюр, может взять привычку, возвращаясь домой, заносить. Выехав со двора, надо с места пройти хороший конец рысью, чтобы сразу размять лошадь. Возвращаться домой надо тихим ходом и не заворачивать назад по той дороге, по которой выехали из дома. Иная лошадь может заметить дорогу и, идя по обратному пути, станет затягивать.) Для того чтобы усилить аллюр лимфатичной лошади, надо прибегать к шпоре или хлысту, а иной раз приходится пускать их в ход и очень резко. Часто в ответ на удар лошадь начинает противиться, и противится иной раз упорно. Не расходуя сил во время езды, она сохраняет их и их запас направляет на борьбу с всадником. В 1857 году в Шалоне на Соне в манеж привели для выездки двух лошадей. Одна была так вертлява и жива, что нельзя было поставить ногу в стремя, чтобы сесть на нее. В конце концов меня подняли за рейтузы и вскинули на нее. Едва я разобрал поводья, как лошадь понесла меня по манежу. Другая лошадь стояла опустив голову, как ягненок. Владелец манежа сел на нее совершенно спокойно, но усидел недолго. Лошадь принялась бить на месте и сбросила его через голову. Я же тем временем на моей горячей лошади весело разъезжал по манежу. Советую не бояться лошадей и не доверять лимфатичной. Горячая лошадь направляет силы в пользу езды, лимфатичная — во вред ему. Приемы выездки с лимфатичной лошадью приходится применять резко. Они принимают характер наказания, отчего, конечно, лошадь не может приобрести доверия к человеку. Горячая лошадь, напротив, по мере того, как сдается перед человеком, получает ласки, награды, отчего яснее отдает себе отчет в своих промахах. Бояться ей человека нечего. Доверие между человеком и лошадью устанавливается легко.

Что можно сказать про породу? На первой странице моей книги я сказал, и сказал от всего сердца: «Я выезжаю только чистокровных лошадей**». Повторяю и теперь, что для всякого рода

езды, по моему мнению, нет лошади выше чистокровной. Кто привык ездить на чистокровной лошади, тот уже не сядет на другую. Книгу эту я составлял как раз в то время, когда дебютировал на ипподроме на Жерминале и Маркире. Маркир был полукровный. Его выездку я довел до такого же совершенства, как и любой чистокровной лошади. Обстоятельство это указывали мне как самопротиворечие. Несмотря на то, что Маркир был полукровный, я купил его за прекрасные формы и за необыкновенную гибкость и силу, которые я в нем заметил и которые подкупили меня в его пользу. Во все время моей работы с ним я сомневался, в состоянии ли будет Маркир, как полукровный, выдержать требования моей выездки. К удивлению моему, разочарования я не испытал. Меня стало брать раздумье, верна ли родословная Маркира, которую я при нем получил. По свидетельству Маркир был от чистокровной Терезины и полукровного норфолкского жеребца Weighton Merry legs. Для очищения совести я написал на конный завод Du Pin моему приятелю Г. Люнобль дю Тейль, прося его проверить родословную Маркира. Велики были мои изумление и радость, когда я прочел: «Чистокровная Терезина была случена с Merry legs, но не приняла и через два месяца была опять случена с чистокровным англо-арабским жеребцом Cugas, от которого и произошел Маркир». Маркир оказался чистокровным, но страннее всего то, что дело раньше справки доказало его чистокровность.

Чистокровная лошадь обладает чувствительными рычагами и упругими связками, двигающими эти рычаги. Развитая выездкой, она приобретает связность и гибкость. Ноги на землю ставит она так легко, что шаги ее еле слышны; она не ступает на землю, а касается ее, но касается энергично и отчетливо. Сличите ее поступь с поступью других лошадей. Шаг их так тяжел и слышно его так далеко, что кажется, будто нога уходит в землю. Но надо сказать честно, что и между чистокровными лошадьми, даже знаменитого происхождения, попадаются сущие клячи, а между полукровными, иногда по виду даже совсем беспородными, попадаются лошади удивительных способностей и силы. Ничего нет ошибочнее, даже относительно резвости, как основываться на родословной. Двойная наследственность отца и матери сбивает всякие расчеты.

Как я сказал выше, в лошади главное, чтобы она была горяча, а в энергии и сердце чистокровной не может сравниться никакая лошадь.

Принято считать чистокровных лошадей лимфатичными, почему и задают мне вопрос, как я, признавая главным достоинством лошади темперамент, вместе с тем могу быть поклонником чистокровной лошади? Отвечу на это, что между чистокровными, как и между другими лошадьми, бывают и лимфатичные и горячие, но что от чистокровной, благодаря ее врожденной энергии, скорее можно ожидать проявления ходкости и посылы, если ездить на ней так, как следует, и требовать от нее того, что она по складу и по силе своей может дать.

Для скачки нужно, чтобы лошадь растягивалась, стелилась по земле, а лошадь на высоком ходу бракуется. Мне говорят, что чистокровная стелется по земле, а потому не годится; такую для езды нечего и брать. Лошадь с высоким ходом на скаковую конюшню не возьмут, такую-то лошадь и надо брать с радостью для езды. Такая-то лошадь мне и нужна, и для чего бы она ни назначалась, для полевой езды или для высшей, я добьюсь от нее энергии и темперамента.

Говорят также, но неизвестно почему, что у чистокровной лошади нет рыси. По складу своему она может идти хорошо всеми аллюрами. Весь вопрос в выездке. Мне приходилось видеть замечательных рысаков чистокровного происхождения. Выездка, то есть разумная гимнастика, не только развивает в лошади, если она, конечно, не порочна по складу, врожденные способности, но может вызвать проявление скрытых достоинств. Выездка, уравнивая лошадь, делает ее ловкой, поворотливой и легкой на ходу. Для полевой езды достаточно, чтобы лошадь шла шагом, рысью и галопом, легко поворачивала бы, осаживала и принимала в обе стороны. Лошадь должна давать на себя садиться без посторонней помощи, идти просторным шагом, размашистой рысью, темпистым галопом и прибавлять или убавлять рысь и галоп по воле ездока. Все это дает выездка. Вести лошадь на шаг нужно так, чтобы шею и голову она несла почти горизонтально и свободно. Поводьями не действовать, но держать так, чтобы они всегда были наготове. Чем свободнее вести лошадь, тем размашистее будет ее шаг. Нельзя давать лошади тропотить.

На обыкновенной рыси лошадь надо вести свободно, но в равновесии, на мягком поводу. Шею и голову лошадь должна нести высоко. Удары диагоналей должны быть равны между собой и четки. В этом и выражается ее равновесие.

На растяжной, или широкой, рыси лошадь должна выносить ноги во весь мах. Голову и шею она должна нести почти горизонтально, но тем не менее смело идти на повод. Необходимо давать ей легкую поддержку трензелем.

Галоп разделяется на три категории: собранный, растяжной и карьер.

На собранном галопе лошадь должна шею и голову нести высоко и вперед подаваться немного (сильные шенкеля, мягкий повод, принимать и сдавать).

Существует еще так называемый полевой галоп «кентер». Собственно говоря, этот галоп должен бы быть тем же собранным галопом, но если бы им умели ездить. Каждое утро в Булонском лесу можно видеть множество чистокровных лошадей, достойных лучшей участи. Едут на них этим «кентером», но как едут? Идут эти лошади в полном разладе, на прямых задних ногах, с опущенной вниз головой.

На растяжном галопе надо отпускать лошадь немного более, чем на собранном, а так как на таком галопе она сильнее подается на повод, то поддерживать ее им надо чувствительнее, следовательно, сбор должен быть слабее. Шенкелями надо энергично посылать задние конечности лошади под центр тяжести.

На карьере, или на скаковом галопе, лошадь, идя во всю, должна шею совершенно вытянуть. Следовательно, ее нужно твердо поддерживать поводом, и о сборе не может быть и речи. Шенкеля должны делать свое дело, иначе не получится полной быстроты. По воле всадника лошадь должна переходить из одного размера галопы в другой.

Лошадь должна уметь ходить галопом на обе ноги и менять их на ходу. Необходимо это для того, чтобы всадник имел возможность, не задерживая лошади, делать с нею повороты на ходу. Впрочем, умение менять ноги на самом деле является роскошью, без которой можно и обойтись. Всегда можно лошадь задержать вовремя, перевести на рысь, повернуть и ехать дальше, подняв опять в галоп.

Необходимо, чтобы лошадь слушалась шенкелей и мгновенно по указанию каждого из них подавала зад в сторону. Положим, что вам нужно посторониться от встречного или обогнать и объехать другого всадника. Перед вы направляете поводом, а зад шенкелем. Если лошадь послушается шенкеля, то она встанет боком, и вы можете или зацепить всадника, или получить удар ногой от его лошади. Раз лошадь беспрекословно поддается шенкелю и если она в поводу, то вы можете подъехать, отъехать или отстать от всадников.

Комментарий специалиста

В любой породе существуют различные представители как по складу, так и по характеру, только в одних породах какие-то встречаются чаще, в других реже. Полукровные породы в силу своей генетической неоднородности постоянно имеют потомков, уклоняющихся в тот или иной тип. Большинство современных спортивных пород получены в результате прилития крови чистокровных жеребцов к местным аборигенным, хорошо приспособленным к определенной зоне обитания. Среди их представителей есть особи, концентрирующие в себе признаки чистокровных, а также уклоняющиеся в аборигенный тип. Наследование типов высшей нервной деятельности до сих пор остается загадкой. Человек постоянно получает лошадей нервных, легко возбудимых или заторможенных и инертных, хотя в процессе селекции такие особи постоянно бракуются, их избегают использовать в разведении.

Стиль движения, или ход, лошади обусловлен анатомическим строением животного. Селекция на качество движений ведется во многих спортивных породах и является одним из важнейших критериев отбора на современном этапе работы. Благодаря всему этому многие полукровные породы добиваются высоких результатов в спорте.

Лошади чистокровной верховой породы, столь любимые Джеймсом Филлисом, уступили первенство своим полукровным собратьям.

Полевая лошадь, представленная в этой главе, на сегодняшний день очень удобна для прогулок верхом, охоты, проката, любительского спорта и для начинающего.

Глава XXII ПУГЛИВАЯ ЛОШАДЬ

Когда вид какого-нибудь предмета или звук так удивил лошадь, что она замялась, остановилась или повернула назад, ее сейчас же называют пугливой. К счастью, не все лошади пугливы, но испугаться, в зависимости от степени впечатлительности, может всякая лошадь.

Впечатлительность лошади может и должна быть ослаблена и даже притуплена выездкой. Если во время выездки не обращаться с ней жестоко, не заставлять ее грубо во чтобы то ни стало идти на испугавший ее предмет, а, напротив, ободрять и успокаивать, то лошадь привыкнет видеть во всаднике защитника, установится обоюдное доверие и она все менее и менее будет поддаваться испугу.

Надо взять за правило никогда не бить лошади, когда она чего-нибудь боится, но напротив, надо предупредить испуг, успокоить и ободрить ее.

Лошадь мало соображает, но хорошо помнит. Она запомнит, что ее побили, когда она увидела и испугалась такого-то предмета. И предмет, ее испугавший, и наказание сольются в одно, и когда она снова увидит тот же предмет, то, ожидая наказания, она не только будет пугаться, но станет бояться и постарается как-нибудь отделаться от наказания. Не все пугливые лошади пугливы в одинаковой степени и выражают испуг одинаково. Иная пугается больше с одной стороны, чем с другой. Принято говорить: лошадь пуглива справа или пуглива слева. Какерлаки большей частью пугливы.

Иногда считают лошадь пугливой, а на самом деле она только играет. Лошадь чувствует необходимость размять мускулы, расправиться. Она, как ребенок при перемене урока, резвится, сама не зная отчего. Ни ласкать, ни наказывать тут не за что, а просто надо промять ее хорошим ходом. Пройдя километра три-четыре, она утихнет. Бывают лошади, которые от природы всегда чем-нибудь, так сказать, озабочены, ко всему приглядываются, прислушиваются, от каждого пустяка делают прыжки — жмутся в сторону. Такой лошади надо задать хорошую работу, от которой она утихнет, а во время работы следует ее как можно чаще ласкать, от чего она ободрится.

Об испугах лошадей говорят бесконечно, но я еще кое-что прибавлю: некоторые лошади боятся всего, что выше их головы, то есть омнибуса, высоких перил, ворот и т. п., а на все, что ниже их головы, не обращают внимания. Точно они боятся за свою голову. Другие, наоборот, боятся тени или солнечного луча на земле, лужи, ручья, кучи камней. Иная боится всего, что у нее сзади, то есть чего она не видит, но чувствует или слышит за собой: собаки, экипажа, лошади, ребенка. И для таких лошадей советую одно и то же — ободрять их и не выходить из терпения.

Когда вы замечаете что-нибудь, чего лошадь должна испугаться, не заставляйте ее силой идти на страшный для нее предмет, но, напротив, сначала отъезжайте от него и затем, так сказать убеждая ее, подводите к нему потихоньку, не спеша. Иногда на это может потребоваться и несколько дней. Близко к предмету испуга подъезжать не надо, так как лошадь может закинуться и повернуть назад, а раз она повернула назад, то ее придется наказывать. Наказание в этом случае будет тем более неуместно, что лошадь наказана за закидку, которую ни под каким видом нельзя допустить, а не за испуг. Разобраться лошадь будет не в состоянии и станет не только пугаться, но уже и бояться. При этом опять повторяю, что никогда не следует наказывать лошадь за испуг.

Есть лошади, которые только притворяются пугливыми, а на самом деле они норовисты. Всякая лошадь привязана к конюшне и всегда охотнее возвращается домой, чем выезжает из дому. У иной лошади конюшня всегда на уме. Воспользовавшись каким-нибудь пустяком, лошадь начинает заминаться, и если всадник оплошает, то она разыгрывает испуг и поворачивает кругом. Та же самая лошадь, возвращаясь домой и идя по той же дороге, ни на что

не обращает внимания и ничего не пугается. Заметив эту уловку лошади, надо ее строго наказать и взять и вести твердо в поводу.

Когда лошадь закинулась или повернулась назад, то ставить ее на место и направлять надо поводом и шенкелем одной стороны. Положим, лошадь закинулась вправо. Чтобы поставить ее на место, надо натянуть и нажать влево правый повод и нажать правый шенкель. В данном случае натянутый правый повод, поворачивая голову лошади вправо, задерживает ее правое плечо, а нажатый в то же время правый шенкель не дает ей валиться вправо. При закидке лошади вправо корпус всадника отбрасывает влево. Для удержания равновесия он должен сильнее опираться на правую ногу. Обыкновенно большинство ездоков прибегают к левому поводу, чем еще более облегчают лошади возможность отваливать зад вправо. Лошадь, не видя, куда она валится, может или натолкнуться на что-нибудь, или куда-нибудь свалиться.

Если лошадь закидывается, то закидывается всегда в одну и ту же сторону и перед закидкой сначала поворачивает в эту сторону голову. В этот момент я советую размашисто ударить ее по носу стеком. Испытав несколько хороших и верных ударов, лошадь не только перестанет закидываться, но будет бояться одного вида стека. Я не люблю хлыста вообще. Уверенного удара из-за гибкости его, особенно по левой стороне, нанести нельзя, а в данном случае можно попасть и по глазу. Стек длиной от сорока до пятидесяти сантиметров куда лучше. В моих руках был один жеребец, норовистый и чертовски кусавшийся, неприятнее которого никогда не встречал. В продолжение первых шести недель выездки я с ним кое-как ладил. Когда пришло время ставить его в сбор, то есть трогать шпорой, он со всего размаха падал на колени, поворачивал голову и старался схватить меня зубами за ноги. Приходилось убирать ноги назад; шпорой нельзя было действовать, и кусака торжествовал надо мной. Придумал я вставить в поводья железные прутья сорока сантиметров длиной. Теперь, думал я, он меня не достанет и я с ним справлюсь. Как ни в чем не бывало, лошадь бросилась на колени, но, увидя, что достать меня не может, в бешенстве стала кусать себя за грудь. Кусай, думал я. В конце концов тебе станет больно, и ты утихнешь. Но ничуть не бывало, лошадь вырывала на себе куски мяса, и если бы ей удалось сбить меня с седла, то она несомненно растерзала бы меня. Я надел на грудь жеребца толстый кожаный нагрудник. Через несколько дней от него остались клочья. Наконец я додумался надеть на него железный намордник. Кусаться ему стало невозможно, и он начинал стонать. Я продолжал его выезжать в манеже. Много раз хозяин манежа был свидетелем моей борьбы с этим жеребцом, борьбы, которую я вел один на один; работаю я всегда один, без помощников; у меня даже нет настоящего конюха для моих лошадей. Это можно проверить в конюшнях Latuy' Rucent, Quarteron и de l'Etoile, где стояли мои лошади.

Комментарий специалиста

Часто причиной пугливости лошади является нарушение зрения. Близорукость, подслеповатость вызывает у лошади естественное желание избежать непонятного предмета. Бельмо, коринка, кератит, некоторые паразиты вызывают слепоту, ослабляют зрение лошади, часто это объясняет пугливость лошади с одной стороны. В таких ситуациях вам необходимо обратиться за квалифицированной помощью. Но и в этом случае вы можете строить свои взаимоотношения на доверии. Известны прецеденты, когда совершенно слепые лошади работали под всадниками не только в манеже, но и в полевых условиях.

Некоторые лошади в силу энергичности темперамента бурно реагируют на непривычные предметы, фыркают, храпят, сторонятся. Часто такие представители встречаются в породах, несущих в себе кровь арабских чистокровных лошадей.

Если пойти на уступки в работе с такими лошадьми, вы рискуете приобрести вредную привычку идти на поводу у лошади, но поступать жестко не следует. Необходимо настойчиво и спокойно добиваться своего, отвлекать от раздражающего объекта работой, как капризного ребенка, обманывая и постепенно подводя к пугающему объекту. После правильной реакции на предмет огладить и поблагодарить.

Глава XXIII

ЛОШАДЬ КИДАЕТ ГОЛОВОЙ ВВЕРХ

Редко кому не приходилось иметь дело с лошадьми, которые, быстро бросив голову вниз, со всего размаху закидывают ее вверх или только закидывают, не опуская ее сначала вниз. И та и другая привычки одинаково неприятны и могут быть опасны. Если лошадь кидает голову с размаху снизу вверх, то надо держать трензельные поводья в правой руке, а мундштучные в левой наготове, не натягивая их. Лишь только лошадь поведет головой, чтобы кинуть ее вниз, надо тотчас предупредить ее трензелем. Лошадь мгновенно кинет голову вверх; в этот момент следует подхватить ее шенкелями и подать вперед. Лошадь, подавшись вперед и бросив в то же время голову вверх, сама натянет мундштучные поводья и попадет на мундштук. Трензель не дает ей бросить голову вниз, а толчком мундштука она, вскинув голову вверх, наказывает сама себя.

Во втором случае надо ловить момент, когда лошадь вскидывает голову, и, толкнув ее вперед шенкелями, принять на мундштук так же, как в первом случае.

В первом случае три приема — трензель, шенкель и мундштук, — а во втором два — шенкель и мундштук — должны следовать один за другим так быстро, чтобы почти слиться в один. Шенкеля должны делать свое дело раньше мундштука, иначе лошадь или поднимется на дыбы, или осадит от передачи тяжести назад.

Комментарий специалиста

Как правило, проблемы с закидыванием головы возникают в ситуациях, когда всадник сидит с распущенным поводом или позволяет лошади, вытягивая шею, выдергивать повод из своих рук. Чтобы избежать этого, внимательней работайте рукой. Лошадь, занятая отжевыванием трензеля, не станет этого делать, поэтому постоянная мягкая и настойчивая работа рукой является гарантией того, что лошадь не станет тянуть голову вниз или дергать ею вверх. Ей просто некогда это будет делать.

Глава XXIV

УНОСЛИВАЯ ЛОШАДЬ

Ни со мной, ни с кем-либо еще из моих учеников не случалось несчастий оттого, что носили лошади. Мне скажут, что это чистая случайность. Не совсем так, отвечу я.

Не стану говорить, что раз лошадь понесла, то один наездник остановит ее, а другой нет, но от ездока зависит не допустить лошадь понести. Всегда можно чувствовать, когда лошадь от чего бы то ни было начинает терять голову и должна понести. Внимательный всадник никогда не станет горячить лошадь. Лишь только лошадь начинает срываться, надо задержать ее ход, взять на повод, приласкать и успокоить голосом.

Лошадь часто несет оттого, что всадник ее затянул, то есть ее десны онемели от мертвого повода. В таком случае, сколько лошадь ни тянуть, ничего не поможет, и она будет тащить тем ходом, на каком ее затанули или каким ей вздумается. Для того чтобы лошадь не могла лечь на мундштук или трензель во время езды, надо все время поддерживать свежим ее рот, для чего следует отыгрывать поводьями того и другого.

Иная лошадь несет задрав голову вверх и закинув мундштук. Ей надо опустить голову вниз. Другая опускает затылок, и ей надо голову поднять. Во втором случае иногда лошадь так сгибает шею, что рычаги мундштука касаются ее груди, и чем больше тянуть мундштук, тем более она получает поддержку и сильнее несет. Рычаги еще больше упрутся в грудь, грызло поднимется, то есть действие мундштука станет еще слабее, следовательно, поддержка для лошади усилится. В таком положении ничего не остается, как начать передергивать, пилить ей трензелем рот. На таких лошадях надо надевать трензель, называемый «подниматель», который действует не спереди назад, а блоком снизу вверх. Такой трензель годится вообще для лошади короткошеей, с тяжелой головой, которая всегда, в силу своего склада, сваливает тяжесть переда

на руку всадника. Советую прибегать к такому трензелю, конечно, только тем ездокам, которые не умеют уравновесить лошадь.

Про некоторых лошадей думают, что они носят, а на самом деле они таскают. Когда лошадь несет, то направлять ее невозможно, так как она не чувствует ни повода, ни шенкелей. Лошадь летит очертя голову, может на что-нибудь налететь и убиться. Лошадь, которая таскает, не теряя головы, обходит препятствия, и ее можно направлять. Это старый греховодник, которому галоп доставляет приятное ощущение, и раз ему удалось вырвать повод, он не отказывает себе в этом удовольствии.

Таскать может лошадь на всяком аллюре, даже, хотя и редко, мне это приходилось видеть на шагу. Такая лошадь постоянно рвет повод, поднимается на дыбы при остановке, а когда утомит всадника, то начинает его тащить. Тут все дело в том, чтобы не дать лошади лечь на повод, а если это ей все-таки удалось и она затащила, то надо перестать ее тянуть и стараться выехать на открытое место и, разобрав поводья в обе руки (как сделать — указано выше), начать передергивать трензелем и нажимать мундштуком. Передергивая их, надо все-таки ими набирать и сдавать и все время плотно держать лошадь в шенкелях. Надо добиться, чтобы лошадь разжала челюсть, и тогда ее ход расстроится и ее можно остановить. Многие в этом случае вытягивают ноги вперед треугольником. Тут уже всегда лошадь осилит.

Большинство скачущих лошадей старается лечь на повод, а когда это удастся, то, вытянув шею и сильно рванув голову, такая лошадь тащит галопом или даже рысью. Если всадник в тот момент, когда лошадь вырывает поводья, сразу натянет их, то она рванет еще сильнее и перебросит его себе на шею, а то и через голову. В таком случае надо, напротив, не отпуская поводьев, отдать их и вытянуть руки, а затем трензелем сильно поднять голову вверх и работать мундштуком и шенкелями, как сказано в начале этой главы.

Когда лошадь действительно занесла, то поводьями надо работать точно так же, но справиться с ней труднее, так как направлять ее невозможно. Если местность позволяет, то надо воспользоваться случаем свернуть лошадь в сторону и закружить ее. Для этого надо (поводья должны быть заранее разобраны по рукам) обеими руками ухватиться за один повод и налечь на него всей тяжестью. Сначала лошадь подаст в сторону только голову, а затем и свернет. Если на дороге встретится вода, то смело направляйте в нее лошадь. Опасность существует только на твердой земле, где лошадь может на что-нибудь налететь и упасть, но не в воде, если, конечно, берег не обрывистый. Попад в воду, лошадь обычно сразу остановится и успокоится. А если и начнет бить, то бьет обыкновенно недолго. Много раз исправлял я таким приемом уносливых лошадей. Я выезжал к реке с низкими берегами, поднимал лошадь в хороший галоп, давал ей волю, а когда она ложилась в повод, так что я уже не мог ее остановить, то сворачивал в воду и добивался своего очень легко. Если лошадь в сборе, поднята, то есть зад подведен под центр, то она не только не может занести, но и подхватить, так как остановить ее можно с места.

Катаясь с моими учениками, я часто задавал им вопрос: «Что вы будете делать, если вас догоняет или летит вам навстречу несущая лошадь?» Редко мне приходилось получать дельный ответ. Опасности больше подвергается тот, на кого летит очертя голову лошадь, чем тот, кого она несет. Если это случится, то надо скорее встать за какую-нибудь защиту. Если попадетсЯ лес, то въехать в него, дерево на дороге — встать за дерево, на улице — за фонарный столб, словом, лишь бы укрыться чем-нибудь, и укрываться надо скорее. Если же вы хотите помочь, что похвально, но рискованно, то раньше, чем до вас долетит несущая лошадь, пускайте свою во всю прыть и старайтесь держаться несколько впереди. Если на лошади сидит всадник, то ободрите его и, когда он поравняется с вами, схватите его лошадь за мундштучные поводья как можно ближе к морде. Продолжайте скакать рядом и старайтесь остановить. Уходить от несущей лошади во весь дух надо для того, чтобы, когда вы ее схватите за повод, она не вырвала бы вас за собой из седла. Поводья своей лошади надо, конечно, держать в одной руке.

Никогда не приходилось мне остановить несущую лошадь по прямой. Не приходилось и слышать того же о ком-либо другом. Если местность позволяет, то надо свернуть лошадь в круг. Самому, конечно, следует держаться внутри круга. Решаться на подачу такого рода помощи ездок может только тогда, когда он уверен в себе и своей лошади.

Мне удалось остановить, закружив, двух лошадей. Один раз в Гавре. Всадник бросил поводья и обеими руками держался за луку. Другой раз в Париже. Лошадь несла молодую девушку. Лошадь ее я схватил левой рукой и остановил на правую сторону, так как ноги амазонки мешали мне подать ей помощь с левой стороны. На каждую из обеих остановок пошло у меня от пятнадцати до двадцати минут. Сидел я оба раза на чистокровной лошади, следовательно, за мной было преимущество в быстроте и силе.

Комментарий специалиста

Часто лошадь, которая ложится в повод и таскает всадника, получает истинное удовольствие от свободного движения. Избыток энергии можно выплеснуть не только в воде, но и в пашне, глубоком снегу или на песке, одновременно это накачивает мускулатуру лошади, укрепляет ее поясницу. Часто такие лошади проходили ипподромные испытания. Способ остановить такую лошадь — резко бросить повод, а не цепляться в него мертвой хваткой, потеряв упор и в результате равновесие. Лошадь через несколько темпов сама сбавит ход и перейдет в шаг или рысь.

Когда всадник чувствует себя неуверенно и не способен анализировать ситуацию и корректировать ее, хорошо, если его будет сопровождать более опытный и умелый, который поддержит и посоветует, что делать.

Если лошадь застоялась, то, прежде чем взять в работу, рекомендуют размять ее до первого мыла на корде, на рыси и галопе. Тогда она не станет выбрасывать избыток энергии таким способом, а отдастся работе.

Глава XXV ПРЫЖОК

На прыжке принято поднимать лошадь, но этим только стесняют ее, задерживают движения и мешают ей взять настоящий размах.

Для прыжка голова и шея лошади должны быть свободны, а, поднимая их, всадник свободы им не дает и к тому же еще и давит на ее зад. Поднимая слабоузкую лошадь перед препятствием, можно ее задержать. Так как тугая лошадь вообще перед препятствием ложится на повод и на прыжке, как всякая лошадь, хотя и немного, но все-таки поднимает перед (отчего ее зад оседает), то от подъема поводом она может зацепить за препятствие. При поднимании лошади на прыжок с нею происходит следующее: шенкеля посылают ее вперед, поводья в то же время отдают ее назад. Хотя посыл пересиливает задержку, но пересиливает вследствие лишнего напряжения зада. Зад, очевидно, понапрасну утомляется. Теория выработала приемы прыжка, но, приглядевшись к действительности, приходится убедиться, что каждая лошадь прыгает по-своему.

Для того чтобы приучить лошадь прыгать, по моему мнению, лучше всего сначала переводить ее в поводу шагом через соломенный барьер, положенный на землю. Наездник должен переступать через барьер вместе с лошастью, а когда она перешла, то следует дать ей в награду моркови. За две-три репризы, минут по десять каждая, лошадь освоится и будет смело и свободно переступать через барьер. Затем надо переводить ее таким же образом на корде. Когда лошадь и на корде вместе с наездником переступает через барьер, то корду надо постепенно выпускать длиннее, а наездник должен отступать все дальше и дальше в глубь манежа. Когда лошадь переступает через барьер одна, без наездника, который с кордой в руках стоит среди манежа, то надо поднимать барьер на тридцать—сорок сантиметров и пускать на него лошадь. Идти на барьер надо позволять лошади таким аллюром, каким она захочет, но следует непременно настоять на том, чтобы она через него перескочила. Этот способ с незапамятных времен практикуется во всех цирках. Если лошадь рвется на барьер, то ее надо успокоить для того, чтобы она не торопилась. Если лошадь заминается, то следует ободрять ее голосом, показывать бич, но не трогать им, чтобы с первых шагов не запугать ее. Прыжка все-таки следует добиться. За прыжком лошади надо наблюдать и замечать, как она его сделала. Прыжок

хорош в том случае, если лошадь сделала его без заминки, смело и по прямой. Когда лошадь хорошо прыгает сама собой, то учить ее ни к чему. Следует только приучать ее переходить барьер на шагу, на рыси и на галопе. Если лошадь перед прыжком задерживается, заминается, то вести ее на барьер надо, конечно, галопом, а заминку предупреждать бичом. Упражнять ее следует до тех пор, пока она не даст хорошего прыжка, и затем уже начинать учить ее брать барьер на рыси и на шагу. Если лошадь прыгает вбок, то ее зад надо направлять при помощи ее же плеч следующим образом. Если лошадь, прыгая влево, относит зад влево, то есть внутрь вольты, то надо кордой потянуть на себя ее плечи, а левую ляжку тронуть бичом, от этого она должна будет подать зад вправо. Если лошадь заносит зад вправо, то есть из вольты, то надо выпустить корду в момент прыжка и угрожать ее морде бичом — она должна будет отнести перед вправо.

Барьер надо держать очень низко, так как если сразу поднимать его слишком высоко, то у лошади можно отбить охоту прыгать. Имея дело даже со старыми лошадьми, с барьером надо быть очень осторожным. По мере успехов лошади в прыжках барьер надо поднимать.

Когда лошадь на корде свободно и легко переходит барьер, то надо сесть на нее и проделывать то же и в той же последовательности, начиная с перехода шагом через лежащий барьер. В первые разы надо оставлять лошадь прыгать, как она хочет и может, но приглядываться и примечать, каким манером она делает прыжок. Прыжок требует от лошади большого напряжения энергии и силы, вследствие чего нагружать ее сразу не следует. Наездник должен сначала дать себе ясный отчет в силах и способностях лошади, для того чтобы впоследствии знать, что нужно делать, чтобы упорядочить прыжок.

В начале главы я сказал, что голову и шею лошади всадник должен оставлять свободными, что рука его не должна принимать участия в прыжке, но из этого не следует, что надо было бросить повод. Лошадь, прыгая, должна получать такую легкую точку опоры в повод, чтобы связь руки с лошадию нисколько не прерывалась. В езде должно соблюдать незыблемое правило: чтобы рука всадника всегда чувствовала рот лошади. Лошадь не должна брать поддержки повода в самый момент прыжка, но должна уже чувствовать ее, идя на прыжок, а на прыжке только сохранить ее. Всадник должен держать руки так спокойно и эластично, чтобы лошадь сама в момент прыжка брала поддержку повода, самому же отнюдь не предупреждать ее. На прыжке надо скорее слегка отдать повод, чем натянуть его. Словом, упор должна брать сама лошадь.

Иная лошадь, особенно если она идет на препятствие полным ходом, подходя к нему, сильно ложится на повод; другая, наоборот, ложится на повод перед самым размахом на прыжок. В обоих случаях надо повод отдавать совсем. Как бы лошадь ни прыгала, ее надо вести на барьер в шенкелях и чувствовать поводом, чтобы не допустить ее обойти барьер. Повод надо отдавать только в тот момент, когда она поднимается на прыжок. Если повод отдать раньше, то лошадь может замяться или обойти барьер. Если опоздать отдачей повода, то можно не только задержать лошадь, но и помешать ей прыгнуть.

Участие руки всадника при прыжке лошади делится на следующие стадии: 1) поддержку лошади до момента подъема, 2) сдачу повода в момент подъема и на момент, пока лошадь переносится через барьер и 3) прием лошади на трензель в момент, когда она опускается на землю. На прыжке я пользуюсь исключительно трензелем, а мундштуком действую только в промежутках между препятствиями, чтобы вести лошадь ровным галопом.

В шенкелях при прыжке держать лошадь нужно для того, чтобы: 1) подать и поставить лошадь на прыжок, 2) наддать прыжок и подобрать лошади зад, чтобы она не зацепила им за барьер и 3) поддержав зад, в момент, когда он становится на землю, облегчить, а следовательно, поддержать этим и перед. Кроме того, шенкелями всадник удерживает себя крепче в седле.

Идти на барьер всадник должен смело. От недостатка смелости и падают, большей частью, на барьере.

Многие думают, что лошадь чувствует состояние духа всадника. То, что делается на душе у всадника, я полагаю, лошадь чувствовать не может, но что она чувствует, и чувствует прекрасно, — это его нерешительность, которая отражается на его шенкелях и поводьях. Волнуется

всадник, нерешительны его шенкеля, неуверенны поводья — несмело пойдет и лошадь на барьер, и наоборот. Когда ездок первый раз идет на препятствие, ему кажется, что он получит сильный толчок, и, желая удержаться в седле, он обыкновенно тянется. Толчок он действительно получает, но получает именно оттого, что тянется. На самом деле надо поступать наоборот: в момент прыжка отдать поводья и как можно глубже опуститься в седло. Шенкеля сами собой увеличивают крепость и устойчивость посадки. Не все лошади, как я сказал выше, прыгают одинаково и прибегают к одним и тем же приемам. Иная лошадь отделяется от земли всеми четырьмя ногами и переносится через барьер, держась почти горизонтально. На такой лошади всаднику надо только сидеть в седле по отвесу.

Иная лошадь на прыжке перед держит выше зада, как бы поднимаясь на дыбы. Всадник должен подавать корпус вперед, и подавать тем более, чем выше вверх идет перед лошади. В момент, когда лошадь ставит перед на землю, всадник должен отдать корпус назад для того, чтобы, во-первых, по инерции не полететь через голову лошади, во-вторых, чтобы облегчить ее перед, на который в этот момент ложится ее собственная тяжесть и тяжесть всадника, и, в-третьих, чтобы глубже сесть в седло и в случае, если бы перед лошади не выдержал, поддержать его.

Если лошадь, переносясь через барьер, так мало поднимает перед, что едва не цепляет за него передними ногами, а зад держит вверх, как бы лягаясь, то всадник должен подать корпус назад. Тяжесть отходит к зад, и перед лошади становится легче. При опускании зада лошади на землю сила инерции посадит всадника в седло.

Чем более назад приходится отдавать корпус на прыжке, тем более надо подавать вперед руки.

Если бы поводья оказались все-таки коротки, то надо, ослабив пальцы, выпустить их, то есть поводья, в должный момент насколько нужно, а после прыжка тотчас подобрать их.

Скажу несколько слов о скачках с препятствиями и барьерных. Во Франции невежество жокеев относительно аллюров лошади изумительно. Редко кто из них знает, с какой ноги идет под ним лошадь. Разговаривая однажды с одним из знатоков скакового дела бароном Фино, я изумлялся этому невежеству. «Жокеи скачут инстинктивно, — ответил он, — они не берут на себя труда размышлять». Чем сильнее тянет лошадь на барьер и прыгает с разгону, тем довольнее бывает жокей. На скачках с препятствиями во Франции обыкновенно идут тем же ходом, как и на барьерных. Это на первый взгляд кажется опасным, но жокеи утверждают обратное, и, пожалуй, они правы. Именно: если, идя на препятствие умеренным ходом, лошадь зацепит и упадет, то жокей падает под лошадь, и большей частью падает несчастливо. Если лошадь упадет на препятствии, идя на него полным ходом, то жокея отбрасывает вперед, и, подобрав руки и ноги в комок, он большей частью отделяется пустяками. В Англии, наоборот, ездок перед препятствием задерживает ход, дает лошади изготавиться. Прыжок выходит отчетливый.

Выиграть, если лошадь не упадет, по французской методе легче, но зато и легче сломать шею. Это скачка очертя голову. В Англии выработана умелая скаковая езда, и для нее существует термин *good horse manship*.

Два жокея Hatchet и Andreus составляют исключение среди французских жокеев. Всматриваясь в манеру скакать Hatchet, я все более и более убеждаюсь в том, что между ездой на кругу и в поле нет и не может быть никакой разницы, что нет и не может быть нескольких систем езды, а возможна только одна, что эта единственная система применима ко всяким частным случаям и что вне этой системы успех возможен только как случайность или как фокус. Hatchet на прыжке сидит так плотно, что никогда не заметить просвета между ним и седлом. Корпус назад он не подает, но, горбя спину, так глубоко опускается в седло, что как будто утопает в нем. Руки Hatchet вытягивает на половину их длины, а поводья натянуты у него настолько, чтобы только чувствовать ими лошадь. Не видишь, но чувствуешь, что на прыжке он сдает поводья не только руками, но и пальцами. Лошадь под ним на прыжке, конечно, вытягивает шею, но корпус его не тянет за собой ни на волос.

Обыкновенно говорят, что раз лошадь должна упасть, то ничем ее не удержишь. Конечно, раз лошадь промахнулась, то она должна упасть, но под одним жокеем она промахнется, а под другим нет. Большей частью не лошадь падает, а всадник ее роняет. Как убедительный пример привожу следующее. В Отейле в продолжение одного сезона Hatchet на Boudres из одиннадцати скачек выиграл девять. На обеих проигранных скачках Boudres упал. Затем семь раз Boudres скакал под другим, тоже очень известным жокеем. Три скачки Boudres выиграл, а на каждой из четырех проигранных он падал. Снова сел на Boudres Hatchet и выиграл десять скачек подряд. Выходит: под хорошим жокеем Boudres упал четыре раза из семи, а из двадцати одной скачки тот же Boudres, но под жокеем, выходящим из ряда вон, упал только два раза. Падал он каждый раз, прыгая через речку, перед трибунами. Цеплять было не за что, лошади приходилось только, как на всяком прыжке в ширину, развить всю посыл. За несколько метров до препятствия Boudres переменил ногу, а жокей стал поднимать ему голову вверх. «Ваша лошадь упадет», — сказал я владельцу, и действительно Boudres упал. Жокей задержал посыл, отчего неминуемо должно было последовать падение.

Своеобразно брал Hatchet последний поворот на том же ипподроме. Поворот этот, как известно, очень крут.

Hatchet шел обыкновенно по внутренней стороне и довольно сильно сдерживал лошадь. Другие жокеи обыкновенно шли полным ходом по наружной стороне поворота. В то время, когда Hatchet урезывал круг и хоть на несколько мгновений давал лошади передохнуть, другие увеличивали круг и гнали лошадей во весь мах. На прямую все выходили почти вместе, но лошадь Hatchet, как находившаяся в лучших условиях дыхания, обыкновенно выигрывала.

Лошадь всегда берет не ногами, а легкими — дыханием.

Энергия Andreus ставит этого жокея вне всякого сравнения. Один раз он уронил хлыст. Сорвал с головы картуз и стал им посылать лошадь. Уронил картуз — начал посылать правой рукой. Без преувеличения можно сказать, что он всю свою невероятную энергию, подходя к столбу, как бы передает лошади.

Комментарий специалиста

Прыжок — естественный аллюр лошади. Техника прыжка изучена достаточно хорошо. Молодых лошадей тренируют без всадника, добиваясь высоты прыжка сорок—шестьдесят сантиметров. В возрасте двух лет техника прыжка лошади в основном заканчивает свое формирование. Есть подробно разработанные методики коррективки ее. Оценка качества прыжка производится при отборе жеребцов-производителей в спортивных породах.

Требование к всаднику во время прыжка одно — как можно меньше мешать лошади. На прыжке нужно максимально отпустить повод. Шенкель ведет лошадь на препятствие до последнего момента.

Европейская школа предлагает всаднику очень точно подводить лошадь к препятствию, рассчитывая место отталкивания от земли. Представители русской национальной школы предпочитают не требовать от всадника такой кропотливой работы по подготовке к прыжку, лошадь должна уметь прыгать из любого положения и при этом не разрушать препятствие. Большинство спортсменов придерживаются европейской школы и работают на лошадях европейских пород, достигая высоких результатов в соревнованиях.

Современные жокеи, занимающиеся гладкими или барьерными скачками, используют английскую технику езды. Только спортсмены, соревнующиеся в стипль-чезах, сталкиваются с ситуациями, описанными в этой главе Джеймсом Филлисом.

Глава XXVI ГЛАДКИЕ СКАЧКИ

Не раз приходилось мне говорить о том, что всякий всадник — любитель ли, наездник, берейтор или жокей — должен точно знать, что он может требовать от лошади. Обыкновенно полагают, что на скачках этого не нужно, и весьма ошибаются. И для скачек, как и для всякого

вида езды, это правило остается незыблемым, и победа дается тому, кто умеет применить его к делу.

Если на скачке идут лошади одного уровня по силе и резвости и между ними нет выдающегося скакуна, то победит тот жокей, который знает предельную скорость своей лошади (ее максимум) и правильно располагает ее ходом. Вести лошадь надо в таком поводе, чтобы давать ей только необходимую поддержку, и тем ходом, которым она скакала в последнем периоде тренировки. Максимум лошади, то есть высшее напряжение ее резвости, надо приберегать к концу скачки. При соблюдении этих условий лошадь сохранит дыхание в продолжение скачки и будет в состоянии, подходя к столбу, легко дать последний рывок, от которого и зависит успех. В подтверждение этой истины приведу случай с Артидюком, бывший несколько лет тому назад и памятный многим. Артидюк три скачки подряд брал с места и вел скачку ровным ходом, но таким, что ни одна из скакавших с ним лошадей не могла к нему подойти. На Дерби в Шантильи голову скачки взял Фра-Диаволо, и Артидюк с места вступил с ним в борьбу. Не было еще пройдено и четверти круга, а резавшиеся Артидюк и Фра-Диаволо шли уже в максимуме. Скакавший с ними Литл-Дюк шел сзади. Три четверти круга жокей вел его таким ходом, которым он скакал на тренировке, не обращал внимания на происходившую борьбу и берег силы своей лошади для конца скачки. Подходя к столбу, он вызвал Литл-Дюка на предельную скорость, обошел обоих выдохшихся соперников и выиграл легко. Жокей Литл-Дюка применил на практике правило, о котором я говорил, сумел сохранить грушу на случай жажды, то есть запас силы и энергии лошади до прихода к столбу.

Жокею, который ведет скачку, очень трудно и вести скачку, и отдавать себе отчет в том, что его лошадь идет тем ходом, который ей по силам, и, не уступая места, вести ее на этом ходу. Если он перейдет предел, то его лошадь выдохнется и не будет в состоянии дать последний рывок. Если он будет сдерживать, то поводьями он будет давить на поясницу и скакательные суставы, следовательно, будет утомлять их, а на скачке этими-то суставами лошадь и берет, напрягая их всю, в последние моменты борьбы. Если присмотреться к езде выдающихся жокеев, то увидишь, что все они обыкновенно выигрывают у самого столба, то есть выходит, что жокей знает предельную скорость своей лошади и соответственно ей ведет скачку. Он имеет возможность судить о том, в состоянии ли его соперники выдержать ход, который они взяли со старта, в состоянии ли его лошадь прибавить скорости. В Шантильи мне пришлось видеть, как жокей Уатс очень ловко и с таким же успехом, как жокей Литл-Дюка, применил к делу это правило. Было это на скачке с тяжелым весом. Лошади несли восемьдесят килограммов. Из скакавших лошадей больше всех подходила для тяжелого веса всеобщая фаворитка Аталанта. Уатс ехал на Луи д'Ор. Со старта он повел его нормальным ходом и не гнался за другими. Первое время он шел на двести метров позади, но все-таки хода не прибавлял. Когда другие лошади стали выдыхаться и замедлять ход, Уатс, сохранивший запас сил Луи д'Ора, выдвинул его и, не доходя нескольких метров до столба, побил Атанту. Уатс тоже победил благодаря тому, что верно оценил настоящий ход своей лошади и ее силы.

Еще один пример умелой езды показал Ф. Арчер на Парадоксе на Grands prix de Paris. Арчер ни на одно мгновение не изменил своему обычному хладнокровию, таланту и тонкой езде. Пошел он со старта в хвосте, а затем, поравнявшись со своим единственным соперником Reluisant, недавним победителем Дерби в Шантильи, пошел с ним рядом. Когда Reluisant прибавил хода и пошел в своем максимуме, Арчер прибавил хода и Парадоксу, и хотя и мог обойти соперника, но все-таки продолжал идти с ним рядом для того, чтобы узнать наверно, что он может еще дать. Только у самого столба он выдвинул Парадокса и выиграл на одну голову.

Но успехи Арчера еще не дают полного понятия о его чудной езде. Что главным образом делало из него великого мастера своего дела, так это его манера сидеть в седле, манера, которую он не изменял от начала и до конца своей скачки. Сидел он в седле по отвесу, на длинных стременах и так глубоко, что даже когда он поднимался на стременах, то и тогда не было видно просвета между ним и седлом. Посадка его составляла полный контраст со смешной посадкой большинства жокеев, которые в утрировке доходят до того, что между их ягодицами и седлом можно поставить шляпу. Последнее время жокеи хотя по-прежнему ездят плохо, но перестали

сидеть, как говорилось прежде, треугольником, то есть упираясь на поводья, седло и стремяна. На ипподроме эту манеру оставили, но между любителями эта мода еще не брошена. Арчер сидел как берейтор, и, как берейтор, вел лошадь в шенкелях и поводьях. Арчера обвиняли, но совершенно неосновательно, что будто бы он на скачках на короткой дистанции срывал старт, то есть пускал свою лошадь раньше других. Обыкновенные жокеи в момент, когда стартер опускает флаг, отдают поводья, и лошади пускаются, как каждая из них может, а то и как захочет. Арчер не оставлял ничего случаю, а вел лошадь в своей власти, как берейтор. Подводя лошадь к старту, он всегда держал ее в шенкелях, и в момент сигнала сильным посылом их сразу ставил ее на полный ход. Выходило, что он шел уже полным ходом тогда, когда его противники еще разбирались местами.

Из этих примеров видно, что все виды езды основаны на одних и тех же началах и что знание и искусство езды так же необходимы жокею, как и всякому ездоку.

Искусство езды сводится к трем понятиям: здравому смыслу, умению владеть шенкелями и умению владеть поводьями.

Комментарий специалиста

Посадка современных жокеев сильно отличается от идеалов Джеймса Филлиса. Шенкель в работе скаковой лошади имеет не столь большое значение, как в полевой езде или в выездке. Жокей находится как бы над лошадью и движениями корпуса раскачивает ее, дополнительно увеличивая ширину маха на галопе. Он дает возможность лошади двигаться с максимальной скоростью, стараясь как можно меньше мешать ей, поддерживая темп движения за счет работы своей поясницы, разумного использования повода и в некоторых случаях хлыста. Но прочность посадки всадника оставляет желать лучшего.

Для уменьшения веса, который несет лошадь на испытаниях, привычное седло было изменено почти до неузнаваемости. Вес его с подпругами и стремянами колеблется от 600 граммов до 3,5 килограммов. В сущности, это уже и не седло, как таковое, а приспособление, к которому крепятся стремяна с пристругами, — на них и балансирует жокей во время скачки.

Важным в такой езде является чувство лошади, понимание ее силы и возможностей. Управление скаковой лошадью сводится к работе поводом, причем не к полудержкам и отжевыванию, а к сдерживанию, упору в повод. Поэтому многие спортсмены, приобретая лошадь после скачек, испытывают массу неудобств, переучивая ее верно реагировать на трензель, особенно на галопе. Про скаковую лошадь говорят, что она тащит или подтаскивает, но стоит только лишить ее опоры в повод, как галоп становится вялым и разлаженным.

На сегодняшний день скачки приобрели настолько большую специализацию, что эта отрасль конного спорта уже имеет свои особенности, правила и законы, значительно отличающиеся от всего, что описано в книге. Единственно верным остается внимательная и кропотливая работа с лошадью. А думать современному жокею, приходится несколько не меньше, чем спортсмену, занимающемуся высшей школой верховой езды или конкуром.

Глава XXVII ОХОТНИЧЬЯ ЛОШАДЬ

Должна ли охотничья лошадь быть особенной породы? Нет. Но выбирать лошадь для охоты надо из числа самых лучших во всех отношениях лошадей.

Тому, кто хочет хорошо снарядить себя для охоты, советую выбирать лошадей из рожденных, выросших и выдержанных в той местности, где он собирается охотиться. Природные свойства и способности лошади вырабатываются климатическими и топографическими условиями местности. Если поставить лошадь в чуждые для нее условия местности и климата, то она свои природные достоинства утратит, а достоинств, которыми одарены лошади новой для нее страны, не приобретет.

Чудная маленькая пиренейская лошадь у себя дома ловка, приемиста, на всякой местности изумительно верна на ходу и в высшей степени вынослива. Для охоты в поле нельзя найти

лучшей и более приятной лошади, но переведите ее в Рим или Вандею, и она очень быстро потеряет многие из своих достоинств. То же самое должно сказать относительно всех пород лошадей.

Для охоты всегда и везде годится только один, так называемый английский «hunter, и только он один, в какие бы условия местности ни был поставлен, везде сохраняет свои достоинства. Гунтер всегда очень высок по крови, хотя складом и не подходит к скаковой лошади, так как он низок на ногах. (Скаковых лошадей стараются выгонять в ноги и длину.) В гунтере главным образом обращают внимание на поясницу и скакательные суставы. Это единственная лошадь, которую не пробовали разводить во Франции. Очень жаль, так как разведение ее несомненно так же удалось бы, как разведение других пород лошадей. Но француз хочет иметь хорошую охотничью лошадь за меньшую цену и, конечно, ошибается в расчетах.

Начинают выездку гунтера в возрасте трех с половиной лет, то есть позднее, чем чистокровной, и выезжают в продолжение одного или полутора лет. Назначение его — исключительно прыгать. Он должен быть очень приемист, очень верен и очень хорошо прыгать, но зато он и очень дорог. Подготовка и выдержка его продолжаются долго и стоят дорого, и окупаются только той высокой ценой, которую за него платят. Готов обыкновенно гунтер в возрасте от трех с половиной до четырех лет.

Цена гюнтера зависит не только от того, как он прыгает, но и от того, каковы приемы и характер его прыжка соответственно роду препятствий. Через обыкновенную изгородь, то есть незначительное препятствие, гунтер должен прыгать спокойно и без всяких усилий. Прыгая через высокое и крепкое препятствие, гунтер должен сжаться, напрячь все свои силы, прыгнуть прямо, верно, но все-таки не торопясь и спокойно. Прыжок через более или менее широкую речку должен иметь совершенно иной характер. Гунтер должен вытянуть голову и шею смело, но легко взять упор в повод, растянуться и лихо, весело, как бы радуясь, устремиться на прыжок. Одно в гунтере плохо — он слишком дорог. За обыкновенного хорошего прыгуна платят от семи до восьми тысяч франков, а за выдающегося цена доходит от двенадцати до пятнадцати тысяч. Денег много, но опять скажу: гунтер — единственная лошадь, на которой можно охотиться во всех странах света. Везде, кроме Англии, принято покупать для охоты возможно дешевых лошадей. На охотничью лошадь смотрят как на лошадь, заранее обреченную в жертву разным случайностям, которая, следовательно, недолговечна и которую все равно скоро придется заменить другой. Мне кажется, что такой расчет, заранее намерстывать будущие убытки, очень ошибочен. Англичане знают цену деньгам, почему скорее скупятся на расходы по покупке экипажных лошадей, но не жалеют денег на охотничьих. Англичанин дорого ценит свою жизнь. На охоте он веряет ее своей лошади, а потому и не останавливается перед ценой за нее.

Но за деньги лошадь не купить.

Часто приходится слышать такого рода отзывы: «Господину X везет в лошадях, все они удачны, а господин Z никак не может напасть на хорошую лошадь». Будьте уверены, что удача тут ни при чем, но что у господина X большей частью лошади хороши потому, что, наверно, он знает в них толк и умеет ими пользоваться в меру, что умение его не только не умаляет его энергии и смелости в езде, но, напротив, дает ему все средства проявлять эти качества. Может быть, господин Z тратит и очень много денег на покупку лошадей, но, наверно, он сам — посредственный ездок, не знает лошади, не знает, чего и как можно от нее потребовать.

Еще раз позволяю себе повторить совет: для охоты берите самую прочную и самую лучшую во всех отношениях лошадь.

У англичан существует пословица, по-моему, не совсем основательная: «Hacking is art, hunting is pluck» («Ездить верхом — искусство, охотиться верхом — неустрашимость»; надо сознаться, что больше приходится видеть «hacking», чем «art».) Конечно, на охоте требуется от ездока более смелости, так как приходится неожиданно преодолевать разные препятствия, да и аллюр на охоте живее, но одна смелость не может заменить «art», то есть искусства езды. Я думаю, что там, где опасности представляется больше, искусство езды является еще более

необходимым. Где бы и как ни ездить — на прыжке ли, на охоте, на скачке, — прежде всего надо уметь ездить.

Комментарий специалиста

Получение гунтеров основывается на использовании кобыл тяжелых упряжных пород и жеребцов чистокровной верховой породы. Последних отбирают с учетом их скаковой карьеры, и предпочтение отдается призерам на длинных дистанциях с хорошим костяком или победителям барьерных скачек. Традиция парфорсных охот сохранила группу лошадей класса гунтер в Англии.

В Европе эту нишу заняли породы, полученные по принципу гунтера, но уже на местных тяжелых породах, хорошо адаптированных в своих зонах обитания. Примером таких пород являются ганноверские, вестфальские, голштинские в Германии, прежде экипажные, но после использования чистокровных верховых жеребцов более легкие и подвижные. Они сохранили основательность и прочность, приобрели резвость и податливость. В тракененской породе, кроме производителей высокого скакового класса, в начале XX века практиковали испытание лошадей в парфорсных охотах, отбирая таким образом в воспроизводство не только жеребцов, но и кобыл.

В современном конном спорте требования к троеборной лошади максимально приближены к охотничьей. Спортсмены, занимающиеся этим видом, отдают предпочтение лошадям, содержащим в своих родословных большую часть чистокровных предков, чем представителей других пород. И результаты их выступлений значительно выше.

Глава XXVIII КАВАЛЕРИЙСКАЯ ЛОШАДЬ

Да будет прощена мне смелость и живость критики, которую я себе позволю в предлагаемом исследовании. Смелость моя вытекает из глубокого убеждения в том, что критика основательна. Я уверен, что многие из лиц, изучивших вопрос во всей его полноте, не отказались бы, если бы имели на то право, подписаться под моими словами.

В моей книге я поставил себе задачей исследовать все виды верховой езды и соответствующей им выездки. До сих пор я рассмотрел только два вида езды — езду любителя, как предмет роскоши, и спортивную.

Назначение верховой лошади не ограничивается только удовлетворением требований спорта и езды любителя — лошадь составляет, главным образом, один из важнейших элементов вооруженной силы государства, одно из орудий войны. Оружие это надо уметь выбрать, знать, как его подготовить соответственно его назначению, а также и уметь им владеть. Последние войны доказали, что кавалерии суждено в будущем стать родом оружия, решающим исход кампании. Все государства постоянно увеличивают ее численность и стараются придать ей как можно больше силы. Да будет мне позволено сказать несколько слов о строевой лошади. По моему мнению, для строя лучше всего годится полукровная лошадь. Начиная свою книгу, я высказал, что выше всякой лошади ставлю чистокровную, но это положение мое не является в данном случае противоречием. Чистокровная лошадь обладает силой, энергией и тонкостью движений в такой степени, в какой ни одна другая лошадь не может иметь этих качеств. Для строевой лошади одних этих качеств недостаточно. Чистокровная лошадь вынесет всякое напряжение сил лучше какой-либо другой, в порыве, при атаке никакая другая лошадь сравниться с ней не может. Но перенести невзгоды, сопряженные с походом и войной, ей не под силу. В Крыму англичане потеряли всех своих чистокровных лошадей, а першероны, бретонцы и овернцы выдержали кампанию. Для строя нужна лошадь, выросшая при суровых условиях воспитания. Строевая лошадь должна выносить голод, жажду, снег, дождь, обходиться без крова и попоны. Может ли все это выдержать чистокровная лошадь? Не думаю. Порода, которая не закалена воспитанием, не может дать из себя выносливой военной лошади. Кроме того, ездить

на чистокровной лошади трудно, и для того, чтобы пользоваться ею, надо иметь больше знания и умения, чем таковое имеется в современных армиях.

Главные и исключительные качества, которые должны быть присущи строевой лошади, — это прочность и выносливость. От строевой лошади нельзя требовать тонких манежных движений и заученных аллюров. Она должна возить солдата, но возить его верно и служить как можно дольше. Стоить она в покупке должна недорого, так как ее покупная цена увеличивается накладными расходами до момента ее поступления на службу. На момент поступления в строй лошадь, содержавшаяся в продолжение года в депо, стоит государству уже вдвое дороже. Я не намерен затрагивать вопросов специально военного или финансового характера, но рассуждаю как человек, близко знакомый с лошадыю. Говоря о строевой лошади, надо учитывать одновременно соображения качества, которыми она должна обладать, и цену, которую она должна стоить. Если бы я останавливался только на вопросе о качествах лошади, то мое исследование не могло бы иметь практического значения. Способ ремонта кавалерии (французской) известен. Ремонтные комиссии разъезжают по районам производства лошадей, осматривают трех- и четырехлетних и покупают годных для строя. Время объездов комиссий известно, поэтому барышники, особенно заграничные, имея возможность платить дороже, заблаговременно забирают все лучшее.

Комиссиям приходится выбирать из остатков. Лошадь четырех лет считается для службы слишком молодой, поэтому купленных лошадей отправляют в депо или помещают на корм к землевладельцам. Административно возраст лошади считается с первого января. Лошади рождаются весной, следовательно, когда им считается пять лет, на самом деле им четыре года и девять месяцев. В части лошади приходят в середине октября, то есть когда им по четыре с половиной года. Сначала их зачисляют в эскадронные депо, а в середине января ставят в действующие эскадроны, где их начинают выезжать, следовательно, в строй лошади поступают в четыре года девять месяцев.

Оставляя другие стороны вопроса, остановлюсь пока на возрасте лошади. Принято считать, что лошадь моложе пяти лет для работы не годится. Это положение стало принципом, вошло в традицию. Тем не менее я решаюсь затронуть эту традицию и пробую доказать, что она является заблуждением, что принцип ошибочен и вытекающая из него система вредна. Ждать с лошадыю до пяти лет, приготавливая ее в продолжение целого года для службы в строю, — значит тратить напрасно дорогое время, накладывать на нее непроизводительный расход и ко всему этому еще и портить ее. За время пребывания в депо или на корму у землевладельца лошадь не получает ни должного корма, ни должного движения, отчего не только не развивается и не крепнет, но, напротив, атрофируется. Правильная и хорошо кормленная и работанная лошадь к трем с половиной годам должна настолько сложиться и окрепнуть, что с ней вполне безопасно можно приступать к подготовительным и последовательным упражнениям для выездки. Я подразумеваю французскую лошадь, из какой бы провинции она ни происходила. В четыре года она может уже быть выезжена настоящим образом и поставлена в строй. За несколько месяцев службы в строю лошадь втянется в работу и станет выносливой. Если бы кавалерия порвала с рутиной и приняла разумную систему корма и выездки, то она выработала бы такую лошадь в возрасте четырех с половиной лет, с которой не могла бы сравниться современная строевая лошадь шести и более лет. Но откуда взялось убеждение, что лошадь моложе пяти лет не годится для строевой службы? Как люди, стоящие лицом к лицу с делом ремонта, между которыми есть много выдающихся личностей, могли допустить и признать за правило такое ошибочное представление! Думаю, что дело заключается в следующем: лошади пяти лет, поступающие в ремонт, обычно слабы и для службы не годны, поэтому вывели заключение, что в этом возрасте они в другом положении быть не могут, следовательно, и брать их на службу еще рано. Между тем опыт с давних пор доказывает, что если молодую лошадь достаточно кормить и давать ей соответственное движение, то в три года она может проявлять полное развитие сил и быстроты. Мне скажут на это, что в таком случае много окажется лошадей, которые не выдержат. Разве что некоторые, отвечу я. Я предлагаю начинать выезжать в три с половиной года, даже в три года и девять месяцев (три месяца должны идти на подготовку). Тре-

бования строевой выездки далеко не таковы, как требования выдержки для ипподрома, хотя тем не менее в выдержку лошадь поступает не позже двух с половиной лет. Говорят, что строевая лошадь несет гораздо больший вес, чем скаковая. Это верно. Но зато я предлагаю начать выезжать ее годом позже. Строевая лошадь массивнее, устойчивее и выносливее, чем скаковая, почему и более способна нести на себе больший вес; к тому же полный вьюк носит она не постоянно. Строевая выездка требует от лошади несравненно меньших усилий, чем выдержка требует их от скаковой лошади. Если строевую лошадь так же последовательно приучать нести тяжесть, как скаковую лошадь приучать скакать, то выработать спину не представит особенного труда.

Если принимать в соображение теоретическое положение о необходимости полного окончания процесса развития костяка лошади, то пришлось бы покупать лошадей только в возрасте пяти с половиной лет, а в строй ставить их только в шесть лет. Но в этом возрасте достать лошадей нельзя, так как все они уже закуплены. Как же быть? Надо брать на службу лошадь раньше, что я и хочу доказать.

Несомненно, что четырехлетнюю лошадь надо беречь, но если вести ее так, как следует, то в этом возрасте она вполне способна нести строевую службу.

Возьмем для примера нормандских полукровных лошадей. Принято считать, что лошади этой породы складываются позднее лошадей всех других французских пород, что раньше шести лет они не развиваются и не выказывают своих качеств. Полукровных лошадей в Нормандии выводят в большом количестве.

Жеребят сортируют на три категории, принимая в соображение главным образом происхождение, склад и надежду на будущее, которую подает каждый из них.

Вот эти категории:

1. Рысаки, которых назначают для ипподрома.
2. Лошади ценные и предназначенные для рынка. Из этой категории заводчики берут неудачных случных жеребцов, выкладывают их и продают.
3. Лошади для ремонта.

Рысаков в два с половиной года начинают постепенно выдерживать. К трем годам они обыкновенно дают полный рост, достигают полного развития склада и силы и бегут на ипподромах. Самые большие дистанции и самые ценные призы назначаются для состязаний трехлеток.

В настоящее время дистанцию в четыре тысячи метров рысаки проходят за шесть с половиной минут. Есть призы и на шесть тысяч метров, но идут на них только выдающиеся лошади. В период тренировки и во время бегов рысаку приходится развивать такое напряжение сил, какое только возможно требовать от лошади. Любопытно, что полукровные лучше, дольше и не разрушаясь выносят работу на ипподроме. Число чистокровных, которые не выносят выдержки, очень велико — и незначительно среди полукровных.

Лошадь второй категории, то есть дорогая, в трехлетнем возрасте представляет собой еще жеребенка. Она в разладе, формы ее едва намечены. К четырем годам, а то и к четырем с половиной, такая лошадь начинает входить в рост, обрисовывается ее мускулатура и она становится годной для легкой работы. У барышников всегда имеются наготове лошади этого возраста, жирные, лоснящиеся. В этом виде эти лошади предлагаются покупателю невзыскательному или такому, который имеет возможность ждать их полного развития.

Лошади этой же категории, но менее ценные, поступают на удовлетворение требований рынка.

Лошади третьей категории, то есть предназначенные в ремонт, в трехлетнем возрасте не имеют никакой цены. В комиссию лошадей представляют в возрасте от трех до четырех лет. Приводят их раскормленными. Овес, который они получают за некоторое время до привода, бич и имбирь придают им некоторое подобие энергии. На самом деле у лошади нет ни мускулов, ни кости, ни хода. Если ее не подбадривать бичом, то она распускается и ложится на перед. Ни для какого дела она не годна.

Лошади этих трех категорий принадлежат, однако, к одной породе и имеют почти одно и то же происхождение. Между тем лошади первой категории к трем годам совершенно складываются, выносят выдержку и бега, то есть самую трудную работу. Лошади второй категории в четыре с половиной года едва годятся для легкой работы. Лошади третьей категории в четыре года не годятся ни для какой работы, не имеют ни мускулов, ни силы и требуют особого ухода и времени, чтобы набраться сил и развить мускулатуру.

В чем же заключается причина такой разницы?

Неужели природа спешит с развитием одних и задерживает развитие других? Неужели более красивая и резвая лошадь складывается скорее, чем лошадь той же породы, но не обладающая этими качествами? Нисколько. Вся разница происходит оттого, что к каждой категории прилагаются совершенно различные системы воспитания.

Конечно, формы, движения и способности каждой лошади различны, но если бы всех лошадей той же породы выдерживали одинаково, то все они росли, складывались и развивались бы тоже одинаково и в трехлетнем возрасте были бы годны для всякой работы.

Доказательство этому положению представляет полукровный рысак. В три года он бежит, то есть выносит работу, с которой не может сравниться работа ни обыкновенной верховой, ни строевой лошади. Тем не менее работу эту он выносит долго, не портится и не разрушается преждевременно.

Все дело заключается в том, что рысак выращивают как чистокровную лошадь, то есть смолоду хорошо кормят и методически упражняют в движении.

Не каждая чистокровная лошадь становится скакуном, но всех чистокровных лошадей воспитывают для скачек.

Со дня рождения за ними ухаживают и кормят соответственно тем усилиям, которые они впоследствии должны будут приложить. С первых дней, уже под матками, они перебирают овес. В восемь месяцев они получают по 6 литров в день. В полтора года их берут на конюшню, сильно кормят и начинают тренировать, а в два года они уже скачут на специальных скачках. Полукровных рысаков, назначаемых на бега, воспитывают таким же способом, но так как они бегут в трехлетнем возрасте, то с их выдержкой спешат меньше.

Человек, давая лошади обильный корм и упражняя ее последовательно в движении, помогает природе.

Отсутствие достаточного количества корма в воспитании лошадей другой категории приводит к тому, что работа природы задерживается и развитие их останавливается. Лошадь растет быстро. Костяк, мускульная система и масса ее объемисты.

Для того, чтобы этот могучий организм мог быстро расти, ему необходим хороший и обильный корм, а для того, чтобы он в то же время мог и развиваться, ему необходимо последовательное и правильное движение. При отсутствии необходимого по качеству и количеству корма организм должен расти за счет самого себя и, очевидно, будет становиться лимфатическим, малокровным.

Нормандских жеребят, за исключением тех, которых назначают на ипподромы, обыкновенно не кормят, оставляют их на подножном корму без движения. При воспитании их учитывается только дешевизна содержания.

Иначе, впрочем, и не может быть, так как воспитание жеребят представляет собой ремесло.

Под влиянием водянистого корма и бездействия лошадь задерживается в развитии во всех отношениях. Растет она медленно, ее кости крепнут поздно и мускулы не вырабатываются. Входя в возраст, лошадь не только не крепнет, но, напротив, скуднеет и разрушается очень скоро. В три года лошадь только еще отстает в развитии, а в четыре и особенно в пять лет она уже вконец худосочна. Эту больную лошадь приходится «пересоздавать», надо ставить ее в такие условия существования, которые представляют собой уже лечение ослабленного организма. Я уверен, что и этим достигается немногое и что лошадь хотя и перевоспитанная, но слишком поздно, никогда не может стать настоящей хорошей лошастью. Не такой являлась бы она, если бы с ранних лет получала другое воспитание. Чем дольше ждать с лошадью, тем ее содержание становится продолжительнее, следовательно, дороже. Так, для поправки трехлетка

достаточно нескольких месяцев, а для той же поправки четырех-, особенно пятилетка требуется целый год, а иногда и больше. Оно и понятно: лошадь слишком долго страдала от лишений. Анемия развилась в ней в сильной степени, и общее оскудение обратилось уже в органическое. Большую смертность среди жеребят нужно отнести только к их малокровию. Их дряблость и вялость, происходящая от недостатка корма в период роста, делают их неспособными бороться с припадками какой-либо болезни или против какой-либо случайности. По той же причине у жеребят проявляются и долго тянутся болезни худосочия, как-то: затяжной мыт, беспричинная и без видимых признаков хромота. Эти болезни приписывают не истинной причине, то есть худосочию, но считают их спутниками молодого возраста. Если воспитывать как следует, то молодая лошадь всегда будет здорова и сильна, и, напротив, при недостатке корма и движения она становится лимфатичной и худосочной.

В Нормандии сеют овес в меньшем по сравнению с другими провинциями количестве. Получают его одни рысаки, а молодые лошади других пород совсем его не видят. Вследствие этого нормандские лошади сыры, лимфатичны и складываются поздно.

При таком корме порода должна бы неминуемо и быстро выродиться, но этого не случается только потому, что в производители берут всегда рысаков. Рысаки, которых воспитывают и содержат как следует, до некоторой степени исправляют в потомстве сырость и лимфатичность маток, которые голодают с ранних лет.

Рысаки не представляют собой исключения из породы. Поэтому они могут в трехлетнем возрасте достигать полного развития склада и силы. Блестящие экземпляры получают известность, но рядом с ними есть много рысаков средней руки, которые бегут на мелких ипподромах. Сойдя с бегов, они продолжают отлично служить. Большей частью они, кроме бега, ни по формам, ни по складу не выделяются из массы и не могут обратить на себя внимания. Как блестящие, так и скромные рысаки нисколько не скороспелы по породе. Ускорили их развитие корм и уход. Отсутствие того и другого задерживает развитие лошадей других сортов той же самой породы. Лошадь всех местностей Франции по природе своей к трем с половиной годам может достичь почти полного развития роста и силы, совершенно достаточных для того, чтобы ее можно было уже брать в выездку. Обратное явление происходит оттого, что во время роста лошади не видят нужного корма и не получают нужного движения. В прежние времена берейторы считали за правило не начинать выездку высшей школы с лошадью моложе семи лет. Долгое время и я держался этого обычая. Чем больше я приглядывался к скачкам, тем больше поражался тому, что я видел. Самые серьезные и самые трудные испытания приходится в Эпсоме, Шантильи Отейле и Лоншане на долю трехлеток. Мне на это возражат, что множество их не переносят выдержки. Я отвечу на это, что ведь выдерживать их начинают в полуторагодовалом возрасте, что очень опасно. Ведь я предлагаю начинать выездку в три года, да и усилия при выездке далеко не таковы, как при выдержке.

Мне бросалось в глаза, что выездка не требует от лошади и десятой доли тех усилий, которых требуют от нее выдержка и скачка. Исходя из положения «тот, кто может многое, — может и меньшее», я вывел заключение, что, если лошадь в трехлетнем возрасте может выносить выдержку, то она может, и гораздо легче, вынести выездку. Теперь этот вывод кажется мне очень простым и ясным, но в первое время я не доверял правильности моих посылок и не решался остановиться на этом выводе. Так сильно обаяние установившегося взгляда. Знатоки и специалисты того времени, слушая мои рассуждения, пожимали плечами и смотрели на меня, как на сумасшедшего. Жизнь научила меня понимать, что всякое нововведение имеет такую участь.

Тем не менее я решился произвести опыт. Я начал выезжать лошадь четырех лет, но до этого возраста хорошо содержанную. В выездке она оказалась такой же сильной, как и другие мои лошади семи-восьми лет, но более гибкой, чем они. Ободренный удачей, я повторил опыт с трехлетней лошадью, и успех получился такой же. С тех пор я выезжал более двадцати чистокровных трехлеток. Все они делали лучшие и большие успехи, чем лошади старших возрастов. Я еще расширил опыт с целью определить предел требований выездки, которые могут быть предъявлены еще более молодой лошади без вреда для нее. Я начал выезжать в

двухлетнем возрасте чистокровную кобылу Вискон от Вермута и Винегрет. Мне скажут, что чистокровные раньше складываются. Но ведь я говорю о случае с двухлетней лошадей, а не трехлетней. Я, впрочем, приписываю скороспелость лошадей больше влиянию корма, чем породы. К трем годам она была выезджена для катания, для высшей езды и на препятствия и получила медаль на concours hippique. Ей теперь семь лет. Она вполне здорова, свежа и не имеет ни одного налива. Я мог бы указать много других примеров, но думаю, что этого одного достаточно. Путем опыта я дошел до убеждения, что всякую лошадь, воспитанную должным образом, в три с половиной года можно брать в выездку и выдержку; что выездка в этом возрасте является для лошади необходимым и своевременным физическим упражнением; что выездка в этом возрасте не только не портит лошадь, не изнашивает ее, но, напротив, укрепляет как отдельные части ее тела, так и весь организм, развивает и приучает ее пользоваться всеми ее силами.

В возрасте трех с половиной лет лошадь более гибка, чем лошадь пяти лет. Выездке трехлетки поддаются легче, так как большей частью они еще не успевают приобрести дурных привычек, которые всегда появляются с годами. Порождаются и развиваются они тем более, чем более лошадь знакомится с неловкостью и грубостью человека. Чем дольше лошадь предоставлена самой себе, тем более укореняется в ней привычка лежать на плечах и тем более зад отстает в развитии от передка. Трехлетка легче приучить держаться как должно, то есть равномерно на всех четырех ногах. Такая подготовка имеет большое значение, так как во все время выездки необходимо, чтобы лошадь держалась в равновесии.

Лошадь не должна сидеть ни на передку, ни на задку. Ее собственная тяжесть и тяжесть всадника должны лежать ровно на том и на другом. Только при соблюдении этого условия лошадь может быть легка, поворотлива, служить долго, не портиться и не разрушаться. Лошадь, поставленная неверно и долго ходившая неверно, приобретает разные пороки склада, которые почти невозможно исправить. Например, если лошадь долго ходила на передку (что чаще всего встречается), то ее перед обычно вследствие переутомления расшатывается и слабеет, а зад от недостаточной работы атрофируется, дряхлеет, теряет силу и энергию движения. Лошадь, спущенная на перед, движется тяжело, а при перемене направления при малейшей неверности шага часто падает.

Вообще части тела, которые работают сверх меры, слабеют и скоро разрушаются. Только этим и можно объяснить то громадное количество брака, который выраниживают ежегодно из эскадронов. Лошадей бракуют в таком возрасте, в котором они должны бы еще служить и служить.

Поэтому главная задача выездки и заключается в том, чтобы поставить лошадь в равновесие. Так как никто не станет спорить против того, что выезжать лошадь трех с половиной лет легче, чем пятилетнюю, то и с этой точки зрения выгоднее брать для выездки лошадь в этом возрасте.

Никакие теории и умозрительные выводы не дают ответа на вопрос, может ли лошадь в три с половиной года выдержать выездку. Разрешают его опыт и факты, и разрешают в положительном смысле. Полукровных лошадей в два с половиной года берут в скаковую выдержку, и в три года они достигают такого развития, что в этом возрасте скачут. Работа и усилия лошади во время шести месяцев выдержки и бегов в двадцать, в сто раз серьезнее работы и усилий, которых требует умеренная и несложная выездка строевой лошади.

Все мною сказанное выше приводит к тому, в чем я глубоко убежден, — что надо покупать ремонтную лошадь в возрасте трех с половиной лет. К трем с половиной годам успевают доразвиться даже лошади медленно растущих пород и такие, которые благодаря дешевой выдержке всегда запаздывают в росте и развитии.

Ремонтная лошадь четырех с половиной и пяти лет такова, какая она есть теперь, оттого, что раньше ее не кормили и не давали движения. Я не ошибаюсь, утверждая, что эти лошади были лучше в трехлетнем возрасте, так как голодали только три года, а не пять лет. Водянистый, разрыхляющий корм, который они получали, был уже недостаточен для их организма и моложе трехлетнего возраста. Тот же корм в последующие два года становится для них уже прямо разрушительным, так что лошадь за это время не только не выигрывает, но даже проигрывает.

Сколько бы ни платило правительство, какие бы премии оно ни давало, но производитель никогда не будет кормить лошадь, если он должен держать ее у себя до пяти лет. Не будет он кормить ее потому, что это ему невыгодно.

Дело обстоит бы совсем иначе, если бы коннозаводчик мог представлять в комиссии лошадей в трехлетнем возрасте. Коневодство — коммерческое предприятие. Чем раньше уходит с рук продукт, тем оно становится прибыльнее. Зная, что всякая лошадь, хорошо выдержанная до трех лет, будет от него принята, заводчик приложит все старание и будет помогать ее развитию. Продавая трехлетку даже дешевле, чем теперь пятилетка, коннозаводчику будет выгоднее увеличить расходы по содержанию лошади на короткое время, чем растягивать дешевое содержание на долгое время. Заводчик был бы вынужден улучшить содержание, так как в противном случае лошадь останется у него на руках. Никакие уловки при продаже трехлетки не помогут. Лошадь должна иметь установленный рост, а рост и дает только хорошее содержание. Покупая лошадей в три года, правительство не будет встречать конкуренции барышников. Барышник покупает лошадь с целью перепродать ее как можно скорее, но в три года она еще не годна ни для какой работы и требует ухода и выездки еще в продолжение по крайней мере целого года.

В настоящее время купленную для ремонта лошадь отдают на прокорм землевладельцам или отправляют в депо. И тут и там лошадь ставится в лучшие условия, чем у перекупщиков (промышляющих передержкой купленных жеребьями лошадей), но все-таки условия эти недостаточны для ее должного развития, а землевладельцу к тому же и не расчет содержать ее как следует. Лошадь за это время поправляется не настолько, насколько следовало бы, а правительство теряет полтора года на ожидание.

Я полагаю, что молодых лошадей следовало бы тотчас после покупки ставить во все условия, при которых они могли бы скорее закончить свое развитие, прибавить силы, приобрести послушание, и чтобы через полгода их можно было бы взять в службу. Одним словом, с первых дней брать их на овес и в выездку. Конечно, приступать к сухому корму и выездке надо постепенно и методически.

Ремонтное депо из конюшен-овчарен, как называл их недавно один генерал, следовало бы обратить в настоящую школу выездки. Во главе этой школы должен стоять сведущий командир, а нижние чины должны бы быть совершенно и основательно обучены делу.

Без толку нельзя пичкать овсом молодую лошадь. Нельзя под видом проездки слишком много гонять ее и усиливать аллюры.

Выскажу мой взгляд на то, как и в какой последовательности следовало бы в продолжение первых трех месяцев давать лошади от трех-четырех лет корм и упражнять ее в движении. Выкладывать надо за полгода до работы, то есть в два с половиной года. Если рано сесть на выложенную лошадь, то ее поясница слабеет и останется характерная шаткость зада.

Первый месяц

Первые две недели: 2 литра овса утром, 2 в полдень и 2 вечером, а всего 6 литров в день. Я имею в виду лошадь, не выдавшую овса. В противном случае ей следует давать его сразу по 2 литра утром, 3 в полдень и 3 вечером, всего 8 литров в день. Овес я подразумеваю местный, а не тот мерзкий продукт, который дается в войсках под названием «белый русский овес». Один час проводки в поводу в манеже, а еще лучше, если позволяет погода, на воздухе.

Вторые две недели: 7 литров овса — 2 утром, 2 в полдень и 3 вечером. Та же проводка в поводу.

На пять минут каждый день брать лошадь на корду, гонять ее половину времени шагом, половину рысью.

Второй месяц

Первые две недели: 2 литра утром, 3 в полдень и 3 вечером, всего 8 литров овса в день. Проводка по полтора часа. Увеличивать гонку на корде до пяти минут безостановочной рыси на каждую руку. Между переменами руки делать передышку в несколько минут.

Вторые две недели: 3 литра утром, 3 в полдень и 3 вечером, то есть 9 литров овса в день. Та же проводка и та же гонка на корде. Обыкновенно овес дают лошадям в промежуток от 6 часов утра до 6 вечера. По-моему, утреннюю дачу следует давать в 5 часов утра, а вечернюю в 8 часов вечера.

Третий месяц

Первые две недели: 3 литра утром, 3 в полдень и 4 вечером, то есть 10 литров овса в день. Для кирасирских лошадей надо 12 литров, и эта дача должна быть постоянной.

Та же проводка. К концу работы на корде стараться прибавлять по одной минуте на репризу в каждую сторону. Сажать на лошадей солдат на попонку; ездить на них на уздечке шагом по пять минут, хлыста и шпор не брать. В конюшне седлать лошадей, подпруги подтягивать очень слабо. Ставить лошадей на несколько минут под седло в станках и день ото дня время их нахождения под седлом увеличивать.

Вторые две недели: то же движение; седлать и мундштучить в конюшне и ставить головой к проходу. Мундштучить после работы на корде и начинать сгибание затылка и челюсти. Гонять на корде рысью под седлом с отпущенными поводьями, замундштученной. Ни под каким видом на корде не давать лошади скакать, так как галоп еще больше ставит невыезженную и неуравновешенную лошадь на плечи. Корду надо пристегивать к недоузду и ни под каким видом не надевать капцуна. Для корды годится всякая легкая веревка, например фуражная.

Несколько человек должны быть наготове, когда другие садятся на лошадей, для того, чтобы брать за повод и вести тех лошадей, которые сами не хотят идти вперед. Сажать солдат в этот период надо не для выездки, а лишь для того, чтобы приучать поясницу лошади к тяжести всадника.

После трех месяцев ухода, который я изложил, лошади настолько въедятся в сухой корм, что будут в состоянии переносить более усиленную работу. Они выбегаются на рыси, будут терпеть всадника, давать седлать себя и мундштучить и будут немного размяты сгибаниями. Они будут не только подготовлены к выездке, но незаметно их выездка уже будет начата. Выездка строевой лошади представляет собой азбуку выездки и не требует от лошади никаких тонкостей. Так как лошади придется иметь дело с грубой рукой и шенкелями солдата, то лучше, чтобы она не была слишком чувствительна к воздействиям повода и шенкеля. Строевая выездка заключается только лишь в следующем: лошадь должна смело подаваться вперед под шенкелями и легко опираться на трензель; идти шагом, рысью, галопом на обе ноги; должна прыгать и брать препятствия; поворачивать и осаживать. При всех движениях лошадь должна держаться в горизонтальном равновесии. Хотя и надо стараться ставить лошадь в повод, но добиваться этого во что бы то ни стало не следует.

Нужно приучать лошадей ничего не бояться и не пугаться, так как строевая лошадь должна быть смела и идти повсюду и на все. Приучать ее к этому надо в манеже, разбрасывая разные предметы, а во время раздачи овса следует трубить, бить в барабаны, стучать оружием, стрелять.

Я думаю, что все требования этой элементарной и вместе с тем специальной выездки могут быть усвоены всеми лошадьми, невзирая на их характер. После трех месяцев подготовки можно и следует приступить к выездке в ее настоящем значении.

Первый месяц

Первые две недели: лошади поседланы и замундштучены.

Начинать с работы на корде. Прибавлять хода и подгонять бичом возможно больше зад под корпус. В продолжение нескольких минут держать лошадей на предельной резвости и тщательно стараться не переходить за нее. Если формировать рысь, то можно или нагнать лошадь на плечи, или спутать ей ход. Репризу вести на каждую сторону в продолжение пяти минут.

Ездить лошадей под седлом четверть часа в день шагом, чтобы работать им спину. Кожа загрубеет, спина привыкнет к седлу, и оно не будет набивать ее. От лошадей ничего не требовать.

В продолжение десяти минут работать лошадёй сгибаниями затылка, приучать ходить задом вокруг переда и осаживать. Работу производить в поводу.

Проводка в поводу в продолжение часа по манежу, а если погода позволяет, то на воздухе. Это следует соблюдать при всякой возможности.

Вторые две недели: та же работа на корде. Начинать делать дубле, вольты и перемену направления через манеж. Приучать лошадёй уступать каблук. Вначале довольствоваться двумя-тремя шагами кругового движения. Заканчивать урок в поводу в руках.

Второй месяц

Первые две недели: две минуты рыси на каждую сторону, на корде. Садиться на лошадёй. Продолжение предшествующих упражнений и укрепление в них лошадёй.

Ставить лошадёй рядами и по четыре. Езда порознь. Часто останавливать лошадёй и приучать их к стойке. Все упражнения, которые делались на шагу, с этого времени начинать производить сокращенной рысью. Увеличивать число шагов в сторону. Осаживать. Работа в поводу.

Вторые две недели: та же работа на корде и утверждение в предшествующих упражнениях. Делать перемены направления рядами и по четыре рысью. Ездить навстречу и разъезжать по всем направлениям. Делать повороты на ходу и заканчивать их несколькими шагами принятия. Продолжать работу в руках, в поводу, потребовать сдачи затылка (до этого времени не требовалось, но пробовалось) при поставленной голове. Начинать работать ганаши (боковые сгибания). Принимание через манеж и по барьеру. Принимание по барьеру, которое гораздо легче делать, надо исполнять только под всадником.

Третий месяц

Первые две недели: та же работа на корде. Прибавлять рыси на переменах направления и при всех движениях смены. Вымахивать рысь по прямому направлению. Боковые движения. Начинать подъемы в галоп с правой ноги, а когда лошадь утвердилась, то и с левой. Когда лошади утвердились на галопе, делать на нем те же упражнения, которые производились шагом и рысью. Усиливать и требовать больше отчетливости в сгибаниях в поводу. В конце урока начинать приучать лошадёй прыгать (см. главу о прыжке).

Вторые две недели: те же упражнения. Приучать лошадёй к флагам, холодному и огнестрельному оружию, к выстрелам, идти на огонь и плавать.

Что должен делать всадник, когда нужно переплыть реку? Напрасно было бы думать, что лошадь, не приученная плавать, поплывет сама собой, лишь только она перестанет чувствовать под ногами твердую землю. Неумелая лошадь старается только держать шею и голову над водой, отчего ее зад идет вниз. Лошадь стоит в воде на три четверти вертикально. Плавать ей в таком положении трудно. Если на ней сидит неопытный всадник, то оба они в девяти случаях из десяти утонут. Стоит только немного потянуть за повод или подать корпус назад, зад лошади еще более опустится, лошадь встанет вертикально и, не имея возможности податься вперед, должна повернуться на спину и пойти ко дну. По-настоящему всадник должен захватить рукой пасму гривы, нагнуться вперед и лечь на шею лошади, но не трогать ее голову. Колени надо только держать к седлу, чтобы вода не смыла с него. Это единственное положение, при котором ездок может держаться в седле, а лошадь — плыть. Трензельные поводья должно иметь в каждой руке. Если нужно лошадь направить в сторону, то поводья отводить в сторону, но не тянуть назад ни под каким видом. Надеюсь, что этому способу обучают и солдат. *(От издателя: более практично изложены правила для переправы у нас в Наставлении для обучения плаванию, см. «Наставление для ведения занятий в кавалерии», 1896 г.)*

Вся выездка должна продолжаться три месяца, и за это время лошади узнают все, что нужно для кавалерийской службы. Укрепить и втянуть лошадёй в работу, закалить их и сделать тягучими и выносливыми должна их служба в строю, работа на учениях.

Оглянемся назад. Комиссии покупают лошадёй с апреля по сентябрь, так что средний возраст лошадёй, купленных в три года, ко времени поступления в депо будет три с половиной

года. Три месяца должно пойти на подготовку, три месяца на выездку, и в четыре года лошадь будет выезджена и готова к службе.

Работа, веденная при соблюдении вышеизложенных условий, не только не разрушит лошадь, но, как показывает опыт, разовьет и укрепит ее. В настоящее время строевую лошадь начинают выезжать в пять лет, выезжают ее целый год, и тем не менее люди сведущие находят ее выездку далеко не совершенной. Неудовлетворительность выездки я приписываю тому, что лошадей начинают выезжать, с места не поставив их предварительно в равновесие, то есть не сообщив им способности возбуждать в себе посыл. Посыл составляет необходимый элемент выездки.

Боше справедливо обвиняет старую школу в том, что она допускала в лошади разлад. В старину старались ставить лошадь в равновесие, вгоняя ее в него разлаженными аллюрами, не развязав и не размягчив ее предварительно. Переворот, произведенный в выездке Боше, заключается в том, что он доказал, что сначала надо уравновесить лошадь, а затем уже вырабатывать правильность ее движений. Ошибка Боше состояла в том, что он старался достигать равновесия, работая на месте и упуская из виду необходимость посылы на движении вперед. Равновесие по его методу получалось неустойчивое. Я уравниваю лошадь, подавая ее вперед в порядке, указанном в книге.

В начале моей карьеры я работал лошадями на месте, но теперь работаю их на ходу, подавая вперед. Этим моя метода и отличается от метода Боше. Я не ставлю лошадь, как Боше, в замкнутое, почти неподвижное равновесие, то есть в положение, близкое к постановке за поводом, но, напротив, с первых шагов веду ее к пониманию воздействий шенкелей и поводьев, при помощи которых и поддерживаю равновесие посылом вперед. Лошадь на переду, подаваясь вперед, тянет за передом зад. Посыла не может быть. Посыл является тогда, когда лошадь подводит задние конечности под себя, то есть под центр, чем и уравнивает себя.

В прежние времена лошадь вели рысью и галопом, не уравнивая тяжести массы равномерно на все конечности. При этом, очевидно, искажался сам смысл выездки. Поднимая или вгоняя в равновесие лошадь, усиленными аллюрами поставить ее в него нельзя. Подобными приемами не только нельзя получить нужного, но они надламывают силы лошади и усиливают ее недостатки.

Большинство лошадей, особенно в то время, когда они впервые идут под всадником, лежат на переду, на плечах. Если, не уравнив предварительно, поставить лошадь на усиленные аллюры, то, конечно, она еще больше ляжет на перед и разобьет его. Лошадь несет голову низко, на уровне холки. Остановиться или повернуться ей трудно, но зато легко упасть. Так как лошадь может ставить шею, как хочет, то она может и не слушать ни повода, ни шенкеля. Удило мундштука может действовать в полной силе только тогда, когда шея лошади поднята, а голова опущена почти по отвесу, а при опущенной вниз голове оно не может давить на десны, мундштук теряет силу, действует почти как трензель, и лошадь отделяется от повода. Говорят, что в полках сотнями считают лошадей, не отходящих от фронта. Это доказывает, до какой степени недостаточна выездка в кавалерийских полках, так как если лошадь непослушна, то, значит, она не выезджена.

Если получают такие результаты после года работы, то, значит, сама работа не рациональна.

По положению выездка должна быть ведена так, чтобы в случае мобилизации молодые лошади могли поступать в строй 1 апреля каждого года, то есть выездка должна продолжаться три месяца. Несмотря на требования инструкции, выездку в мирное время нарочно затягивают на год. Объясняют это отступление тем, что будто бы части, в которых выездка шла быстрее, то есть в которых лошади ставились в строй после трех месяцев, теряли от порчи больше лошадей. Может быть, оно и так, но я все-таки сомневаюсь.

Думаю, что истинная причина такого явления заключается в том, что плохо кормленные до поступления в войска лошади просто не выдерживают теперешней выездки и разрушаются быстро. Я представил выше неопровержимые факты, доказывающие, что если применить рациональную, следовательно, и более ускоренную выездку, то лошади не только не изнурялись бы, но крепили и дольше служили. Полагаю, что и солдаты скорее освоились бы с приемами,

которые я предлагаю, чем с теми резкими ухватками, которые от них требуются и которых они к тому же и не понимают.

Вместо того чтобы заинтересовать ездой, развить любовь к делу и лошади (основное чувство кавалериста), в настоящее время обучение солдата ведется так, что ему достается от лошади и за лошадь, а лошади зато достается от солдата.

Может быть, мне скажут, что выездка, которую я предлагаю, слишком тонка. Почему же, отвечу на это я, немцы, к тонкости вообще мало расположенные, не находят ее слишком тонкой? Почему они каждую лошадь работают в одиночку гораздо больше, чем принято ее работать во Франции? Почему они начинают выездку с уравнивания лошади? Почему у них принята метода рациональной выездки, а не метода загонки лошадей? Почему лошади у них служат долго? Все это потому, что они научились основам езды, выработанным во Франции, применили их к делу, а в классической стране берейторского искусства только топчутся на месте и не могут отделаться от обаяния рутины.

Примечание от издателя. Имея возможность неотступно наблюдать в течение почти трех лет в офицерской кавалерийской школе за работой Д. Филлиса и сравнивая лошадей «доездки», то есть в возрасте четырех с половиной лет, бывших в «подъездке» в сменах Филлиса с трех с половиной лет (на мундштуках), с лошадьми того же возраста, работанными в прежние годы по нашему наставлению для подъездки ремонтных лошадей (на уздечке), приходится прийти к заключению, что лошади, работанные Филлисом, к четырем с половиной годам значительно сильнее, энергичнее, в движениях их полная гармония, их дыхание и мускулы более развиты, нежели у лошадей второй категории, на которых нужно потратить еще год, чтобы достигнуть тех же результатов.

Комментарий специалиста

Понятие «кавалерийская лошадь» в двадцатом столетии потеряло свою актуальность, и никто уже не производит таких массовых государственных закупок лошадей, но глава остается актуальной и для современных специалистов, занимающихся разведением лошадей.

Во-первых, конные заводы часто выращивают молодняк при очень скудном кормлении и увеличивают дозу овса только перед реализацией, как барышники перед ярмаркой. Как утверждает автор, такие лошади не годятся для работы, но выглядят эффектно.

Во-вторых, отправляя лошадь на доразбивание и передержку, вы всегда можете оказаться в ситуации, близкой описанной выше, когда недобросовестный перекупщик не обеспечит полноценного кормления вашей лошади.

В-третьих, заездка молодой лошади, работа с ней, подробно описанная в главе, является хорошим руководством при работе с плохо развитой и недокормленной.

Все предложенные Джеймсом Филлисом нововведения могут найти широкое применение в практике современного коневодства, подготовке спортивной лошади. Они позволят продлить срок полноценной службы лошади. В современном конном спорте средняя продолжительность работы лошади не превышает двух-трех лет. В возрасте шести—восьми лет они уже могут использоваться только в начинающем прокате и уже не пригодны для серьезной работы.

В кавалерийский полк и конную милицию поступают лошади, отнесенные к племенному браку, после ипподромных испытаний или бонитировки в возрасте двух-трех лет. Работа с ними идет далеко не по представленной методике. Поменялись и цели, в которых их используют. Кавалерийский полк работает при съемках кинофильмов, а конная милиция патрулирует парковые массивы в городе и обеспечивает порядок в местах крупного скопления народа на стадионах, выставках, различных шоу.

Новые методики подготовки лошадей такого уровня уже существуют, они базируются на старых кавалерийских традициях и новых достижениях науки.

Часть третья

Глава I

ВЫСШАЯ ЕЗДА

Приемы и упражнения, которые применяются в так называемой высшей езде, будут составлять предмет предлагаемого исследования. Упражнения эти представляют собой продолжение и развитие приемов обыкновенной езды, о которой говорилось во второй части этой книги. Выполнение этих упражнений труднее, они менее в ходу. Некоторые движения, исполняемые при езде высшей школы, естественны, некоторые же искусственны. Например: все движения на галопе принадлежат к движениям естественным, а испанский шаг представляет собой тип движений искусственных.

Часто приходится слышать, что высшая езда преждевременно расслабляет лошадь, разрушает и калечит ее. Говорят: может ли лошадь безнаказанно, не расслабляя сухожилий и связок, исполнять столь трудные упражнения? Ответ, однако, прост: посмотрите на акробатов, которые тоже напрягают силу и энергию. Разве они расслаблены? Разве разбиты их руки, ноги, плечи? Напротив, даже по наружному виду своему они бросаются в глаза своими развитыми, твердыми, как сталь, мускулами, своим здоровым видом. Конечно, если акробатические упражнения как с человеком, так и с лошадью начать производить без подготовки, вдруг, то и лошадь и человек неминуемо разрушатся. Если же идти постепенно, осторожно, последовательно напрягать мускулы соответственно тому, насколько они развились, то и человек и лошадь будут исполнять акробатические упражнения относительно легко; здоровье не только не пострадает, но и, напротив, укрепится. Я выезжаю лошадей в таком молодом возрасте, как никто до меня не начинал выезжать, но тем не менее все они совершенно целы. Несомненно, ездой высшей школы разрушено много лошадей. Но дело тут не в приемах езды, а в том, что лошадей недостаточно подготавливают предварительной выдержкой да и выездка ведется дурно.

Выездка лошади есть искусство. Между представителями этого искусства попадают и шарлатаны и эмпирики. Если лошадь выезжать методически, то упражнения, через которые ее приходится проводить, не только не разбивают, но укрепляют ее.

Ездокам, которые свысока смотрят на езду высшей школы, я советую припомнить басню о лисице и винограде.

Комментарий специалиста

Утверждение, что «ездой высшей школы разрушено большое количество лошадей», в наше время не актуально. В сравнении с лошадьми, работающими в преодолении препятствий и троеборье, срок их службы значительно больше. Мало того, в выездку попадает много лошадей, уже закончивших свою спортивную карьеру на троеборных или конкурных полях. Терпению, с каким работают спортсмены выездки, могут поучиться многие. Под их седлом часто можно встретить лошадей двенадцати—шестнадцати лет. В этом возрасте среди представителей других видов конного спорта можно найти единицы за период всей истории классического конного спорта. Многие спортсмены специально передают на время своих питомцев в руки тренера по выездке, чтобы восстановить нервную систему лошади и выработать правильную реакцию на шенкель, работу повода или просто подъездить лошадь. Элементы, описанные в этой части книги, не используются в соревнованиях. Они очень зрелищны. Применяются в цирковой дрессуре и национальных школах верховой езды. Многие были достижениями самого автора, и он же являлся единственным, кто выполнял эти элементы. Описание подготовки лошади к выполнению этих элементов вы едва ли найдете в какой-либо другой литературе. Эти материалы могут служить руководством к тому, чтобы вы попробовали свои силы.

Глава II ИСПАНСКИЙ ШАГ

На так называемом испанском шагу лошадь попеременно поднимает и вытягивает передние ноги. Заставить лошадь поднимать ноги не трудно, но очень трудно добиться, чтобы она их

хорошо ставила на землю. В этом и заключается вся суть испанского шага. Неизвестно, почему этот шаг называют испанским. Он совершенно не похож на шаг андалузских лошадей, и испанского в нем одно только название. Андалузские лошади на шаг сгибают колени и ставят внутрь бедра. В Испании их ход называют «el paso de campana» (le pas de la cloche). Шаг этот скорее следовало бы назвать «учебным шагом».

Начинать обучение лошади надо пешком. Лошадь поставить налево (чтобы барьер не дал ей возможности податься вправо). Встать у левого плеча. Поднять довольно высоко и подать вправо голову лошади для того, чтобы, передав на правую переднюю ногу большую часть тяжести переда, облегчить левой ноге возможность подняться.

Когда лошадь таким образом поставлена, надо очень мягко концом хлыста трогать ее по левой передней ноге. Невозможно определить точку, которой надо касаться хлыстом, так как у каждой лошади наиболее чувствительное место ноги различно и находится на всем пространстве от локтя до бабки.

Сначала лошадь не понимает, чего от нее хотят, и первым ее впечатлением будет удивление. Обычно она старается как-нибудь отделаться, но броситься вправо ей мешает барьер, а закинуться влево ее не допускает хлыст. Лошадь может только осадить. В этом случае следует моментально прижать конец хлыста за подпругой, отчего она должна будет податься вперед. Почти всегда после нескольких мгновений удивления лошадь начинает скрести землю ногой, по которой ее трогает хлыст. Лишь только лошадь подняла ногу, надо тотчас ее погладить. Она поймет, что это от нее требовалось. После нескольких дней упражнения лошадь, чуя приближение хлыста, сама станет поднимать ногу. Когда лошадь хорошо поняла и стала поднимать левую ногу, надо начать то же упражнение с правой ногой. И тут следует непременно поднять вверх и подать влево ее голову.

Вначале надо довольствоваться малейшим признаком послушания лошади. Довольствоваться незначительной уступкой лошади вначале — лучшее средство не надоесть ей и не возбудить в ней отвращения к требуемому движению, так как частое прикосновение хлыста выводит ее из терпения. Обычно на первом же уроке лошадь начинает поднимать ногу. Поднимает она ее не вытягивая (чего требует прием), но или скребет ею землю, или болтает в воздухе. Но не только наказывать лошадь, но даже и настаивать, как я сейчас сказал, отнюдь не следует. Лошадь еще не понимает, в чем дело, поэтому ее легко сбить с толку.

Постепенно надо добиваться, чтобы лошадь не только поднимала ноги, но и вытягивала их вперед, и вытягивала бы совершенно горизонтально, до уровня своих плеч.

Я признаю только тогда, что лошадь действительно идет испанским шагом, когда она выносит ноги, как сказано выше. Когда лошадь выносит ноги правильно, то есть горизонтально, то надо приучать ее правильно же ставить их на землю, то есть без малейшего сгиба в колене. В этом и состоит правильность хода испанским шагом.

Когда лошадь совершенно вытянула ногу, следует подать ее трензелем вперед настолько, чтобы она, не сгибая колена, встала на эту ногу. "Сгибая колени, и сгибая их неодинаково при опускании ног на землю, лошадь будет делать короткие и неровные шаги, задевая зацепом землю. Скажу еще раз: непременно следует добиваться того, чтобы лошадь держала ногу совершенно вытянутой до того момента, когда она ступит на нее. При этом условии шаги будут совершенно равны.

Когда лошадь стала вполне правильно делать каждой ногой по шагу, надо сесть в седло и вести обучение верхом. Скажу тем не менее, что при обучении лошади пешком успеха можно достигнуть быстрее, но зато никогда лошадь не будет так грациозно и правильно идти испанским шагом, как если бы она была обучена ему под седлом. Объясню почему: работая пешком, невозможно ставить лошадь в повод, так как приходится тянуть ее вперед трензелем. Голову лошадь ставит неверно и теряет грацию. Ничего подобного не бывает при обучении лошади под седлом, так как ее подают вперед шенкелем, что несравненно удобнее и вернее. По моему мнению, обучать лошадь испанскому шагу следует непременно под наездником.

Итак, добившись двух первых правильных шагов, надо оставить работу пешком и сесть в седло. Я работаю лошадь следующим образом.

Оба мундштучные и левый трензельный поводья беру в левую руку, а правый трензельный и хлыст — в правую. Становлюсь на левую руку, ставлю лошадь, довольно сильно поднимаю ей трензелем голову и начинаю требовать от нее подъема правой ноги. Для этого надо действовать левым шенкелем. Подать лошади зад вправо под давлением этого шенкеля и допустить барьер. С этой целью я, работая правую ногу, ставлю лошадь на левую руку. Обе руки подаю влево и твердо прижимаю левый шенкель (впоследствии шенкель будет усилен шпорой). Правый трензельный повод натягиваю чувствительнее других поводьев и одновременно с левым шенкелем (действует сильнее) за подпругой поддерживаю лошадь от осаживания правым шенкелем. Воздействие помощников является в следующем виде: поводьями я перемещаю всю тяжесть переда лошади на ее левое плечо; в то время, когда я, подняв правым трензелем голову лошади, легкими ударами конца хлыста трогаю ее по правому плечу, — левый шенкель заставляет ее поднять правую ногу. Сначала лошадь ничего не понимает, беспокоится. Описанное воздействие поводьев мягко, но упорно надо продолжать до тех пор, пока лошадь поднимет ногу. Лишь только лошадь сделает какое-либо движение правой ногой, надо ее тотчас погладить, отпустить ее, объехать кругом манежа и начать повторение того же снова. Те же приемы, но в обратном смысле я применяю для левой ноги. Недели не пройдет, как лошадь станет поднимать обе ноги под описанными воздействиями помощников и хлыста; тогда я начинаю постепенно оттенять эти воздействия. По мере уступчивости лошади я ослабляю воздействие хлыста и усиливаю указание шенкелей. Постепенно довожу лошадь до уступки одним шенкелям и шпоре и бросаю хлыст. Теперь мне уже ничего не стоит, когда нужно, подать лошадь вперед (совсем не то при работе пешком).

Итак, лошадь поднимает обе ноги; хлыст оставляю. Рассмотрим подробно воздействие помощников в их полноте.

Левый шенкель и правый повод заставляют лошадь поднять правую переднюю ногу. Когда нога вполне вытянута, я равняю давление обоих поводьев и держу их одинаково натянутыми до того мгновения, когда лошадь ступит ногой на землю. В этот момент шенкелями посылаю лошадь вперед. Посыл держит ее прямо, не дает правой ноге согнуться в колене и заставляет ее вполне вытянутой ступить на землю впереди левой ноги. Тотчас же правым шенкелем и левым поводом поднимаю левую переднюю ногу, равняю поводья, подаю шенкелями вперед. Очевидно, для связи одного шага с другим и правильности всего движения необходимы полная отчетливость и точность диагонального, как и всегда, воздействия помощников.

На испанском шагу делают и «назад равняйся». Для этого поводьями осаживают лошадь в тот момент, когда передняя нога совершенно вытянута вперед. При исполнении такого рода осаживания очень трудно удержать лошадь верно, то есть не дать ее задунуться вправо или влево в тот момент, когда она вытянутую переднюю ногу заносит назад за стоящую на земле. Случается, что лошадь, торопясь осадить, вытягивает передние ноги вперед наполовину. В таком случае следует снова начать упражнения вытягивания ног вперед тем же темпом и добиваться их полного выноса.

Как бы хорошо читатель ни усвоил себе изложенное, как бы точно ни применял он на деле указанные приемы, он не должен рассчитывать на верный успех. Успех зависит от степени чуткости всадника, от его умения пользоваться малейшими обстоятельствами, умения ловить малейшую возможность передать лошади всю волю.

Весь вопрос в чувстве «чувствовать лошадь». Во всяком случае, выезжая первую лошадь, ездуку неминуемо придется идти ощупью, и только выездив три или четыре он будет в состоянии разобраться, идет ли он по верному или ложному пути.

Обучать лошадь испанскому шагу следует начинать только тогда, когда она вполне развязана сгибаниями и чутка к воздействию помощников, то есть когда ездук уверен, что в каждый нужный момент он может подать ее вперед. Поднимая шею лошади, всаднику приходится держать руки высоко, отчего большая часть тяжести лошади передается назад; при этом, очевидно, очень легко поставить ее за повод. Может случиться, что, вместо того чтобы поднять одну из передних ног, лошадь поднимет обе, то есть даст лансаду или встанет на дыбы. Лансада как движение вперед не представляет собой очень опасного рода отказа, чего нельзя

сказать про дыбы или свечку, особенно если еще в такой момент поводья окажутся натянутыми. В этом случае надо, отдав поводья, обеими шпорами энергично столкнуть лошадь вперед, то есть подъем на дыбы обратить в лансаду.

Скажу еще раз, что приступать к испанскому шагу можно только тогда, когда лошадь при каких бы то ни было обстоятельствах при нажатии шпоры верно подается вперед.

Во все время выездки приходится постоянно, не дожидаясь исполнения лошастью какого-нибудь требования, отказываться от него для того, чтобы подавать вперед. Если ездок даст малейшую возможность лошади встать за поводом, то очень скоро лошадь возьмет сноровку не подаваться вперед. Лошадь мигом поймет, что, становясь за поводом, она может отделаться от сбора, и станет ежесекундно прибегать к этой уловке.

Время обучения лошади послушанию шпоре стоя на месте представляет собой очень опасный период выездки. В это время лошадь может очень легко стать за поводом. Очень часто ездок даже и не замечает, что его лошадь уже стоит за поводом. Вообще ездок, впервые выезжающий лошадь, неминуемо несколько штук из них поставит за повод. Вину обыкновенно взваливают на методу выездки, но дело тут не в методе, а в том, как ее применяли. Следует принять за правило: если лошадь «не поднимается» на повод, она за поводом.

Я держусь одного правила: вперед, еще вперед и всегда вперед. Невозможно добиться полного подчинения лошади, не осилив ее в более или менее сильной борьбе. После каждой жаркой схватки, в которой ездок осилил лошадь, на следующих уроках она бывает необыкновенно послушна. Это неизменное явление. Никогда не следует предъявлять к лошади какого-либо трудного требования, не подготовив ее к нему предварительно. В противном случае борьба неминуема и, что хуже всего, лошадь может выйти из этой борьбы победительницей. Наездник должен ясно отдавать себе отчет, можно ли в данную минуту требовать от лошади исполнения того или другого движения. Неподготовленная к какому-либо движению лошадь ни в каком случае его не выполнит, а неминуемо начнет противиться. Ту же работу, но позже можно будет потребовать от лошади без риска.

Лучше выезжайте лошадь в продолжение целого года, чем полугода. Чем труднее лошадь, тем дольше надо ее выезжать. Прежде чем приступить к выезде высшей школы и обучению искусственным движениям, если нужно, затратьте хотя бы и полгода на то, чтобы хорошо уравновесить ее на трех естественных аллюрах и приучить ее верно осаживать.

Собственно испанскому шагу я не придаю никакого значения, но упражнение в нем необходимо для того, чтобы можно было закончить выездку лошади высшей школы.

Лошадь, не знающую испанского шага, нельзя обучить пируэтам на трех ногах и испанской рыси, для каковых упражнений ездок должен заставлять лошадь поднимать по его желанию ноги. Вызывать исполнение этих упражнений ездок может только воздействием шпор, и только при воздействии их он может вести лошадь в равновесии, ставить ее в повод и заставлять ее поднимать ноги так высоко, как он хочет.

Придуман еще способ обучать лошадь испанскому шагу; способ очень распространенный, поэтому и считаю нужным сказать несколько слов о нем.

Я этого способа никогда не применяю, но он в большом ходу у сторонников «новой школы» выездки. «Новой школой» я называю поколение ездоков, народившееся после смерти Боше. Ездоки эти заменили блестящие манежные мотивы (airs) Боше какими-то странными кривляньями. Для их исполнения лошадью готовят множество приспособлений, применение же этих приспособлений требует много лиц.

Для обучения лошади испанскому шагу по методу «новой школы» требуется целая команда из четырех рядовых, а иногда и больше, и капрала.

На каждую переднюю бабку надевают по подвязке. К каждой подвязке привязывают по веревке, а каждую из этих веревок держит по человеку. Третий номер держит лошадь за повод и должен действовать хлыстом. Капрала сажают на седло, а пятому номеру поручается высокая миссия: держать бич. Каким же совместным приемам всей команды подвергается несчастная лошадь.

Номер третий бьет по ноге лошади хлыстом; номер первый тянет за эту ногу веревкой, капрал жмет лошадь правым шенкелем (приучает лошадь поднимать ногу при нажатии шпоры); в это же мгновение пятый номер трогает лошадь по заду бичом, чтобы подать ее вперед.

Когда добились одного шага левой ногой, команда при участии вместо номера первого номера второго принимается за ту же работу с веревкой над правой ногой. Это попеременное упражнение продолжается до тех пор, пока лошадь не привыкнет ходить испанским шагом.

Никак не могу подыскать слова, которыми можно бы назвать эти ухищрения. Дрессировка эта — не дрессировка, и уж во всяком случае не выездка.

Комментарий специалиста

Это наиболее парадный и часто встречающийся элемент. Испанский шаг используют во всех национальных школах езды, и он является любимым в цирковой дрессуре. Важно вышагивающие лошади пленяют зрителей грацией и старанием, с каким тянут ножку. Методы по групповой «работе» распространены и сейчас при подготовке спортивных лошадей. Они объясняются прежде всего недостатком знания и отсутствием должного терпения. Проблемы возникают, как правило, в результате форсированной работы или недостаточной проработки предварительных и начальных этапов.

Дрессировка имеет свои особенности. Поведение лошади, отработанное дрессировкой, фиксируется в мозгу лошади настолько крепко, что выполнять это упражнение она будет и независимо от того, есть в этом необходимость или нет, стоит только включиться сигнальной системе, примененной при дрессировке. А отсутствие какой-либо детали или наличие новой сведет на нет всю работу.

Выезженная лошадь будет выполнять свою программу независимо от ее последовательности, места в манеже или грунта под ногами, по первому требованию всадника.

Глава III ОБРАТНЫЙ ПИРУЭТ НА ТРЕХ НОГАХ

При исполнении этого пируэта лошадь держит одну из передних ног вытянутой все время, пока зад обходит кругом ее перед. В этом упражнении соединяются два приема: обход зада вокруг переда и вытягивание вперед одной из передних ног. Хорошо уравновешенную лошадь обучить этому упражнению очень легко.

Поставив лошадь среди манежа, надо заставить ее начать делать обыкновенный обратный пируэт и после каждых трех шагов требовать от нее подъема и выноса вперед передней ноги. Наружным шенкелем надо все время поддерживать лошадь, то есть ему приходится разом и возбуждать и направлять круговое движение зада и заставлять лошадь поднимать и держать в воздухе переднюю ногу. Действие внутреннего шенкеля нужно для остановки движения. Поясню примером: я желаю обвести зад лошади кругом ее переда слева направо. Левым шенкелем возбуждаю и направляю круговое движение. Когда лошадь описала задом около одной четверти круга, я останавливаю ее правым шенкелем. В то же время левой шпорой (шенкель левой стороны все время нажимает бок) и легкой натяжкой правого трензельного повода заставляю лошадь вытянуть правую переднюю ногу. После более или менее частого повторения этих приемов лошадь скоро начнет делать задом несколько шагов по кругу, вытянув и не опуская правой передней ноги. Мало-помалу она на трех ногах будет описывать полный круг.

Во все время движения надо поддерживать лошадь правым шенкелем довольно чувствительно для того, чтобы не дать ей встать за повод, а, напротив, подавать ее на него. Шею и голову лошадь должна держать высоко и иметь глаз направо. Постановку направо головы определяет правый трензельный повод, и он же удерживает в вытянутом положении правую переднюю ногу. Те же приемы, но в обратном смысле, надо принимать при вращении зада справа налево, с вытянутой левой ногой.

Трудность исполнения этого пируэта заключается в том, чтобы вытянутая нога все время сохраняла это положение. Для этого необходимо настолько уравновесить лошадь на трех ногах, чтобы передняя нога, стоящая на земле, не сходя с места, могла служить стержнем для кругового движения задом.

Руки при исполнении обратного пируэта слева направо надо подавать влево. Натянутые влево поводья будут передавать тяжесть переда лошади на ее левое плечо. При исполнении того же пируэта справа налево стержнем служит правая передняя нога. Руки с поводьями надо подавать вправо, дабы, передав тяжесть переда на правую переднюю ногу, облегчить левой ноге возможность подняться и вытянуться вперед.

Комментарий специалиста

Необычный элемент, описанный в этой главе, встречался только в цирковых программах. Практического применения не имел ни в кавалерии, ни в высшей школе верховой езды классического уровня. В национальной французской езде его используют в показательных выступлениях в музее лошади в Шантильи. Венская и испанская школы его не применяют.

Глава IV ОБРАТНЫЙ И ПРЯМОЙ ПИРУЭТЫ НА СКРЕЩИВАЮЩИХСЯ ПЕРЕДНИХ НОГАХ

Обратный пируэт этого рода исполняется точно так, как и на трех ногах, но только на месте стоят обе передние ноги и по мере обхода вокруг них зада перекрещиваются одна с другой.

При исполнении прямого пируэта лошадь обходит плечами вокруг зада и перекрещиваются задние ноги.

Делать обратный пируэт легко — прямой очень трудно.

Комментарий специалиста

Этот элемент также не нашел широкого применения. Он зрелищен, встречается в цирковых программах скорее шуточного характера.

Глава V «НАЗАД РАВНЯЙСЯ» БЕЗ ПОВОДА

Нетрудно приучить лошадь осаживать без повода, но такого рода осаживание не всегда безвредно для лошади и безопасно для ездока. Так как в данном случае приходится работать одними шенкелями и шпорами, то, очевидно, ездоку очень легко поставить лошадь за повод, а лошади подняться на дыбы. Молодым неопытным ездокам, которым не пришлось еще предварительно выезжать нескольких лошадей, не советую браться за это манежное упражнение, так как оно требует большого умения и опытности.

Особого риска нет, когда имеешь дело с горячей, приемистой лошадью, но нельзя ожидать успеха с лошадью лимфатичной, неприемистой, которая подается вперед только при помощи энергичных шенкелей.

Во всяком случае, наездник может приступить к обучению лошади осаживать без поводьев только тогда, когда он вполне уверен, что она не станет осаживать сама собой, не воспользуется осаживанием, чтобы обратить его в отказ, словом, не приобретет дурную привычку.

Что касается меня, то я приступаю к обучению лошади осаживать без повода только тогда, когда я совершенно подчинил ее себе, когда я вполне уверен, что при каких бы то ни было обстоятельствах я могу мгновенно подать ее вперед.

При начале обучения действую шенкелями и поводьями, как описано в главе об осаживании. Постепенно ослабляю воздействие поводьев, затем оставляю их совершенно и вызываю

осаживание одними только шенкелями. В этом и заключается вся трудность. Надо, так сказать, подавать лошадь назад ляжками и шенкелями, давать ими посыл спереди назад.

Во время всей предшествующей выездки я приучал лошадь при малейшем указании шенкелей подаваться вперед, при осаживании без поводьев появляется обратное требование. Естественно, что лошадь сначала сильно недоумевает. Она всегда и легче всего раздражается, когда не понимает, чего от нее требуют, поэтому ездок должен стараться сохранять полное спокойствие. Лишь только лошадь сделает два-три шага назад, ездок должен тотчас раздать ляжки и каблуками или шпорами подать ее на столько же шагов вперед.

Необходимо строго следить за тем, чтобы лошадь не осаживала быстрее того, чем от нее требуется.

Итак, сначала я нажимаю шенкеля, а поводья натягиваю настолько, чтобы вызвать осаживание. Ласкаю лошадь, начинаю снова, **но** стараюсь усилить воздействие шенкелей и ослаблять воздействие поводьев. Когда лошадь поняла, я мало-помалу оставляю поводья.

Комментарий специалиста

Осаживание без повода часто неосознанно выполняют горе - всадники, не умеющие работать рукой и едущие на распушенном поводе. Если лошадь податлива на шенкель, она быстро привыкает делать этот элемент без использования повода. Но, как предупреждает автор, это может быть опасно.

Глава VI БАЛАНСЕ НА ЗАДУ (ПЕРЕДОМ)

Исполняя этого рода балансе, лошадь поднимает попеременно, не вытягивая, передние ноги и, опуская их на землю, ставит как можно дальше одна от другой, как бы перебрасывая перед с одной ноги на другую. Когда лошадь умеет идти испанским шагом, то выучить ее балансе нетрудно.

Голову и шею лошади при балансировании передом надо поднимать не слишком высоко. Поднимать и вытягивать ноги по сравнению с испанским шагом лошадь должна наполовину. Я приучаю лошадь балансировать следующими приемами. Поставив лошадь, я заставляю поднять правую переднюю ногу как бы для испанского шага. В момент, когда нога поднялась, но еще совершенно не успела вытянуться, перевожу руки вправо, от чего тяжесть переда, лежавшая на левой ноге, резко передается вправо. Ясно, что лошадь должна тотчас опустить ногу на землю, отнеся ее в сторону вправо, далеко от левой ноги.

Когда лошадь поднимает и опускает правую ногу правильно, теми же приемами заставляю ее проделать то же левой ногой.

Движения каждой ноги составляют два отдельных темпа полного мотива балансе, поэтому оба этих темпа нужно соразмерить и согласовать между собой. Увеличивая все энергичнее и энергичнее перестановку рук то в ту, то в другую сторону, то есть перекидывая все дальше и дальше то вправо, то влево тяжесть переда, лошадь, становясь на землю, все более и более относит в сторону ноги. Шенкеля работают как на испанском шагу, но воздействие их должно быть настолько одновременно, чтобы не дать заду возможности податься в какую-либо сторону. Лошадь довольно скоро приучается исполнять этого рода балансе. Чем дальше вправо и влево заносит лошадь передние ноги, тем исполнение балансе выходит мягче, протяжнее, красивее. Нетрудно добиться, чтобы лошадь ставила одну ногу на расстоянии метра и даже полутора от другой.

Требовать от лошади, чтобы она широко расставляла ноги, можно только тогда, когда балансе она исполняет совершенно чисто. Можно и на ходу вести лошадь в балансе, причем исполнение его становится более грациозным, а лошадь не может встать за повод.

Вести лошадь в балансе труднее, чем заставлять ее балансировать на месте, то есть к описанным приемам надо еще прибавлять и посыл вперед.

Комментарий специалиста

Такого рода балансе великолепно развивает мускулатуру груди у лошади, но нужно помнить, что она должна быть хорошо подготовлена предварительной работой. И как предварительную подготовку к этому элементу автор расценивает обязательное умение выполнять испанский шаг.

Глава VII БАЛАНСЕ НА ПЕРЕДУ (БЕДРАМИ)

Ездок должен обладать большой чуткостью шлюсса, чтобы быть в состоянии научить и вести лошадь в этого рода балансе. При исполнении этого манежного мотива поводом нужно действовать очень мягко, причем давать возможность взять поддержку трензелем переда настолько, насколько ей нужно, чтобы передать тяжесть тела на плечи. Облегченные бедра приобретут большую подвижность.

Лошадь поставить. Так как от нее потребуются исполнение одного за другим двух темпов, то ее нужно совершенно успокоить. Исполнение одного темпа не имело бы значения приема езды высшей школы и не могло бы дать нужного указания лошади.

Нажимаю слегка правый шенкель. Лошадь тотчас поднимает правую заднюю ногу, чтобы переступить ею на один шаг влево. В момент, когда эта правая задняя нога подходит к левой, не допустив ее ступить на землю, я нажимаю левый шенкель. Этот шенкель отталкивает правую заднюю ногу, которая еще находится в воздухе, опять на место и в то же время заставляет лошадь поднять левую заднюю ногу. Эта левая нога опускается возле правой, то есть она делает шаг вправо.

Если ездок пропустит момент вовремя дать левый шенкель и оттолкнуть им назад правую ногу, то нога эта успеет ступить на землю около левой, причем, очевидно, не выйдет отнosa ее вправо, а следовательно, и зад не откатнется в эту сторону.

При начале надо довольствоваться и этими двумя шагами и продолжать их с лошадью до тех пор, пока она не станет их исполнять совершенно спокойно. Когда успех достигнут, то те же приемы следует применить к левой ноге. Затем надо заставлять лошадь делать четыре шага, и постоянно увеличивать их число.

Советую до тех пор, пока лошадь не станет совершенно спокойно и правильно перекачивать зад в обе стороны, не требовать от нее при этом широкого отнosa ног в сторону перекачки.

Широкий относ бедер можно получить от лошади только при помощи шпоры, усиливающей действие шенкеля.

При начале обучения я разрешаю лошади держать голову вниз, в положении, облегчающем ей работу зада. Когда же лошадь совершенно утвердилась в этом упражнении, я ставлю ее в высокий постав.

Лошадь высшей школы всегда должна держаться высоко. Лошадь с опущенной головой всегда неграциозна и тяжела в поводе. Лошадь, выездженная хлыстом, всегда лежит на переди, что и понятно: от удара хлыста по заду она непременно поднимает его вверх. Лошадь, не могу сказать выездженная, но выдрессированная хлыстом, всегда плохо уравновешена и имеет некрасивый вид. Низкий постав шеи представляет полный контраст верному поставу лошади высшей езды. Лошадь высшей школы должна всегда нести высоко перед и задними ногами гибко забирать под центр тяжести.

Если в такт перекачивания зада оттенять действие шенкелей шпорами, то можно легко заставить лошадь передними ногами делать небольшое пиаффе.

Если, исполняя балансе бедрами, подавать лошадь вперед и заставлять ее двигаться небольшими шагами, то получится балансе задом и одновременно пассаж. Этот сложный прием лошадь исполняет свободнее, и он выходит красивее на ходу, чем на месте, так как на ходу легче вести ее в высоком поставе.

При исполнении этого манежного мотива лошадь должна усиленно поднимать как передние, так и задние ноги, поэтому ее нужно держать в полном равновесии. Кажется, я первый исполнял этот прием на чистокровном Амуре. Это было в Париже в 1880 г.

Комментарий специалиста

Встречаются лошади, которые от природы имеют ход, похожий на движение балансе на зад или перед в силу анатомического строения конечностей. Но это не надо путать с элементами, представленными Джеймсом Филлисом. Для лошади, используемой в выездке, важным моментом является правильная постановка конечностей и вынос их по прямой при движении на различных аллюрах. При оценке качества движений лошадей спортивных пород это является одним из важнейших критериев, его учитывают, когда выбирают животных для дальнейшего племенного разведения.

Глава VIII ИСПАНСКАЯ РЫСЬ

Испанская рысь из всех искусственных движений высшей школы самое блестящее и вместе с тем самое легкое. Если лошадь хорошо идет испанским шагом, то ее легко заставить идти и испанской рысью. Стоит только усилить воздействие шенкелей и поводьев.

Сначала вы должны поставить лошадь на испанский шаг и вести ее на нем несколько шагов. Выбрав мгновение, когда лошадь вынесла ногу вовсю, вы даёте ей энергично чувствовать шпору.

Хотя мне не приходилось встречать ни одной лошади, которая подо мной долго отказывалась бы идти испанской рысью, все-таки, как я много раз уже говорил раньше, при обучении лошади даже испанской рыси я на первых порах всегда довольствуюсь малым. Лошадь вытянула, положим, правую ногу. Я даю ей сильную левую шпору, под которой она делает небольшой прыжок вперед. Это первый темп. Глажу лошадь и повторяю прием. Когда лошадь утвердилась в исполнении этого первого темпа, я те же приемы применяю к ее левой ноге.

Когда лошадь исполняет по одному темпу рыси на каждую ногу, я начинаю требовать от нее двух темпов, непременно настаивая при этом, чтобы она поднимала и вытягивала ноги совершенно легко и свободно.

У каждой лошади одна нога менее ловка, чем другая. На эту менее ловкую ногу я всегда усиленнее и работаю лошадь (лучший способ подействовать на память лошади и вразумить ее, что этой ногой она работает вяло).

Когда лошадь исполняет связно два темпа, я заставляю ее делать четыре, и на этих четырех темпах держу ее долго. Случается, что лошадь желает сама делать их большее число, но я воли ей не даю. Для начала лучше довольствоваться четырьмя правильными и хорошо выдержанными темпами рыси, чем торопиться и поставить лошадь на движения сомнительной отчетливости.

На испанской рыси лошади приходится значительно напрягать энергию. На воздухе левая диагональ. Обучить лошадь вытягивать ноги до такой степени можно только шпорами, но уж никак не хлыстом.

Чем ваше требование при начале скромнее, тем более отчетливого его исполнения вы можете добиться. До тех пор, пока лошадь не станет идти испанской рысью без тени усилия, долго вести ее на том ходу нельзя.

Тем не менее, даже когда лошадь совершенно легко идет испанской рысью, ни в коем случае не следует делать более двух-трех кругов по манежу.

Во все время выездки, как говорилось уже не раз, не следует допускать лошадь делать что-либо по ее собственному почину. В случае оплошности в этом отношении лошадь непременно будет делать то, что ей легче или что ей нравится, что хочет она, а не вы, и никогда не будет ожидать ваших указаний. Например: при обучении перемене ног на галопе часто случается, что лошадь, не дожидаясь указаний ездока, сама меняет ногу.

Если ей это хоть раз спустить, то уже нельзя будет никогда добиться от нее правильной перемены ноги. Если тем не менее лошади удалось взять привычку исполнять по своему желанию какое-либо из движений, которым вы сами научили ее, то ее следует хотя и мягко, но

непременно наказывать. Повторю еще раз, что всякая побрякушка влечет за собой потерю вашего авторитета у лошади.

Строго наказывать лошадь в данном случае нельзя, потому что, забегаая вперед с исполнением выученного движения, она выказывает свою понятливость и добрую волю. В каждом подобном случае следует немедленно поставить лошадь в то положение, которое она перед тем занимала, и продержатъ ее в нем до тех пор, пока она совершенно перестанет стараться выйти из него.

Мне попадались лошади, которые испанский шаг обращали в уловку. На всякое требование они отвечали выносом ноги вперед. Лошадь позволяет себе прибегать к такого рода уловкам только тогда, когда обучать ее искусственным движениям начали слишком рано. Приступать к обучению лошади этим движениям следует только тогда, когда она предварительно доведена до полной гибкости и безупречного послушания при всяких обстоятельствах.

Неопытные наездники обыкновенно торопятся. Их радует, когда лошадь сама вытягивает ноги, за это они ее ласкают, а потом удивляются, когда лошадь их не слушает. Нетрудно понять, почему лошадь, выездка которой велась неправильно, прибегает к испанскому шагу как к уловке. При обучении испанскому шагу лошадь под действием шпоры должна стоять на месте. Если раньше того лошадь не приучена смело и порывисто подаваться вперед под шпорой, то она сделается или тупой на шпору, или станет выносить ногу. Вообще это самый опасный период выезда.

Случается, что иная лошадь, из лени уклонясь от исполнения какого-либо требования, делает движение, к которому она особенно привыкла. Самовольное движение ее в этом случае никогда не бывает таким, которое требует напряжения энергии. Если лошадь, исполняя требование хорошо и медленно, вдруг ни с того ни с сего откажется, то заставить ее повиноваться необходимо во что бы то ни стало. Ни под каким видом не советую в таком случае уступить, так как лошадь непременно сообразит, что благодаря упрямству настояла на своем. К каким бы средствам при этом ни пришлось прибегать, наездник, однако, не должен выходить из себя. Наездник может забыть об опасности, но дальше этой степени в раздражении заходить не должен. Случается, что вся выездка пропадет даром из-за какого-нибудь упущения в этом роде. Малейшая ошибка лошади, которая сегодня сошла ей с рук, завтра переходит уже в дурную привычку. Искоренять дурные привычки всегда очень трудно, и более или менее сильная борьба с лошадью неминуема. Выезженная лошадь — не машина, которую достаточно завести; она — живое существо, которое старается постоянно уклониться или от шенкеля, или от повода, поэтому ее необходимо постоянно и внимательно держать под верным воздействием тех и других.

В продолжение всего урока все внимание лошади должно быть поглощено только одним наездником. Ничто, кроме него, не должно существовать для нее. Равно и наездник ни о чем не должен думать, кроме лошади.

Наездник должен постоянно поддерживать внимание лошади напряженным до такой степени, чтобы ничто не могло прийти ей в голову. Могу сказать про себя, что, когда я сижу на лошади, то у нее в голове только одно: «Что он от меня потребует?»

Многие авторы повествуют: «Для достижения того-то нужно столько-то времени, а для этого столько-то, после стольких-то уроков надо достигнуть того-то».

Такие положения на деле никогда не оправдываются, так как никак и никогда нельзя знать заранее, сколько времени придется потратить с лошадью для того, чтобы обучить ее правильно исполнять то или другое движение. Иная лошадь на какое-либо сгибание или движение очень податлива, другая на то же самое очень тупа. Наоборот, первая может оказаться тупой на такое упражнение, которое второй дается свободно и легко. При выездке необходимо принимать во внимание способности лошади; мой совет: никогда не опускать рук и не терять энергии, если успехи не достигаются в сроки, назначенные в книге.

Иных лошадей мне удавалось выучивать испанскому шагу за неделю, а с иными биться по три месяца, хотя приемы мои всегда одни и те же. Другой пример: обыкновенно для того, чтобы обучить лошадь вполне чисто менять ноги на галопе, требуется около полугода, но мне

попадались лошади настолько ловкие и правильные, что перемены ноги я добивался почти сразу.

Такая непоследовательность встречается при выезде на каждом шагу.

Комментарий специалиста

Выезженная лошадь — это не машина, но следует отметить, что попадают животные, в зависимости от своего характера с интересом и желанием отвечающие на требования всадника и, наоборот, превращающие работу в тяжелый труд, борьбу и ежедневное повторение одних и тех же элементов. Эти особенности обусловлены нервными процессами, протекающими в организме. Они зависят от породы, пола, возраста, физиологического состояния. Лошади чистокровных и спортивных пород более податливы, часто их поведение под всадником можно расценить как отчетливое желание понять, что от нее хотят, и выполнить это. Таким лошадям доставляет удовольствие работа, и они не пытаются отделаться от нее, если не возникает проблем со здоровьем. Истинное удовольствие доставляет такая лошадь хорошему всаднику, работа с другой — превращается в пытку.

Желание или нежелание лошади работать тесно связано с наличием у нее в той или иной степени чувства самосохранения, которое хорошо развито у лошадей местных аборигенных пород и в более приглушенных формах присутствует в заводских породах, имеющих длительную историю разведения. Притупляя чувство самосохранения в процессе селекции, человек берет на себя ответственность за здоровье организма. Поэтому грамотное нормирование нагрузок, бережное отношение к такой лошади должны быть первым правилом при работе. С другими лошадьми этого опасаться просто не стоит, они не перетрутся в силу своих биологических и породных особенностей. Молодую податливую лошадь, увлекшись в процессе работы, можно перегрузить. Этим вы не просто принесете ей физическое страдание, но и отобьете дальнейшее желание работать. Часто приходится длительный срок после такой неумеренной работы восстанавливать лошадь, иногда это не удается.

Испанская рысь относится к искусственным аллюрам, автор сам предупреждает об этом и настоятельно советует не перегружать лошадь движениями, не свойственными ей от природы. В современные программы по высшей школе верховой езды такие элементы не входят.

Глава IX ПЛЕЧОМ ВНУТРЬ НА ГАЛОПЕ

Всегда может возникнуть необходимость сделать более или менее чисто заезд в два следа на галопе. Изучение полувольтов на галопе я поэтому и поместил во второй части этой книги («Обыкновенная езда»). Теперь приступаю к изучению галопа при высшей езде.

Когда лошадь отчетливо исполняет на галопе полувольты, я перехожу к ее обучению движению плечом внутрь на этом аллюре. Для подготовки к этому движению я начинаю, ведя лошадь галопом, отводить ее плечи от барьера. Предварительно лошадь должна быть превосходно подготовлена движениями в два следа на манежном шагу (укороченная рысь), а особенно полувольтами на галопе.

Веду лошадь направо, поднимаю ее в галоп с левой ноги, иду им несколько махов, а затем отвожу руки вправо. Этим положением рук я заставляю лошадь отвести плечи внутрь, но отвожу я их немного, не более одного метра от барьера. Для того чтобы отбросить бедра лошади налево, сильно нажимаю правый шенкель. Левым шенкелем принимаю бедра и посылаю им ее на повод. Левый шенкель в данном случае регулирует мах, не допускает лошадь заносить влево зад и, подавая ее вперед, не дает встать за повод. Если на шагу, на рыси или на галопе ничем не задерживать хода вбок, то лошадь, желая всегда отделаться от сбора, регулируя сама аллюр, естественно, будет относить зад в сторону, то есть лошадь не будет идти в два следа. Очевидно, что для того, чтобы движение выходило отчетливым, всадник должен постоянно вести лошадь в шенкелях, причем только он и может уравнивать такт на всех аллюрах; лошадь будет идти в поводу и постоянно подаваться вперед.

Итак, для того, чтобы отвести плечи лошади от барьера, я подал руки вправо. При таком положении рук левый трензельный повод давит на шею лошади слева вправо, чем и определяет отвод плеч. Давление этого повода должно прекратиться тотчас, лишь только плечи отойдут вправо, иначе оно задержит их поступательное движение. Немедленно перевожу руки влево, причем давить на шею справа влево будет, в свою очередь, правый трензельный повод, то есть в дело вступает правая диагональ помощников. Левый повод слегка зовет перед влево, отчего не дает заду опередить перед. Как все всадники эпохи Боше, и я гнул шею лошади в сторону движения. С течением времени я понял, что такой постав неверен, так как он останавливает посыл. Теперь я ограничиваюсь только тем, что слегка наклоняю голову лошади в сторону движения и едва-едва сгибаю ее шею. При таком поставе наружный повод вполне может направлять перед, держать лошадь верно и во взаимодействии с внутренним поводом и шенкелями не задерживать посыл.

При ходе в два следа, особенно на полувольтах, бедра всегда стремятся обогнать плечи, отчего лошадь непременно встанет за повод. Следует тщательно не допускать ее до этого.

Затем я проделываю ту же работу внутри слева вправо. О движении «принимание по барьеру» я совершенно и не упоминаю. По моему мнению, это вредное упражнение, на котором лошадь направляет не рука всадника, а барьер.

Комментарий специалиста

Что такое езда в два следа, объяснялось в предыдущих комментариях. Выполнение такой езды на галопе требует хорошего чувства лошади у всадника, четкой реакции на каждый элемент управления от лошади. Этого нелегко добиться начинающему всаднику даже от хорошо подготовленного животного.

Проблемой современного спорта является то, что, как правило, обучение и всадник и лошадь начинают почти одновременно. В результате методом проб и ошибок они добиваются или не добиваются положительных результатов. Старая тренерская школа прекратила свое существование по ряду объективных причин, и единичные талантливые самоучки не в силах поддерживать требующий столь кропотливой работы вид конного спорта на высоком мировом уровне.

Глава X ПИРУЭТЫ НА ГАЛОПЕ

При пируэте на галопе задние ноги лошади, поворачиваясь кругом, должны отбивать галоп почти на месте, а бедра лошадь должна держать на линии плеч, которыми она описывает окружность. Некоторые авторы полагают, что на таком пируэте лошадь должна опираться сильнее на какую-либо из задних ног. По-моему, это положение неверно, так как в таком случае не выйдет галопа. Прежде чем приниматься за пируэт на галопе, надо сначала приучить лошадь делать его в сильном сборе на шагу.

Ставлю лошадь среди манежа. Положим, готовлюсь делать пируэт слева вправо. Подаю руки вправо. Правый повод, очевидно, будет звать голову лошади вправо, а левый, нажимая на шею слева вправо, станет направлять в ту же сторону ее плечи.

Подав немного левый шенкель назад и прижимая им, удерживаю зад и не даю ему занестись влево, а правым шенкелем не даю лошади осадить и подаю им ее на повод. Работа эта требует от наездника значительной легкости и тонкости руки.

Если он будет слишком грубо звать поводом в сторону, то лошадь будет врать плечами, и такое движение не будет пируэтом; если он затянет лошадь, то она осадит. Когда лошадь утвердилась в исполнении пируэта на шагу, я поднимаю ее в галоп и веду сначала по довольно большому кругу. Начинаю постепенно сокращать круг, но сокращаю его не от периферии к центру, а забирая все более и более плечами в сторону центра. Для поддержания маха усиливаю шенкеля.

Задние ноги, поднимаясь и опускаясь, должны отбивать галоп, можно сказать, на месте, а лошадь, как сказал выше, не должна опираться сильнее на какую-либо из этих ног.

Исполнять пируэт следует как можно медленнее, в чем и заключается вся его трудность. Лошадь надо вести на самом коротком и тихом галопе, не допуская ее останавливания.

Пируэты справа влево исполняю теми же приемами, но в обратном смысле.

Некоторые наездники делают на галопе и обратный пируэт (обходят задом вокруг плеч).

Упражнение это на шагу превосходно. На галопе я его не признаю. Задача выездки состоит в том, чтобы вымахивать перед лошади, а на обратном пируэте приходится приучать ее держать его на месте. С точки зрения сущности езды это упражнение бессмысленно и само по себе очень некрасиво, так как передние ноги, не имея возможности подаваться вперед, толкутся, вытянувшись на месте.

Вольты и обратные вольты на галопе и красивы, и полезны. Приемы для их выполнения те же, что и для пируэта. Разница между вольтами и пируэтами заключается в том, что первые описываются не на месте, а по более или менее большому кругу.

Начиная описывать вольт, трудно определить, какого он выйдет диаметра, а тем не менее только на вольте определенного диаметра наездник может проверить, верно ли держится его лошадь.

Для такого рода проверки советую в середине манежа начертить круг и вести по нему лошадь. Если она идет по нему с желаемой точностью, она держится верно и должным посылом хорошо уравновешена.

Когда лошадь все описанные упражнения исполняет на галопе отчетливо, то на этом аллюре можно требовать от нее чего угодно.

Отчетливость исполнения свидетельствует о том, что лошадь, будучи вполне гибка и послушна, ни в чем не откажет ездоку. Ездок со своей стороны должен обладать терпением и умением передавать лошади свою волю.

Комментарий специалиста

Чаще при работе этого элемента идут от обратного. Сначала укорачивают галоп лошади до минимума, после чего начинают работать плечом вовнутрь. Податливое животное хорошо реагирует на смещение центра тяжести всадника, последнему остается поддерживать движение очень собранным галопом. Иногда работа этого элемента сводится к интенсивному смещению массы тела на галопе, когда всадник как бы валит лошадь своим весом в сторону. Такое выполнение не доставляет удовольствия зрителю и дает лошади непомерно большую нагрузку на плечи.

Глава XI ПЕРЕМЕНА НОГИ В ТАКТ

В главе об обыкновенной езде я рассмотрел перемену наружной ноги на внутреннюю на галопе.

Рассмотрим теперь то же упражнение, принятое в высшей езде.

Когда лошадь отчетливо меняет наружную ногу на внутреннюю (контргалоп), я приступаю к упражнению в обратной перемене. При начале обучения надо избегать делать эту перемену (внутренней на наружную) в углах.

Наружной стороне (сторона, передняя нога которой выносятся первая) при повороте приходится забирать больше пространства, поэтому противоположному шенкелю приходится работать сильнее, чтобы верно держать зад лошади, не давать ей бочить и посылать ее на повод. Я называю противоположным шенкель стороны, обратной стороне, которая меняет ногу. Если я еду галопом справа, то правым шенкелем я меняю ногу лошади, а левым поддерживаю верно ее зад. Если не принять лошади левым шенкелем, то она непременно отнесет к стене зад.

Только лишь тогда, когда лошадь меняет внутреннюю ногу на наружную совершенно легко по прямой, можно начинать делать эту перемену в углах. На поворотах вообще лошади трудно менять ногу.

До тех пор, пока лошадь не меняет ноги на весу, то есть без остановки маха, я не начинаю с ней принимать галопом по барьеру, и вот почему: при перемене наружной ноги на внутреннюю лошадь всегда старается отнести зад внутрь. Я говорил раньше, что вообще не признаю принятия по барьеру в силу того, что лошадь направляет барьер, а не всадник, но в данном случае я употребляю этот термин как общеупотребительный и общепонятный. Само же упражнение я всегда исполняю на вольтах, вдали от барьера. Точнее я мог бы его назвать плечом наружу. При принятии по барьеру галопом она это непременно и будет делать, так как воздействия помощников, как для перемены ноги, так и для принятия по барьеру, одни и те же.

Если внутренний шенкель не встретит мгновенно перемены ноги, которую ему послал наружный, то лошадь непременно забочит; перемены ног никогда не будут отчетливы и следовать быстро одна за другой, так как для того, чтобы выправить лошадь, надо сделать несколько лишних махов.

Когда я довел лошадь до того, что она одинаково отчетливо меняет ноги направо и налево, особенно в углах, и когда я уверен, что она беспрекословно переменит ногу в любой момент, я начинаю уравнивать перемены ног.

Сначала я меняю ногу после восьми—десяти махов галопа, но при этом каждую ногу меняю только по одному разу. Если лошадь заторопится, то ее надо остановить и вернуться к подъемам.

Для большей верности лучше считать число махов, например: иду галопом с правой ноги, считаю соответственно махам — раз, два, три и т. д. — и на шестом махе меняю ногу. Делаю то же самое, идя на левой ноге. Глажу и останавливаю лошадь, если она эти две перемены сделала хорошо, и начинаю снова, но опять и опять требую только по одной перемене на каждую ногу.

Через несколько дней, когда я вижу, что лошадь смело меняет ноги, я заставляю ее все на том же шестом махе делать перемену ноги четыре раза, затем шесть, и постепенно, пока лошадь исполняет спокойно, на том же шестом махе увеличиваю число перемен. Нечего говорить, что лошадь при этом не насирую.

Лишь только лошадь загорячится, останавливаю ее, но не глажу (может подумать, что я поощряю ее горячность). Перевожу лошадь в шаг, беру на повод, начинаю работу снова. Не прекращаю работы до тех пор, пока лошадь не станет исполнять требуемое совершенно спокойно.

Так как к тому времени, когда можно приступить с лошадью к перемене ноги, она должна быть предварительно совершенно подготовлена, то неудачи в этом случае всецело происходят по вине ездока. Все зависит от того, как всадник применил приемы перед мгновением, когда он заставляет лошадь менять ногу.

На махах галопа, на которых перемена ноги не происходит, всадник должен сидеть в седле совершенно спокойно. На первых пяти махах, например, он не должен делать ни малейшего движения. Заменять (плавно, но решительно) одну диагональ помощников другой следует на шестом махе. Если начать подготовку перемены помощников на четвертом или пятом махе, то лошадь, уже чуткая и внимательная к их воздействию, непременно разладится в ходу. Именно: если вы поторопитесь с поводьями, то лошадь закрестит передом. Если не вовремя переменить шенкеля, то она закрестит задом, и так как между помощниками не будет гармонии, то ногу она не переменит.

Хотя большей частью в разладе лошади бывает виноват всадник, не выдерживающий до нужного момента спокойствия в седле, но обычно в этом случае обвиняют лошадь.

Случается, что вследствие того, что всадник не сидит спокойно в седле, на пяти первых махах лошадь, думая угодить, меняет ногу сама.

Всякая лошадь, научившись легко менять ноги, пробует менять их до команды, за что ее непременно следует наказывать. Если ей раз дать поблажку, то в будущем невозможно будет

добиться от нее правильности в перемене ног. Под наказанием в данном случае я подразумеваю немедленное пресечение самовольства. Например: идя галопом справа, лошадь самовольно переменяла ногу. Следует тотчас дать ей сильную левую шпору, под ударом которой она должна будет перейти и остаться на правой ноге. В обратном случае надо применить тот же прием, но в обратном смысле. В продолжение урока, на котором лошадь позволила себе попытку своеволия, пусть даже вы ее и пресекли, советую воздержаться от перемены ноги на воздухе, а что будет еще надежнее — обратить ее опять к подъемам. На подъемах следует продержаться лошадь подольше на одной и той же ноге.

Когда лошадь испытывает несколько раз ласки за правильную перемену ноги и наказание за ошибки, то она поймет, что без указания всадника она не должна делать ничего.

Повторю еще раз, что, раз пришлось исправлять ошибку, — отложите упражнение в перемене ноги. Потеряйте лучше несколько уроков на исправление лошади. Лошадь яснее отдаст себе отчет, будет идти спокойнее, а выездка ее в конце концов пойдет успешнее и быстрее.

Когда лошадь твердо поняла, что она всегда должна быть готова исполнить мою волю, я начинаю уменьшать число махов перед переменной ноги. Вместо перемены ноги на шестом, не изменяя приемов, начинаю делать перемену на четвертом махе, довольствуясь одной переменной на каждую ногу, а в следующие дни постепенно увеличиваю число перемен.

Чем чаще следуют одна за другой перемены ног, тем большего напряжения энергии требуют они от лошади.

Если лошадь раздражилась и спуталась, надо перевести ее в шаг, но не ласкать, взять на повод и снова начать подъемы. Подъемы надо делать без перемены ног, и проделывать их до тех пор, пока лошадь не станет работать совершенно спокойно.

Что касается меня, то я глубоко убежден в пользе возврата к подъемам в галоп всякий раз, когда не ладится с переменной ног. Эти подъемы в галоп имеют для лошади то же значение, как гаммы для пианиста и батманы для танцовщицы.

С четырех махов непрерывного галопа я перехожу к трем, потом к двум и, наконец, к одному. Когда я дошел до одного маха, то каждый из них я делаю последовательно на другой ноге. Я сокращаю число махов не вдруг, а через некоторый более или менее продолжительный промежуток времени между четырьмя и тремя, тремя и двумя, двумя и одним махами.

Торопливость может испортить все дело. Если лошади не дать достаточно времени, чтобы разобраться, в чем заключается разница перемен ноги в разные промежутки, то она непременно сообразит с толку.

Чтобы вести выездку наверняка, надо вести ее медленно и осторожно. Сама лошадь указывает время, когда можно, не насилуя ее и не нарушая ее равновесия и легкости, учащать перемены ног и увеличивать их число.

Когда лошадь проходит два-три раза по манежу, меняя совершенно свободно ноги, сначала в два темпа, а потом в один, я начинаю заставлять ее делать перемены ног на вольтах и на переменах руки.

Когда лошадь меняет ноги отчетливо на этих круговых движениях, я заставляю ее описывать их, меняя ноги в такт. Тот наездник, который может заставить лошадь, описывая вольты и перемены руки, менять ногу на каждом махе, имеет право быть довольным и собой и лошадью. И наезднику и лошади удалось преодолеть самую трудную задачу выездки и езды.

Комментарий специалиста

Перемена ноги на галопе — одно из популярнейших движений в выездке, его используют в ездах самого разного уровня и начинают работать с менки в шесть темпов, переходя в четыре, два и один. Часто этот элемент хорошо идет у молодых лошадей, чутких на работу повода и шенкеля. После этого лошадь начинает предлагать это движение всаднику, а так как оно очень зрелищно, редко кто отказывается покрасоваться. В итоге выполнение этого движения теряет свою четкость. Многие всадники в полевых условиях или на конкурных полях на лошади, обученной менке ног, пускают это дело на самотек. Рассчитывая на сноровку лошади и ее

природное умение держать равновесие, они не предлагают ей в трудной ситуации помощь и подсказку и оказываются в неприятном положении. Разумным будет тот ездок, кто рассчитает правильный подход к препятствию с нужной ноги для прыжка, сумевший не только укоротить галоп лошади, но и поменять ногу на подходе к нему, когда это необходимо. Но многие считают в подобных случаях, что у лошади голова большая — пусть она и думает.

Глава XII

ПЕРЕМЕНА НОГ НА МЕСТЕ

Лошадь, отбивая галоп на месте, меняет ноги. Лошадь надо держать в полном сборе и применять те же приемы, как и при перемене ноги в такт.

Может показаться на первый взгляд, что для полного замедления галопа следовало бы, ослабляя шенкеля, сильнее натягивать поводья, но на деле надо поступать наоборот. Если шенкеля ослабить, то задние ноги отстанут и отойдут за центр тяжести. Лошадь затухнет, если не держать ее в могучих шенкелях.

Посыл, сообщенный лошади сильными шенкелями, рука всадника должна встречать очень тонко и отдавать его к центру ее тяжести (когда лошадь стоит в устойчивом равновесии, центр ее тяжести находится на линии шенкелей).

Так как лошадь, меняя ноги на месте, вперед не подается, то вынос как передних, так и задних ног одной перед другой так мало заметен, что уловить его глазом едва возможно. Чтобы подметить перемены ног на этом манежном мотиве, надо стоять очень близко к лошади.

Этот блестящий и сложный прием оставил нам в наследство Боше, который исполнял его изумительно на Тюрбане (не на Партизане, как многие утверждают).

Комментарий специалиста

Перемена ноги на месте так и осталась достижением только таких мастеров выездки лошади, как Боше и Джеймс Филлис. Автору комментариев не удавалось встретить исполнение этого элемента, как и многих других, описанных позднее в этой книге, ни в цирковых программах, ни в показательных выступлениях самого разного уровня. Национальные школы Франции, Австрии и Испании работают подобные элементы в поводу, а не верхом.

Глава XIII

ПАССАЖИ И ПИАФФЕ

Так называемый натуральный пассаж представляет собой рысь, но очень собранную, очень высокую, с выдержкой такта между выносами диагоналей.

Лошадь должна очень энергично, мягко поднимать каждую переднюю ногу и держать ее несколько мгновений согнутой в колене и бабке в воздухе, так же энергично и высоко поднимая и сгибая в скакательном и путовом суставах, выносить заднюю ногу. Словом, каждая диагональ должна подниматься вверх и в такт настолько, чтобы в момент замены ее другой лошадь была на весу. Все движение должно быть очень медленно и высоко. Этот грациозный и блестящий манежный мотив называется натуральным пассажем, и только при соблюдении всего вышесказанного можно признать, что лошадь действительно пассажирует. От природы лошадь идти пассажем не может и научается ему только выездкой. Лошади с врожденным высоким, протяжным и машистым ходом усваивают пассаж легче и успешнее. Лошадь на низком настильном ходу, не сгибающая энергично задних ног, а передними задевающая за землю, для пассажа не годится. Я не говорю, что лошадь с таким ходом нельзя поставить на пассаж, но ее пассаж будет натянут и некрасив.

Приемы, которыми следует ставить на пассаж и вести на нем лошадь, изложить очень трудно.

Во-первых, лошадь надо собрать. Как бы ни поставить лошадь в полные сбор и повод, надо еще добиться от нее пассажных движений, а для того, чтобы они были высоки, надо прибегнуть к шпоре.

Уравновесив хорошо лошадь, веду ее шагом. Сильными шенкелями поднимаю в рысь, а поводом в то же время не даю ей растянуться. Под таким воздействием шенкелей и поводьев лошадь, не имея возможности выкинуть ноги вовсю, должна наверстать их вынос вперед высотой подъема вверх. При шенкелях работают и шпоры, под каждым уколом которых лошадь при выносе каждой диагонали подскакивает вверх. Этим намечается пассаж.

Не понимая, в чем дело, лошадь сначала горячится. Правильного такта пассажа выйти еще не может. Чтобы не вызвать у лошади сопротивления, ездок должен быть очень осторожен. Случается, что лошадь, чувствуя шпоры, но не понимая причины их ударов (сама работа для нее неизвестна), от страха перед этими ударами доходит, можно сказать, до отчаяния. Во время выездки обыкновенно случается, что в один прекрасный день, выйдя из терпения, лошадь решается на «будь что будет» и начинает бить на все лады. Если ездоку удастся ее победить, а победить ее он может, только обладая энергией и чутьем, то она покорится. Хотя лошадь и покорилась, но она все-таки еще не выезжена.

Не следует в это время долго и сильно настаивать, так как самая кроткая лошадь, потеряв голову, способна на невероятные сопротивления и развивает страшную силу. Иной раз ее невозможно победить.

Ездок, следовательно, должен сохранять полное спокойствие и самообладание. При малейшем намеке на такт, то есть после одного и не более двух темпов, надо отдать повод, погладить лошадь, дать ей успокоиться и только тогда начинать снова.

Чуткий наездник схватит этот первый такт, сдаст и погладит лошадь. Но чем ездок тупее, тем труднее для него схватить и отдать себе отчет в отбитом лошадию такте.

Не чувствуя такта и продолжая настаивать, ездок непременно выведет лошадь из себя.

Искусный, тонкий наездник добьется от лошади всего, чего захочет, не разрушит и не сноровит ее. Отдавая себе отчет в каждом признаке послушания, он вовремя прекратит требования, приласкает лошадь, даст ей понять, что она исполнила его волю. Ездок, который обладает быстрым, острым восприятием впечатлений, тонко и точно отдает себе отчет в малейших оттенках движения лошади, не станет ее насиловать, не выведет из терпения и не допустит ее отказа.

В каждой схватке лошади с ездом достается и ей, и ему. Неискусный и тупой ездок, не чувствуя, исполнила или не исполнила лошадь такта, стремясь уловить из нескольких один, обыкновенно продолжает работать шпорой. Шпора сама по себе уже есть орудие наказания, а в данном случае, что хуже всего, лошадь еще и не понимает, за что ее наказывают. Разумеется, лошади придет в голову прибегнуть к самозащите. В конце концов при одном приступе к пассажу, ожидая, что ее опять будут мучить, при одном прикосновении шенкеля лошадь начинает противиться, теряет голову. Такой исход неминуем, когда лошадь наказывают за вину, которой она не сознает.

Если лошадь не запугать шенкелем и шпорой, не настаивать резко и поспешно, то в конце концов она схватит такт и будет отбивать его не только легко, но и охотно, а тогда можно смело требовать от нее и большего. Раз лошадь что-либо поняла, нечего опасаться раздражить ее нервы.

Итак, вся суть заключается в том, чтобы ездок был в состоянии схватить малейший признак послушания лошади и умел бы довольствоваться малым.

На пассаже можно исполнять (исполнять отчетливо очень трудно) все движения в два следа. Другой вид пассажа, так называемый искусственный, в сущности, есть не что иное, как извращение испанского шага. Исполняет его лошадь, идя без сбора, поэтому этот аллюр совершенно противен основам езды. В молодости, пока я не развил еще в себе такта ездока, достаточного для того, чтобы вести лошадь естественным пассажем, ездил и я искусственным. Теперь я никогда не обучаю ему лошадей. Существует несколько искусственных манежных мотивов, которые хотя и не противоречат основам езды, но от которых я давно отказался, так

как не считаю их достаточно осмысленными. Вот они: испанский шаг, обратный пируэт на трех ногах, пируэт на скрещенных ногах, осаживание без поводьев, балансе на переду и на задугу.

Тот же пассаж, но без движения с места, называется пиаффе. Пиаффе исполняется или очень медленно и высоко, или быстро и не поднимая ног. Первый способ исполнения очень труден и не всякой лошади по силам. Второму можно обучить всякую лошадь.

Высокое и медленное пиаффе отличается от естественного пассажа только тем, что лошадь, исполняя его, не двигается с места. Чтобы довести лошадь до пиаффе, надо укорачивать с каждым шагом пассаж.

Ездок должен держать лошадь в сильном сборе, но в мягком поводу, и вести ее в сильных шенкелях. Если лошадь не идет пассажем, то на пиаффе ее можно поставить и с шага.

Каким бы способом ни обучать лошадь пиаффе, ее все-таки надо провести через последовательную выездку, так как только при этом условии она будет пиаффировать правильно. Если раздражать горячую лошадь шпорами, хлыстом, языком, то она станет топтаться на месте. Вызвать эти порывы нетерпения можно, но научить лошадь правильно ставить ноги для пиаффе таким способом нельзя. Задние ноги лошадь будет поднимать и опускать вместе, и разве только случайно иной раз опустит их правильно. Но это будет только случайность, и такое движение не представит собой никакого аллюра.

Так как лошади можно дать понять что-либо только тогда, когда она спокойна, то, обучая пиаффе, надо ее всегда успокаивать. Чтобы поставить лошадь на пиаффе, надо ее собрать, и собрать так круто, что шенкелями приходится нажимать до последней возможности, усиливая их даже шпорами. Когда в подкрепление шенкелю должна явиться шпора, в книге определить нельзя, так как это — дело чутья. (Только в манеже можно указать, напрасно или нет всадник взял лошадь в шпоры.) Я говорил раньше, что шпора должна являться тогда, когда бессилён шенкель, но для поддержки лошади в сборе необходимо давать ей чувствовать шпору независимо от шенкелей. Много было говорено о том, что такое шпора, помощник ли она для всадника или орудие наказания для лошади? По моему мнению, она и то и другое, судя по обстоятельствам. Во время выездки шпора должна являться помощником всадника, и только в случае упрямства лошади она должна служить орудием наказания. Но и тут следует разобраться в том, упрямится ли лошадь по своему желанию или вследствие ошибки всадника. Конечно, за капризы лошадь должна испытать шпору, но не мешает помнить, что англичане называют шпоры «persuaders», то есть убедители.

На пиаффе нужно удерживать лошадь на месте. Без усиления шенкеля шпорой лошадь непременно прорвет шенкель и закинется направо или налево.

Итак, хотя при пиаффе шенкель должен делать свое дело до последней возможности, но, чтобы держать лошадь в руках, нужно, чтобы она чуюла и шпору.

Для того чтобы довести лошадь до пиаффе, надо ее все время подталкивать шпорой. Ля Гериньер превосходно определил: «тонкое пощипывание шпорой». Как к медленному, так и к быстрому пиаффе лошадь приучают одними и теми же приемами.

На первый случай достаточно, чтобы она делала только два темпа.

Трогаю лошадь правой и левой шпорами почти одновременно. Если бы я тронул только один бок, то лошадь бросилась бы в сторону. Правая шпора заставляет лошадь подать правую заднюю ногу под центр тяжести, отчего ее левая передняя нога должна подняться вверх, а в то же время левая шпора уже заставляет правую диагональ, пока еще левая в воздухе, вынестись в свою очередь. Таким образом я добиваюсь первых двух темпов пиаффе. Оба эти темпа должны следовать один за другим быстро, как бы сливаясь в один, подобно тому, как при фехтовании боец выкрикивает: *une, deux, tres serge*. Если их растянуть, то вышел бы перевал направо и налево в стороны. Очевидно, что оба эти темпа составят быстрое пиаффе. Начиная пиаффе, нельзя знать заранее, каким оно выйдет. Лошадь, теряя терпение под шпорами, всегда старается ускорить пиаффе, и, кроме того, быстрое пиаффе легче для нее, чем медленное, которое заставляет ее высоко поднимать ноги. Когда лошадь стала делать какое-либо пиаффе, наездник должен его урегулировать. Тут-то и проявляется его чуткость. Трудность состоит в том, чтобы замедлить пиаффирование, сделать его высоким, что возможно только при сборе. Чем полнее сбор лошади,

тем выше будет выходить пиаффе. Чтобы быть в состоянии тонко противопоставлять одни помощники другим, наездник должен владеть сильными шенкелями, мягкой рукой и острой чуткостью шлюсса. На скором пиаффе лошадь вытягивает ноги. На медленном пиаффе каждая диагональ, поднимаясь, сгибается тем сильнее, чем выше она идет вверх. Опускаясь на землю, диагональ должна выгибаться так сильно, чтобы сесамовидные косточки касались земли. Такое сокращение суставов дает при их раздаче высокий подъем. Если вести лошадь к пиаффе через пассаж, постепенно его укорачивая, то такт установить легче, так как он уже установлен на пассаже, но опять вся суть в чуткости ездока.

Случается часто, что при первых толчках шпор лошадь дает скачок. Если она дала скачок вперед, то это докажет, что вы принялись слишком строго. Особенной беды в этом нет, но начинать сызнова надо помягче. Лошадь, вполне подготовленная выездкой, после более или менее частотного повторения двух начальных темпов пиаффе поймет, в чем дело. Когда она станет, не отделиваясь, отбивать эти начальные темпы, вы можете заставлять ее делать четыре, шесть и более темпов. Увеличивать число темпов можно до тех пор, пока лошадь держится совершенно верно. Но все-таки не следует злоупотреблять.

Лишь только вы чувствуете, что лошадь хочет начать отделиваться (подает в сторону зад или поднимается на дыбы), то отведите шпоры и подайте ее вперед. Если тем не менее лошадь занесла в сторону зад, то сильным ударом соответствующей шпоры надо заставить ее поставить его на место. Удар шпоры для нее будет исправительным наказанием.

Если лошадь поднялась на дыбы, то хотя и приходится отдать повод, но отводить шпоры от боков ее не только не следует, но, напротив, работать ими небольшими толчками надо до тех пор, пока она волей или неволей успокоится в поводу. Если от лошади и этого не добиться, то она будет ежеминутно подниматься на дыбы.

Лошадь может начать осаживать, а бороться с этим видом отказа и труднее и опаснее. Я говорил уже много раз, что никакой работы со шпорой на месте не следует начинать до тех пор, пока лошадь при прикосновении ее не подается смело. Тогда борьбы с ней бояться нечего, так как справиться с лошадью будет нетрудно. Шпорами надо сыпать удары, как барабанные палки выбивают дробь. Если лошадь оказалась недостаточно выездженной и при первых слабых толчках шпор стала осаживать, то следует, оставив другие соображения, начать шпорить изо всех сил. Против ударов шпор, сыплющихся градом около подпруги, не устоит никакая лошадь. Если вы не в состоянии долго работать шпорой, то берите хлыст, палку, зовите кого-нибудь с бичом. Велите жечь лошадь огнем, но во что бы то ни стало подайте ее вперед.

В этом случае борьба бывает роковой. Вы ни за что не должны уступить. Если вы не пересилите лошадь и не победите ее в этой борьбе, то она останется норовистой. Конечно, все, что я говорю, уместно только до тех пор, пока лошадь продолжает осаживать. Победить ее во что бы то ни стало — единственное средство.

Если лошадь узнала, что, осаживая, она может отделаться от работы, авторитет ваш пропал, не вы будете ее повелителем, а она вашим. Каждый раз, когда для чего-либо понадобится шпора, она будет непременно осаживать.

Если, пока лошадь осаживает, не наказывать ее безостановочно и не переупрямить, то придется отказаться от ее выездки и, что еще благоразумней, от самой лошади.

Как бы жестоко ни завязалась борьба с лошадью, наездник никогда не должен терять хладнокровие. Все время, пока лошадь осаживает, наказывайте ее, и наказывайте до тех пор, пока она не сообразит, что чем более она пятится, тем ей больнее, и бросится вперед. Если вы выйдете из себя, то из сил вы выбьетесь раньше, чем лошадь.

Лишь только лошадь уступила, ее надо погладить, слезть и кончить урок. Когда бы ни началась борьба с лошадью, в конце урока или в начале его, но кончить его непременно нужно тотчас после уступки, так как, продолжая его и возобновив требование, нельзя быть уверенным, что лошадь не станет опять отказываться и что вы опять добьетесь от нее уступки (особенно если лошадь упрямялась долго).

Кроме того, так как в борьбе устают и всадник и лошадь, то она может упереться на месте, а ничего не может быть хуже этого рода сопротивления. Раз лошадь уперлась на месте, то, значит, она выбилась из сил и, хоть убейте ее, она не сдвинется.

Если вы все-таки будете настаивать, то сноровите лошадь навсегда.

Лошадь только тогда поймет, что она поступила хорошо, если мгновенно прекратите наказание, лишь только она тронулась вперед. У меня была очень хорошая чистокровная лошадь Негро. Она была очень щекотлива и при прикосновении шпоры визжала и мочилась. Когда я начал ее выезжать, она пятилась при малейшем прикосновении шенкеля. Первые два месяца каждый урок она пятилась минут по двадцать. Никто из наездников не мог думать, что я добьюсь от нее хода вперед. Она все-таки уступила, и я давал на ней представления в продолжение четырех или пяти лет. Мало того, из нее вышла превосходная дамская лошадь, и ей никогда не приходило в голову возобновить свою повадку. Много труда стоило мне отучить ее, а отучил я ее только быстрыми покалываниями острых шпор у подпруги. Удар шпоры только в это место вызывает посыл. Только от удара в это место лошадь подводит зад под центр тяжести. У меня подпруги всегда изорваны в клочья. Чем ближе к пахам, тем бока лошади щекотливее, и от ударов шпоры ближе к зад у лошадь прыгнет вперед, но не подается, а это не посыл. Конечно, после каждой подачи вперед я ее гладил. Должен, однако, сознаться, что после двадцати минут борьбы и Негро и я выбивались из сил. Выездить такую лошадь можно только будучи молодым, сидя в седле непоколебимо и имея сильную поясицу. Поясице больше всего и достается.

Шпоря лошадь, не следует, всадив их ей в бока, давать им замирать на месте. Под живой шпорой лошадь подается вперед оттого, что боль ежесекундно повторяется. На мертвую шпору лошадь ложится и, конечно, сноровливается. Я говорил уже не раз, что, когда лошадь упрямится, держать ее на месте отнюдь не следует, даже если это и нужно по ходу дела. В таких случаях я подаю лошадь вперед во что бы то ни стало, а добившись своего, замыкаю ее в шенкелях и поводьях и начинаю снова. Повторю еще раз, что ездок, который может подать лошадь вперед, всегда справится с нею.

Во все время, пока приходится работать шпорой на месте, всякая лошадь противится таким образом. Так как все-таки, когда ее повернут кругом, она не исполняет и этого искажения пиаффе. Лошадь обращается в машину. (Лошадь, которую выезжали шпорами и поводьями, пиаффирует всегда и везде.)

Для всякого приема езды последователи новой школы применяют приемы в том же роде. В подробности вдаваться не берусь и ограничиваюсь только приведенным описанием одного из этих приемов.

Приемы эти приняты теперь почти везде. Лошадей выезжают не садясь на них, а дрессируют, как собак и коз. В Вене эти приемы называют в насмешку «Pudeldressirung» (пудельная выездка). Сюда можно отнести советы некоторых авторов приучать лошадь пиаффировать под музыкальные мотивы. Под музыку я не выезжал лошадей никогда. Мой оркестр — мои шпоры. Когда лошадям моей выездки впервые приходится слушать музыку, то они смущаются, но ненадолго, и скоро к ней привыкают.

Что пиаффе, выученное таким образом, лошадь хорошо делать не может, понять легко: развивать его, усовершенствовать нельзя, а хлыст и бич приучают лошадь поднимать зад выше перед (пиаффируя и пассажируя правильно, лошадь должна держать перед выше зада, каковую постановку можно дать лошади только шенкелями, подавая зад под центр).

Новая школа не выезжает, в настоящем значении этого слова, лошадей. Ее последователи выпускают из своих рук не лошадей, а автоматы. Первый встречный, сев на лошадей дрессировки и справившись, где и когда нужно ее тронуть, может заставить ее исполнять разные движения. Хорошо или дурно она их будет исполнять, вопрос другой. Зная, что чистокровные лошади, могучие, энергичные, нервные, не дадут себя крутить, ездки новой школы выезжать их не берутся. Желая вывернуться, они утверждают, что чистокровная лошадь не гибка. Чистокровная лошадь — на самом деле самая гибкая лошадь, но зато и самая неподатливая.

Под эгидой новой школы народилась плеяда наездниц. Не будучи в состоянии или не желая учиться ездить, эти дамы считают более простым сразу купить лошадь-машину. Усевшись на нее, они хлещут ее хлыстом по голове, ногам, по чему попало и проделывают на ней, хотя и некрасиво и неграциозно, разные приемы. Их езда обычно состоит в том, что лошадь под ними ползает на коленях, вытягивает шею, как баран под нож, ходит по барьеру и т. п. Истинные знатоки такое кривляние за езду не признают, но невежественная публика, конечно, аплодирует. Прискорбно видеть, как низко пало искусство езды.

По лошади виден и ездок. Если лошадь легка, стоит постоянно верно, все время идет в посыл, движение исполняет охотно, как бы с удовольствием, то будьте уверены, что сидит на ней не ездок новой школы и что сама лошадь — не автомат.

Скажу еще раз: наездник должен ездить всегда без хлыста, а наездница должна пользоваться им только с правой стороны, заменяя им правый шенкель. Трогать лошадь хлыстом она должна немного за подпругой.

Приемы новой школы, если к ним приглядеться в продолжение нескольких дней, доступны всякому, поэтому тот, кто не желает работать, конечно, предпочтет их. Настоящий наездник работает так тонко, плавно и незаметно, что зритель, сколько бы ни присматривался, мало что может подметить. Новая школа не выезжает лошадей, а приучает их ксноровкам. Стоит лишь узнать эти сноровки, и кто угодно может кое-как справляться с лошадью.

Скажу в заключение, что старая школа езды относится к новой, как фортепиано к шарманке. Для того чтобы владеть фортепиано, надо предварительно долго и упорно поработать. Шарманку может вертеть всякий. Пианист может быть артистом, а шарманщик производит только шум и треск.

Комментарий специалиста

Пассаж и пиаффе — неотъемлемая часть современной выездки, и природные данные лошади имеют огромное значение при выполнении этих элементов.

Джеймс Филлис утверждает, что выездка лошади должна осуществляться только одним человеком, осмеивает работу группы людей в манеже, использующих «новые методы» работы с лошадью. При подготовке современной лошади высшей школы верховой езды хороший берейтор оказывается незаменим. Всадник, находясь верхом на лошади, задает темп работы, а грамотный помощник корректирует высоту поднятия ног, при необходимости стимулируя это движение точными несильными ударами хлыстом по предплечью и голени. Чтобы не дать лошади отделаться от хлыста, работу проводят вдоль стенки манежа. Как только лошадь правильно выполняет несколько темпов элемента, ее поощряют оглаживанием и свободным движением.

Одерживая лошадь на пассаже все больше и больше, вы добьетесь того, что плавно перейдете в высокую рысь на одном месте, то есть в пиаффе, а помощник-берейтор поможет отточить движения конечностей лошади и добиться высокой и равномерной их работы. По мере освоения этого приема лошадь и всадник будут выполнять его самостоятельно, хорошо ощущая положение конечностей лошади и корректируя высоту их подъема работой шпоры. Движение шенкеля и шпоры на этих двух элементах будет иметь направление как бы снизу вверх, словно всадник пытается поднять лошадь вместе с собой вверх, а не вытолкнуть из-под себя, как на галопе или прибавленных аллюрах. Работа поводом задерживает и удлиняет фазу зависания, делая это движение более четким и зрелищным.

Работа под музыку помогает поддерживать равномерный темп движения, и не больше. Имея отличный слух от природы, лошади прекрасно используют музыкальное сопровождение, хорошо реагируют на изменение ритма. Это и используется в произвольных программах и показательных выступлениях. В олимпийскую программу включено выступление под музыку, которое называется «Кюр». Это великолепное зрелище сравнимо по красоте с выступлением в художественной гимнастике или фигурном катании и доставляет огромное удовольствие зрителям.

Глава XIV

РАЗНИЦА МЕЖДУ ПАССАЖЕМ И ИСПАНСКОЙ РЫСЬЮ

Многие, даже хорошие, ездоки признают пассаж и испанскую рысь за одно и то же.

На пассажe лошадь сгибает колени и бабки, а на испанской рыси она выносит их вперед и держит вытянутыми.

Чем меньше лошадь подвигается вперед, тем выше она поднимает ноги, следовательно, тем дольше она держится на пассажe и тем лучше он выходит. На испанской рыси, напротив, лошадь должна забирать вперед как можно больше, идти высоко, протяжно, не торопясь (на скором ходу передние ноги не будут иметь времени для полной выдержки выноса).

Существует еще вид рыси, называемой «пловец» («pa-geur»), на которой лошадь, идя полным ходом, должна выдерживать на выносе передние ноги. Очевидно, вследствие быстроты хода вынос и выдержка ног не могут быть так отчетливы, как на испанской рыси.

Я не признаю этой рыси мотивом высшей езды. По-моему, вполне достаточно развить в лошади природный вынос ноги из плеча и мах.

Комментарий специалиста

Разница между пассажем и испанской рысью в современном понимании очевидна. На испанской рыси нога лошади выносится совершенно прямой и на максимальной высоте на мгновение задерживает ход.

Рысь, называемая в этой главе «пловец», относится к одной из разновидностей движения прибавленной рыси, когда лошадь максимально выбрасывает конечности вперед, словно пловец, захватывая таким образом как можно больше пространства. Возникающая при этом фаза зависания — настильна. Она удлиняет шаг лошади, а не поднимает его вверх, как на испанской рыси или пассажe.

Глава XV

СЕРПАНТИН НА РЫСИ

Лошадь, идя собранной рысью, делает в два следа по четыре шага вбок, последовательно то вправо, то влево.

Бедра не должны обгонять плеч, поэтому передом лошадь должна постоянно забирать вперед больше, чем задом.

На первый взгляд этот мотив кажется простым, но выполнять его отчетливо очень трудно. Нетрудно понять, что времени для того, чтобы на четырех ногах переставлять лошадь с одной диагонали на другую мягко и плавно, слишком мало. Лошадь должна делать в каждую сторону ровно по четыре шага. В этом и заключается чистота исполнения серпантина и вместе с тем его трудность. Смысл этого мотива пропадает, если лошадь делает вбок то по три, то по пять шагов.

Комментарий специалиста

Серпантин на рыси в два следа по своему рисунку движения на манеже напоминает принятие на рыси, но при этом конечности не выполняют перекрестное движение, а корпус лошади равномерно подается под действием шенкелей вправо или влево.

Четное количество темпов обусловлено тем, что начать движение в противоположную сторону возможно только с обратной ноги, чтобы избежать перекрещивания конечностей, как на принятиях.

Глава XVI

ГАЛОП НА ТРЕХ НОГАХ

При галопе, положим, направо лошадь все время держит на весу правую переднюю ногу. Исполняя этот мотив, первые три маха лошадь идет как на собранном галопе (галоп в четыре темпа), а четвертый отбивает в воздухе.

Только немногие лошади могут идти блестящим образом галопом на трех ногах. Большинство лошадей может подняться на трех ногах, вытянув четвертую, но исполнить репризу до конца, не опустив ни разу вытянутой ноги, в состоянии только очень энергичная лошадь. А в этом и заключается и блеск и интересность мотива.

Читатель помнит, что лошадь уже умеет вытягивать ноги, следовательно, отчасти подготовлена. Несмотря на это, дать ей понять и заставить исполнять новые для нее упражнения очень трудно. Пока что лошадь умеет только вытягивать и ставить поочередно каждую ногу. Теперь ей нужно вытянуть одну ногу и держать ее в воздухе.

Галоп на трех ногах, как я сказал выше, идет в четыре темпа, из которых на земле отбиваются лошадью только три: первый — левой задней, второй — правой задней и третий — левой передней ногой. Четвертый темп выдерживает в воздухе правая передняя, вытянутая во весь вынос нога (если предположить, что лошадь идет галопом с правой ноги).

Начинать с лошадью галоп на трех ногах можно только тогда, когда она совершенно выезджена и безусловно покорна.

Положим, приступаю к галопу с правой ноги. Лошадь усвоила себе отдельно два приема: идти галопом справа и вытягивать правую переднюю ногу. Располагая этими приемами, я должен, комбинируя их, вывести галоп на трех ногах. При обоих приемах главным помощником служит левый шенкель.

С точки зрения теории может показаться, что, нажав левый шенкель, повести лошадь галопом на трех ногах легко. На деле это не так просто. Сколько ни давать лошади, идущей галопом справа, левый шенкель, ногу она не вытянет, а или забочит, или бросится вправо. Поднимать ногу лошадь надо заставлять в момент остановки галопа. При первой удаче необходимо погладить и на несколько минут приостановить обучение. Затем начинать снова. Когда лошадь начала вытягивать ногу на остановках, остановки надо делать все чаще и короче.

На коротких полуодержках (полуостановках) посыл не прекращается, поэтому лошадь, готовясь к подъему ноги на остановке, не выдержит полуодержки, вынесет ногу раньше и таким образом сделает мах. Остановите, погладьте лошадь и прекратите урок.

Два отдельных приема начинают сливаться в один, но этого еще не достаточно. Когда лошадь повинуется свободно и легко, требуется, чтобы она вытягивала ногу не на полуодержке, а лишь только вы задержите аллюр и поднимете ей перед. Наездник должен обходиться с лошадью очень осторожно и долго довольствоваться двумя-тремя махами галопа. На этих махах лошадь должна хорошо и стойко держать вытянутую ногу. Для лошади нужно много энергии, чтобы выдерживать в воздухе ногу. Возбуждать ее энергию должен наездник. Очевидно, что сам он должен быть очень энергичен.

Левый шенкель не только должен держать в воздухе правую переднюю ногу лошади, но и, подавая вместе с правым поводом ее зад под центр, поддерживать и галоп. Словом, выдержите лошадь обоими сильными шенкелями и в то же время игрой левой шпоры не дайте ей опустить правую переднюю ногу. Кроме того, обоими шенкелями надо еще и не давать лошади бочить вправо. Если тем не менее лошадь занесла зад, то надо ее немедленно остановить, выправить и начать снова. (Когда лошадь бочит, то прекращается посыл, а без посыла ее можно заставить делать что-либо одно: или идти галопом, или поднимать ногу.) Итак, лошадь надо вести очень верно.

Все время лошади надо давать поддержку левым трензелем для того, чтобы ей легче было держать в воздухе правую ногу.

Галопом на трех ногах можно вести лошадь направо и налево.

Не приходилось мне ни слышать, ни видеть, ни читать, чтобы кто-либо, кроме меня, выполнял этот мотив.

Комментарий специалиста

Галоп на трех ногах тоже относится к числу элементов, распространенных очень ограниченно в национальных школах верховой езды. Он требует большой чуткости всадника и хороших природных данных от лошади. В современной выездке его не используют, и нет необходимости обучать этому лошадь.

Глава XVII

ОСАЖИВАНИЕ НА ПАССАЖЕ

Этот мотив очень труден. Он требует, чтобы лошадь, осаживая и сохраняя высоту и размер выноса каждой диагонали, поднимала задние ноги так же высоко и отчетливо, как на пассаже вперед. Лошади при всяком осаживании всегда трудно высоко поднимать задние конечности. Браться за исполнение таких трудных упражнений, как осаживание пассажем, можно только будучи вполне уверенным в себе. Часто, сам того не замечая, наездник слишком сильно действует на перед, отчего, обременяя зад лошади, не дает ему возможности работать им вверх.

Подавать лошадь назад надо, следовательно, не поводом, а, как я говорил раньше, шлюссом.

Переводить лошадь с пассажа вперед на пассаж назад надо через пиаффе, высокое и медленное (тот же пассаж, но на месте). Не следует предполагать, что с пассажа вперед можно прямо и легко добиться пассажа назад. Пробовать осадить пассажем, и то на несколько сантиметров, можно только тогда, когда лошадь безукоризненно пиаффирует на месте. Я работаю лошадь на пассаже назад следующим образом: собираю лошадь, усиливая шенкеля все круче и круче. (Собираю не поводом, а исключительно шенкелями.) С каждым выносом диагонали все глубже и глубже опускаюсь в седло. Раз лошадь поставлена в полный сбор, она стоит в такой неустойчивой равновесии (до такой степени оно полно), что малейшего перемещения тела всадника достаточно, чтобы сдвинуть ее куда угодно.

Хотя на этот прием нужно затратить много времени и применять его трудно, но только с помощью его одного и можно достигнуть успеха.

Комментарий специалиста

Сочетание осаживания и пиаффе — очень трудный элемент. При выполнении обоих этих движений с большим трудом удастся сохранять энергичную и высокую работу задних конечностей лошади. Смещая центр тяжести лошади назад, всадник загружает поясницу и круп, тем самым мешая движению на месте. Нужно иметь недюжинные способности, чтобы чувствовать грань между моментом, когда свобода задней ноги лошади будет ограничена, но не настолько, чтобы не иметь возможности сместить ее назад, сохранив при этом высокий ход.

Глава XVIII

БАЛЛОТЭ-ПИАФФЕ

Правые передняя и задняя ноги должны подниматься вверх и опускаться на место, а ноги левой стороны должны опускаться на место, сделав предварительно по одному такту вперед и назад. Отбивать такты вперед и назад лошадь должна не только конечностями левой стороны, но и бедром, и плечом, правая же сторона должна только правильно пиаффировать на месте, не участвуя в движении левой.

Боше превосходно исполнял баллотэ-пиаффе на Stades. Я выучил этому мотиву четырех лошадей, которые соответственно их энергии исполняли его более или менее блестяще.

Трудно изложить, как надо работать, чтобы обучить лошадь баллотэ-пиаффе. Однако попытаюсь.

Прежде всего надо сказать, что усвоить этот мотив может только лошадь, которая пиаффирует высоко и медленно. На этом аллюре лошадь так неустойчива, что малейшим нажатием повода можно подать назад и малейшим прикосновением шпоры выдать вперед какой-либо из ее членов.

Поставить и держать лошадь на пиаффе. Поддать и подставить левую заднюю ногу под центр шенкелями. Под давлением шенкелей в момент, когда правая диагональ встала на землю, левая передняя нога, вынесшись вверх в то время, когда левая задняя вступила на землю, держится в воздухе, согнувшись в колене. Эту (левую переднюю) ногу тотчас же из такого положения подать назад поводом и поставить сзади правой, то есть левая диагональ встанет на землю, причем левая задняя нога находится в воздухе, а правая пиаффирует. На движении вперед левая задняя нога встает перед правой (фигура 1), а на движении назад левая передняя встает сзади правой. Если мне удалось объяснить ясно, то читатель поймет, что, несмотря на ход движения сзади вперед и обратно, это пиаффе выполняется диагонально, как и обыкновенное пиаффе.

Каждый повод и каждый шенкель должны сменять друг друга так быстро, что указать момент, когда наездник должен прибегнуть к каждому из них, невозможно.

Тут во всем блеске является высшее дарование ездока — его чувство «чувствовать лошадь» (*tact equestre*). Прибавлю только: чтобы вызвать движение вперед задней ноги и поддержать в воздухе левую переднюю, я усиливаю правую шпору, а чтобы не дать левой задней ноге под напором правого шенкеля податься влево, я сильно работаю левым.

Для движения назад оба повода должны быть натянуты, но левый повод работает сильнее в момент, когда левая передняя нога подается назад.

Все время езды должен работать шенкелями, даже шпорами, очень тонко левым поводом и почти не трогать правым.

Комментарий специалиста

Баллотэ-пиаффе напоминает раскачивание лошади вперед-назад с последующим возвращением в исходную точку. Чуткость всадника и его хорошая быстрая реакция на каждое движение лошади, на любое напряжение мускулов помогают выполнить этот элемент высшей школы верховой езды. Из-за своей сложности он не используется современными всадниками и в других видах выездки и дрессуры встречается очень редко.

Глава XIX

ГАЛОП НА МЕСТЕ И СПЕРЕДИ НАЗАД

Это тот же галоп, но укороченный до последней степени. Лошадь, идя им, совсем не подается вперед. Если лошадь держится на галопе, не сходя с места, то момент, когда она пойдет галопом спереди назад, не за горами.

Галоп спереди назад (для краткости буду называть его «галоп назад») представляет собой совершенно правильный аллюр, и каждый мах его, как и мах галопа при полном сборе, разлагается на четыре темпа.

Из всех манежных мотивов это самый трудный и сложный. Я советую пробовать его в самом конце выездки, и только с выдающимися лошадьми.

Чтобы быть в состоянии держаться в сборе, доведенном до последней степени, лошадь должна быть одарена из ряда вон выходящей силой поясницы и скакательных суставов. Достигнуть же исполнения этого движения без такого сбора невозможно.

Чистокровный Гант от Gantetel и M-elle de la Romanerie ходил галопом назад шутя и, обойдя им кругом манежа, даже оставался свежим, как ни в чем не бывало.

Боше не умел или не мог описать галопа назад. В 14-м* издании сочинения о методе выездки на 155-й странице он говорит так: «Темп галопа назад таков же, как и галопа обыкновенного, но с той разницей, что передние ноги, поднявшись вверх, вместо того, чтобы забирать вперед, подаются назад для того, чтобы зад (*arrière main*) имел возможность, лишь только передние ноги встанут на землю, выполнять то же отступательное движение». Надо полагать, он так и исполнял.

Как мог Боше, высказав, что галоп назад исполняется, как и галоп вперед, описать его таким образом? Несомненно, что галоп назад — такой же галоп, как и галоп при полном сборе, но

именно потому и нельзя назвать галопом та-кой аллюр, на котором зад забирает пространство спереди назад тогда, когда перед становится на землю.

Какой это аллюр, при котором как обе передние, так и обе задние ноги становятся на землю вместе? Как же при этом может выйти галоп?

Не надо быть великим наездником, чтобы понять, что Боше говорит не о галопе, а о каком-то аллюре в два темпа, из которых один отбивается передом, а другой задом. Речь, очевидно, идет не о галопе, а о каком-то подсакивании лошади передом и задом спереди назад. Галоп тогда только галоп, когда одна передняя нога лошади становится на землю после другой передней, одна задняя — после другой задней; когда задняя нога становится на землю в то же время, как и противоположная передняя. (Левая диагональ, когда лошадь идет справа, и правая, когда она идет с левой ноги.)

Термин «галоп спереди назад» принят нами от Боше, но аллюра, соответствующего ему, он не знал. Это видно еще и из того, что, говоря об этом галопе, он нигде не упоминает, на какой ноге идет или должна идти лошадь.

Ганта я выездил галопом назад только с правой ноги.

Выезжал я его для дамы, а у дамы только одна шпора на левой ноге, и держать лошадь она может только с левой стороны.

Мне удавалось выезжать галопом назад нескольких лошадей, и они ходили подо мной и с правой, и с левой ноги. Чистокровный Жерминаль от Флавио и Паскали (выезжал я его для себя) ходит галопом назад на обе ноги.

Мне первому принадлежит честь добиться этого галопы. Ездок, ведя лошадь галопом назад, должен быть всегда в состоянии сказать и доказать, на какой ноге она его исполняет. Галоп назад с левой ноги должен идти так, как и галоп вперед в три темпа. (Известно, что на самом деле он идет в четыре темпа.) Именно: 1-й — задняя правая, 2-й — правая диагональ, 3-й — левая передняя нога. Вся трудность заключается в том, чтобы как передняя, так и задняя ноги не становились на землю в одной вертикальной плоскости. Необходимо, чтобы правая задняя нога становилась немного сзади левой так, чтобы расстояние между ними спереди назад оставалось почти таким же, как и при галопе вперед. Я говорю «почти» потому, что махи короче, поэтому и расстояние будет меньше. Считаю лишним говорить, что и правая передняя нога должна тоже, как и на галопе вперед, становиться сзади левой.

Мы видели раньше, что на земле мах галопы отбивается лошадью в три темпа: задняя нога, диагональ и передняя нога. Полевой галоп идет безусловно этими тремя темпами, но мах галопы скакового, на месте и назад (крайности) разлагается на четыре темпа.

Например, на галопе с левой ноги обе конечности диагонали становятся на землю не в одно время, а в следующей последовательности: правая задняя нога, левая задняя, правая передняя и левая передняя. На скаковом галопе темпы эти очень явственны, но так как они сменяют один другой очень быстро, то подметить их очень трудно. На галопе на месте, особенно на галопе назад, они почти ускользают от глаза, так как ноги лошади едва касаются земли и едва поднимаются вверх на несколько сантиметров. Уловить эти темпы возможно только при помощи точных инструментов или моментальной фотографии. Так или иначе, но факт налицо: как на скаковом галопе, так и на галопе на месте и назад посыл каждого маха складывается из четырех последовательных темпов.

Надо заметить, на что я и прошу обратить особое внимание, что на галопе на месте и назад диагональ работает как и на обыкновенном галопе, но с той разницей, что задняя нога, хотя почти и незаметно, но действительно становится на землю раньше соответствующей передней. Подготавливая лошадь к галопу на месте, я ежедневно укорачиваю обыкновенный галоп. Укорачиваю я посылом, то есть все сильнее и сильнее я подаю шенкелями лошадь на повод. При этом лошадь нужно доводить до полного сбора, поэтому повод должен быть выработан до величайшей тонкости.

Усиливая ежедневно приемы сокращения галопы, я дохожу до галопы на месте, но галопы в посыле, а не на зад. На галопе на зад держать лошадь в поводе невозможно. Она кончит тем, что встанет за повод и начнет пятиться.

Теперь нужно довести лошадь до возможности идти галопом назад. Когда я чувствую, что лошадь отбивает галоп на месте так легко и свободно, что воздействие повода является лишним, я пытаюсь шенкелями и шлюссом (но отнюдь не поводом) подать ее назад на один или два сантиметра. Для воздействия шенкелей и шлюсса я ловлю тот момент, когда под напором посылы лошадь висит в воздухе. Назад я подаю не корпус, а только шлюсс, для чего, чтобы вполне опуститься на ягодицы, почти совсем бросаю стремяна. Это тот же момент между последним темпом одного и первым другого маха, на котором меняется нога при перемене ног. Момент этот едва уловим, лошадь висит в воздухе и с ней можно сделать все. Столкнуть ее можно даже дуновением.

Подвижность лошади в этом положении (за отсутствием упора) так велика, что одной подачи наездника в седле назад достаточно, чтобы подалась назад и лошадь. Как бы ни была ничтожна подача, ее для начала достаточно.

Усиливая ежедневно указанные воздействия, ездок доведет лошадь до исполнения галопа назад в таком виде, как я его описал. Если натягивать поводья с целью подавать лошадь на зад, то задние ноги отойдут назад, привлекут на себя тяжесть и он потеряет подвижность. Зад лошади между тем должен обладать полной подвижностью, чтобы иметь возможность, двигаясь спереди назад, забирать возможно больше пространства. Достигнуть такой подвижности зада можно только при условии, чтобы задние конечности постоянно держались под центром тяжести.

Комментарий специалиста

Высшая ступень выездки — галоп назад. Вот где в максимальной степени открывается талант великого наездника. Анализируя и понимая каждое движение лошади, он виртуозно владеет каждым мускулом своего собственного тела, но при этом делает все это осмысленно, что доступно только великим мастерам своего дела.

Каждый может дышать, но проанализировать, какое движение выполняет при этом его организм, доступно не каждому. Так и великий мастер отличается от просто талантливого умением проанализировать ситуацию и объяснить причины и последствия ее.

Глава XX НОВЫЕ МАНЕЖНЫЕ МОТИВЫ

Я создал несколько новых манежных мотивов. Ограничусь их перечислением. Они исполняются теми же приемами и зиждутся на основах, которые мы раньше изучали в этой книге.

1. Новый испанский шаг.

Лошадь делает один шаг вперед и один назад. Например: левая нога вытянулась и сделала шаг вперед, затем правая выносится и вытягивается тоже вперед, но, опускаясь, делает шаг назад. Лево́й диагона́лью лошадь подается вперед, а право́й назад. На этом движении я веду лошадь сколько мне вздумается. Диагонали меняю. Тогда правая нога выносится и вытягивается, а левая, вынесясь и вытянувшись, ступает на шаг назад. Правая диагональ подает лошадь вперед, а левая осаживает ее. Менять диагональ можно сколько угодно.

2. Серпантин на пассаже.

Это тот же серпантин, что и на рыси, но гораздо более трудный.

3. Галоп на трех ногах с правой и с левой ноги.

4. Галоп на трех ногах, в два следа, тоже с обеих ног.

5. Вольты и пируэты на галопе на трех ногах, на обе ноги.

6. Испанская рысь в два темпа на каждую ногу.

До меня испанской рысью наездники ездили только одним темпом на каждую ногу. На моей испанской рыси в два темпа лошадь исполняет два темпа на правой ноге, держа в воздухе и вытянутую левую, а затем и тотчас же два темпа на левой ноге, а в воздухе держит правую.

Естественно, что на втором темпе лошадь забирает вперед меньше, чем на первом. Упражнение это можно продолжать столько времени, сколько захочется.

7. На испанской рыси в два темпа, то есть подразумеваю вынос ноги — правая, левая; правая, правая; левая, правая; левая, левая, — я провожу лошадь раз или два кругом манежа.

Смею заявить, что этот мотив — наиболее сложный и наиболее трудный из всех, которых достигала выездка лошади и езда.

8. Галоп на месте и назад на трех ногах.

Самое трудное при исполнении этого мотива заключается в том, что нужно поддерживать посылом вытянутую вперед переднюю ногу в то время, когда лошадь остальными тремя ногами двигается в обратную сторону. Считаю лишним и скучным повторять приемы, которые нужно применять при исполнении этих мотивов. Все они уже описаны выше, и если читатель внимательно прочел эту книгу, то он их понял и помнит.

Комментарий специалиста

Предложенные Джеймсом Филлисом новые мотивы выездки не нашли широкого распространения, описание их является достоянием автора этой книги, и исполнение тоже.

Искусство выездки за это столетие пережило множество изменений, иногда трудно сказать, в лучшую или худшую сторону. Ряд мотивов был утерян в силу их сложности и неестественности для организма лошади.

Дрессура в цирке значительно отличается по своим принципам от высшей школы верховой езды, и элементы, которых добиваются при дрессировке, ни в коей мере нельзя считать выездкой. Своеобразную нишу между выездкой и ездой занимают группы каскадеров, выполняющие ряд зрелищных элементов в своих показательных выступлениях, но, как правило, это испанский шаг и испанская рысь, а далеко не галоп на месте или осаживание на пассаже.

Глава XXI ДАМСКАЯ ЛОШАДЬ ВЫСШЕЙ ЕЗДЫ

Дамская лошадь высшей езды должна быть более гибкой и работать свободнее справа налево, чем слева направо, потому что амазонка, пользуясь ногой и шпорой, которая у нее слева, может управлять лошастью слева направо так же хорошо, как и наездник. При работе справа налево в ее распоряжении только хлыст, который, конечно, не может заменить собой шенкель, да еще и усиленный шпорой. Понятно, что если лошадь туга на движениях справа налево, то хлыстом с нею ничего нельзя поделать. Невыгода такого неравномерного способа воздействия на лошадь проявляется при всех упражнениях.

При ходе в два следа справа налево лошадь не будет держаться так верно и в таком поводе, как слева направо. Переменить правую ногу на левую на галопе труднее. На испанском шагу левую ногу лошадь поднимает не так высоко и вытягивает не так энергично, как правую. Если дать лошади более сильный удар хлыста, то она даст скачок, и, кроме того, напрягая правую руку для сильного удара, амазонка редко может сохранить спокойствие левой руки. Малейшее колебание этой руки будет отражаться толчками во рту лошади и расстраивать ее постановку, если она правильная.

С левой стороны в распоряжении амазонок могучий помощник. Им они большей частью злоупотребляют. Помощник с правой стороны слаб и для восстановления равновесия недостаточен. Большинство дамских лошадей из-за этого бочат.

Вот почему дамская лошадь высшей школы должна быть больше выработана выездкой справа налево.

Для дамской лошади обыкновенной езды достаточно держаться и идти верно.

Комментарий специалиста

Современная дамская езда ничем не отличается от обыкновенной. Амазонки прекрасно выступают на соревнованиях в спортивных, а не в дамских седлах и составляют подавляющую часть спортсменов, занимающихся кропотливой и требующей огромного терпения работой по подготовке лошадей по программе высшей школы верховой езды. На их умении и трудолюбии держится сегодня этот вид конного спорта в нашей стране.

Часть четвертая

КОММЕНТАРИИ К МЕТОДЕ БОШЕ

Как ездок высшей школы, Боше не имеет себе равного, но изобрел высшую школу не Боше. Искусство это выработало несколько поколений наездников, но Боше создал новую, самостоятельную методику. До него ни один из наездников не достигал тех результатов, которые получил он. Он преодолел множество затруднений и расчистил путь от множества препятствий. Он создал новые манежные упражнения и выполнял их с изумительной точностью. Главное достоинство методики Боше заключается в том, что в основе ее лежит идея сохранения лошади путем ее постановки в равновесие, равномерного распределения тяжести тела лошади на ее конечности, разумной гимнастики и сгибаний. Я принял от Боше то, что я называю «его 3 золотых ключа», а именно: 1) сгибания, только при поднятой шее и голове, 2) его приемы замыкать лошадь (между шенкелями и поводьями) и 3) его сбор, который я усовершенствовал. Во всем остальном метода больше приближается к принципам версальской школы, так как я придерживаюсь просторных аллюров и вымахиваю лошадь. Примененная на практике методика Боше дает очень быстрые результаты. Я горжусь тем, что обязан Боше моими познаниями. Фр. Карон, мой учитель, был учеником Боше. Я глубоко и всесторонне изучил методику Боше, и без этого я не достиг бы в езде той ступени, на которой стою. Было бы неблагодарностью с моей стороны, упоминая о Боше, не упомянуть в то же время о его противнике, Викторе Франкони, от которого я получил много превосходных указаний. Смелостью и энергией посылал в езде Франкони походил на графа Д'Ор. Если бы пришлось перечислять всех великих мастеров, которым обязано современное искусство езды, то из их имен составил бы огромный список. Франция может гордиться целой плеядой великих наездников. Если Италия имеет Пиньятелечи, Англия — Ньюкестля, Германия — гр. Швеппе, то Франция может выставить целые сотни великих имен, и во главе их: Дюпати дю Клам, Ля Гериньер, д'Абзак, маркиза де Бин и др.

Знаменитая ганноверская школа есть не что иное, как отпрыск великой версальской школы.

Франции бесспорно принадлежит честь быть страной классического искусства верховой езды.

В старину, для того чтобы выездить лошадь высшей школы, надо было потратить два-три года. Предшественники Боше не только не касались, но и не предполагали тех трудностей, которые он преодолевал. До сего дня я выезжал высшей школой тридцать шесть лошадей. До сих пор еще никому не приходилось выезжать такого количества лошадей. Боше прожил до 74 лет и выезжал двадцать шесть лошадей. Если я доживу до его лет, то надеюсь выезжать еще столько же. О лошадях обыкновенной выездки я и не говорю, так как их, должно быть, несколько сотен.

Я не думаю превозносить себя перед моими предшественниками. Конечно, до меня работали не хуже, а может быть, и лучше. Я упоминаю о числе выездженных мной лошадей в качестве иллюстрации к моей методике. Я уверен, что, приняв мою методику, всякий наездник, конечно если у него есть дарование и любовь к делу, достигнет тех же результатов.

Очень мало авторов предлагают какую-либо законченную систему выездки и езды. Я изучал все появляющиеся сочинения и полноты до сих пор не встречал. По методике Боше можно выезжать лошадь для высшей школы за восемь месяцев, а для обыкновенной езды за два месяца.

Мы должны преклониться перед памятью этого великого мастера верховой езды.

Следует ли из этого, что Боше недосыгаем для критики? Нет. Лично я разделяю далеко не все из его положений и считаю долгом опровергнуть те из них, которые я признаю ошибочными. В

своей книге мне приходилось несколько раз попутно разбирать и опровергать некоторые заблуждения Боше. Разберу еще несколько его положений.

Положение Боше, что лошадь должна быть постоянно замкнута между шенкелями и поводьями, я нахожу ошибочным, даже вредным. Это положение, будучи применяемо, опасно для слабых ездоков вообще, а особенно для тех, которые, начиная выездку лошади в первый раз, не имеют под рукой опытного советника или наставника. Большей частью бошеристы норовят лошадей. Метода Боше доступна не всякому, а может быть безопасно и с успехом применена только тем, кто основательно подготовлен предварительным изучением езды и выездки.

Боше говорит, что у всех лошадей чувствительность рта и боков одинакова. Мнение это я считаю ошибочным и утверждаю, что не найдется двух лошадиных ртов и двух боков, чувствительных в одинаковой степени. Они, как листья одного и того же дерева, похожи друг на друга, но не тождественны.

У каждой лошади можно выездкой развить мягкость рта и чувствительность к шенкелю, но степень мягкости и чуткости у каждой из них будет различна.

Боше говорит, что лошадь тянет не от большей или меньшей тугости рта, а от характера того равновесия, в котором она стоит, и что с изменением равновесия лошадь перестанет тянуть. Рассмотрим это положение и для примера возьмем чистокровных лошадей во время выдержки. Все они стоят в одинаковом равновесии на переду, то есть их головы и шеи опущены, а зад поднят. И что же мы видим: иная не ложится достаточно на поводья и скачет плохо; иная тянет только в меру и скачет хорошо; иная тянет слишком сильно, а иная заносит, несмотря ни на что. Не доказывает ли это, что у всех лошадей, несмотря на общий для них всех характер равновесия, чувствительность рта различна. При этом надо заметить, что лошади скачут на уздечке, следовательно, различие чувствительности рта не может быть отнесено на счет различия в конструкции удила.

Я делал несколько опытов в этом направлении и вывел следующее заключение, которое я признаю за непреложную истину: 1) каждая лошадь чувствительна ртом по-своему; 2) степень чувствительности остается той же при всякой работе, на всяком аллюре и во всяком равновесии.

У меня были две чистокровные лошади — Редут от Parmesan и Гант от Gantelet и M-Ile de la Vomanterie. Обе лошади имели успех на скачке. Достались они мне в пятилетнем возрасте. Я выездил их, и из них вышли замечательные лошади высшей езды.

У Редута рот был замечательно тонок и мягок. Он шел в полном сборе почти без поддержки повода. Гант был более туг, и, чтобы вести его в сборе, надо было натягивать повод.

Я ездил проезжать их по направлению скакового круга, находящегося за Багатель. Ездил я шагом, рысью и галопом, и как в поле, так и в манеже разница в чувствительности и степень ее у каждой лошади оставались теми же.

Приехав на круг, я снимал цепку, мундштучные поводья связывал вокруг шеи и пускал галопом. Каждая лошадь скоро ложилась на повод, насколько нужно, и ставила себя на перед по-скаковому. После этого я пускал полным скаковым ходом и проходил на каждой лошади около тысячи метров. Смотря на лошадей, нельзя было подумать, что они не были на кругу в продолжение восемнадцати месяцев. Каждая лошадь во все время опыта сохраняла характер рта, который она выказывала в манеже и на проездке. Во время скачки Редут тянул настолько, чтобы хорошо скакать. Гант сильно упирал в повод, тянул изо всех сил и заносил. Первого я останавливал на нескольких скачках, а второго мне никогда не удавалось остановить ранее, чем проскакав еще от ста пятидесяти до двухсот метров, да и то не столько поводом, сколько голосом.

Отскакав, я возвращался домой шагом, чтобы дать лошадям отдышаться. Приезжая домой, я тотчас же проделывал высшую езду. Рот каждой лошади был с теми же особенностями, как и при всех предшествовавших упражнениях. На проездке обе лошади шли в поводу, не сидя на бедрах. На скаковом ходу они тянулись так, что нельзя было бы предположить, что они ходят высшей ездой, а в манеже они шли на заду так, что нельзя было бы подумать, что они только что скакали на кругу.

Надо заметить, что в продолжение опыта я ставил лошадей последовательно в совершенно различные характеры равновесия, а именно: 1) по дороге на круг я вел в горизонтальном равновесии, то есть просто в поводу; 2) на кругу в скаковом равновесии, то есть на передку; 3) в манеже на репризах высшей езды я ставил их в школьное равновесие, они садились на бедра, то есть шли на задку. Характер равновесия каждая лошадь меняла три раза, следовательно, и воздействие шенкелей и поводьев изменяли свой характер соответственно роду работы. Итак, обратно положению Боше, я настаиваю на том, что, как бы лошадь ни работала, какого бы характера ни было воздействие помощников и каков бы ни был характер равновесия, в котором она стоит, достоинства и недостатки рта остаются те же.

Тот же опыт я повторил на двадцати чистокровных лошадях, выездженных высшей школой, и приходил к тому же самому выводу, то есть: изменение характера равновесия не имеет никакого влияния на рот. Само собой разумеется, что, если лошадь тянет оттого, что перед ее опущен, то, если его поднять, лошадь перестанет тянуть. Эту легкость лошади в руке Боше и смешивал с врожденной чувствительностью рта.

Рассмотрим положение Боше относительно чувствительности боков лошади. Кто может поверить, что бока простой, тяжелой, сырой лошади были так же чувствительны, как и бока лошади породистой, сухой, энергичной? Я уже говорил, что ставить в *gameur* можно только очень приемистую лошадь, которая смело идет на повод.

Я допускаю, что и с первой лошадью можно достигнуть того же, что и со второй, но ценой каких усилий! Чтобы возбудить в первой некоторое подобие энергии, шпорой надо бороздить ей бока, а для того, чтобы вторая проявила полную энергию движения, достаточно тронуть ее каблучком.

Лошадь щекотливая, раздражительная, норовистая никогда не будет выносить шпоры так покорно, как лошадь добронравная и маловпечатлительная. Природу лошади нельзя переделать совершенно. Лошадь щекотливая от природы становится еще щекотливее от постоянного раздражения шпорой. Случается, что и нещекотливая лошадь от выездки становится щекотливой. Лошадь со слабой поясницей или скакательными суставами, вообще порочного склада не излечится от своих недугов, если ее выездить по методу Боше. Напротив, ее страдания усилятся, если начать ставить ее в то или иное положение без участия шенкелей, например в *gameur* или, что еще хуже, в полный сбор. (Это то же, что всех людей считать одинаково щекотливыми.) Боше очень ошибается, полагая, что его метода способна исцелить и победить всякое зло.

Вообще, чем слабее и болезненнее лошадь, тем меньших усилий надо от нее требовать, чтобы не сделать ее совершенно негодной к службе. О тонкой езде не может быть и речи, так как лошадь не в состоянии выдержать сбора. Самое большее, что от слабой лошади можно требовать, — это чтобы она подавалась вперед, и считайте себя счастливыми, если вам удастся сделать из нее порядочную полевую лошадь (*cheval de promenade*).

Я считаю глубоко ошибочным и другое положение Боше. Он говорит, что в лошади можно убить всякое инстинктивное проявление силы, заставив ее проявлять только силу, переданную ей (*forces transsmises*).

Положение странное и противоречащее самой силе вещей. Я думаю, что Боше просто не нашел подходящего выражения своей мысли и высказал ее так неудачно. Что такое инстинктивная сила? Очевидно, сила и крепость мускулов лошади. Если их разрушить, то что же останется в лошади? Что должно означать выражение Боше «переданная сила»? Можно передать электрический ток, какое-нибудь душевное движение, но чтобы передать силу, надо сначала возбудить ее. Всадник же не должен делать никаких усилий, но, напротив, он должен всегда оставаться гибким. Если бы он и вздумал действовать на лошадь силой, то его сила в сравнении с силой лошади оказалась бы ничтожной.

Чем располагает всадник? Только руками и ногами. Шенкеля возбуждают посыл, поводья сдерживают и направляют его.

Шенкеля, если они действительно, вызывают в лошади энергию проявления силы, но не сообщают ей самой силы.

Руки всадника не должны проявлять никакой силы, разве только в исключительных случаях, когда ему приходится действовать силой против силы. И в этом случае все-таки руки не только не передают лошади силы, но, напротив, стараются сдерживать ее силу.

Два жокея подходят голова в голову к столбу на одинаково задохшихся лошадях. Один из них очень силен и энергичен. Он изо всех сил погоняет свою лошадь ногами, руками, хлыстом. Кажется, что он придал лошади новую вспышку энергии для последних двух-трех махов, и она выиграла. Может казаться, что жокей передал лошади силу, но это только может казаться. На самом деле жокей только побудил лошадь напрячь в последнем усилии остаток силы, который был у нее в запасе и которого хватило еще на две-три секунды.

Другой пример. Лошади возвращаются с охоты сильно заморенными. Приходится спускаться по крутому спуску, в конце которого находится ров. Много лошадей, которых всадники ведут без поддержки, спотыкаются и падают. Один охотник сильно поднимает свою лошадь, и она остается на ногах. Опять представляется, как будто человек вселил в лошадь новые силы. На самом же деле всадник только пробудил в лошади энергию для напряжения силы, которая в ней еще имелась, и она сама себя своими собственными силами удержала. Возьмем лошадь высшей езды перед окончанием работы. Лошадь пристает, то есть ее движения становятся вялыми. Тем не менее мне хочется заставить ее сделать еще несколько упражнений, требующих от нее большой энергии. Приходится прибегнуть к шпоре, и я пользуюсь ею с такой силой, что лошадь вся трепещет. Разве в этом случае я передал ей силу? Опять нет. Я возбуждал в ней остаток энергии, которая пробудила в ней остаток силы.

Итак, всадник не передает лошади силы, но пользуется ее силой и направляет ее по своему желанию, сдерживая или усиливая ее проявление.

Мне думается, что Боше хотел сказать, что всякий раз, когда лошадь собирается произвольно пустить в ход свою силу (которая инстинктивна), особенно для проявления какого-либо своеволия, например дает скачок, поднимается на дыбы, закидывает и т. п., то ездок должен удержать ее и направлять по своему желанию.

Неужели, когда лошадь напрягает энергию, тоже инстинктивную, для того, чтобы дать хороший шаг, просторную рысь или отчетливый галоп, всадник должен тоже уничтожать ее энергию? Боше не разрушал и не передавал лошади силы, а только управлял ее проявлениями. Он копил силы лошади сгибаниями и мастерской выездкой и этим путем не допускал ее злоупотреблений своей силой и сам властвовал над лошастью.

Во всяком случае, в борьбе силы против силы лошадь всегда осилит всадника. Ввиду этого всадник не должен допускать лошадь до осознания своей силы и до желания обратить эту силу против него. Он должен заранее угадывать намерения лошади. Наездник, у которого развито чувство лошади, всегда предчувствует сопротивление лошади и не дает ей возможности проявить его.

Боше, хотя провел всю жизнь, выезжая таких лошадей, как Партизан, Бюридан, Капитэн Стад и др., тем не менее жаловался, что его лошади не всегда были легки в поводу на переменах направления. Он объяснял это тем, что его метода ставит лошадь в «равновесие второго порядка» (это термин Боше). Мой термин — неполное равновесие, неполный сбор. По его мнению, полного равновесия можно достигнуть, действуя только или одними поводьями без шенкелей или одними шенкелями без поводьев. И тут Боше сильно ошибается. Равновесие первого порядка он открыл только благодаря тому, что к концу жизни стал поднимать голову и шею лошади вверх. К сожалению, это открытие он сделал уже тогда, когда не мог садиться на лошадь.

При том поставе головы и шеи, которые давал своим лошадям Боше, полного сбора он получать не мог. Полный сбор не мог не ускользать от него при опущенной голове и гибкой в стороны шее лошади. Допускать же возможность вести лошадь в полном сборе одними поводьями без шенкелей и наоборот просто нелепо.

На 82-й странице 14-го, последнего издания своего сочинения Боше говорит: «Моя метода ставит лошадь в такую зависимость от всадника, что малейшего проявления совместного воздействия шенкелей и поводьев достаточно для того, чтобы направлять рычаги могучего

животного». Точнее нельзя выразить. Но в том же издании на странице 178 он же говорит, что настоящая езда сводится к тому, чтобы управлять лошастью поводом без шенкелей и шенкелями без повода.

Как он проглядел такое противоречие? Шенкеля имеют назначение делать лошадь смелой в задних конечностях, а поводья — мягкой во рту. Езды в настоящем смысле, без взаимодействия обоих помощников, быть не может. Все, что делают с лошастью вне этого условия, — фокусы.

Что Боше ошибался, думая, будто он нашел возможность вести лошадь в полном равновесии при воздействии одних помощников без других, доказывается тем, что сам он выезжал лошадей при содействии тех и других. Правда, он достиг такой тонкости в выездке, что мог управлять лошастью одной какой-либо категорией помощников, но, так как для посылы нужны шенкеля, а для направления повод, то он всегда очень скоро обращался к помощи то тех, то других.

Спрашивается: для чего же отказываться от содействия помощников, к которым все равно ежеминутно приходится прибегать?

Вот доказательство тому, что без них нельзя обойтись: попробуйте повести лошадь без шенкелей в два следа, особенно на галопе. Задумав, нечем будет давать указание, как и куда ему двигаться. Попробуйте поставить лошадь на испанскую рысь тоже без шенкелей. Лошадь, стоя на месте, станет поднимать ноги, но нечем будет послать ее на рысь. Попробуйте те же упражнения, но одними шенкелями, без поводьев. Шенкеля вызовут напряжение задних конечностей, устремят лошадь вперед, а задержать ее и поднять ей перед будет нечем. То же будет при всяком манежном упражнении. Я согласен с тем, что когда выездка высшей школы доведена до последней степени тонкости, то лошадь может исполнять манежные приемы, так сказать, без воздействия помощников, по указанию распушенных поводьев или от прикосновения рейтуз. В этом случае все сводится к оттенкам, но в оттенках и заключается искусство. Так как Боше сам сознавался, что он достигал со своими лошадьми только равновесия «второго порядка», то я имею право считать, что лошади моей выездки стоят выше лошадей его выездки. В продолжение последних десяти лет я ставлю и веду моих лошадей в полном сборе, то есть достигаю того, что он называет равновесием первого порядка. Я спешу, однако, прибавить, что этим я опять обязан Боше. Стараясь найти решение задачи, я открыл способ добиться полного сбора, но возможного только при условии очень высокого постава шеи и головы. Говоря, что мои лошади стоят по езде выше лошадей Боше, я не хочу сказать, что они вернее лошадей великого мастера, так как его лошади были безусловно верны. Я хочу только сказать, что мои лошади исполняют те же приемы высшей езды и так же правильно, как лошади моего знаменитого предшественника, но имеют более высокий постав головы и шеи и идут выше, то есть в более полном равновесии. Управлять вследствие этого моими лошадьми можно легче, и все они идут в большем посыле.

В своих сочинениях Боше почти совсем не касается вопроса о проявлении характера лошади на открытом воздухе.

Боше никогда не ездил на воле. Хотя я и не был его учеником, но следил за ним во время его путешествий по Австрии, Италии, Швейцарии с 1847-го по 1850 год. За эти три года я ни разу не видел его верхом на открытом воздухе. Говорили, что он не был крепок в седле, поэтому и не ездил на охоту. Я этого не могу допустить. Может быть, Боше не был таким пылким и блестящим наездником и не сидел так непоколебимо в седле, как граф Д'Ор, но из этого не следует, что он боялся ездить на воле. Одно то, что Боше выезжал много лошадей, доказывает, что он сидел в седле крепко, так как за время выездки непременно приходится выдерживать более или менее жестокую борьбу с лошастью. По-моему, надо искать иную причину. Боше был творцом новой системы, следовательно, мыслителем. Как мыслитель, он не мог находить удовольствие в такой езде, при которой приходится предоставлять лошадь самой себе. Всю жизнь он посвятил тому, чтобы открывать нам новые пути. Ему было скучно сидеть на лошади и не работать ее. Думаю, что это и было причиной тому, что Боше не интересовался ни полевой, ни охотничьей лошастью.

Не занимаясь ею, он и не обратил внимания ни на ее характер, ни на то, как на ней надо ехать и управлять ею. Вследствие этого ему не могла броситься в глаза громадная разница,

которая существует между лошастью, работающей в манеже, «замкнутой» по его методу, и лошастью, идущей под всадником на воле, при условии возможности растягиваться.

Боше никогда не ездил на просторе, а потому никогда и не развивал в лошадях широких аллюров. Это было большой ошибкой с его стороны. Лошадь очень легко переходит от растянутого положения в сбор. Репризы во весь дух, конечно не слишком долгие, дают возможность лошади переменить характер равновесия, растянуться, расправить свои члены. Они развивают и укрепляют дыхание.

Главный недостаток метода Боше заключается в том, что он всегда вел лошадь «замкнутой». Что касается меня, то на всяком уроке после каждой уступки я считаю необходимым дать лошади свободу растянуться, расправиться. Кроме того, я считаю необходимым во все время выездки приучать лошадь растягиваться на всех аллюрах. Нет такого положения, в котором бы лошадь не уставала. Если менять положение, то она охотнее возвращается к прежнему.

Еще одно и последнее замечание. На странице 103 14-го издания Боше приводит разговор, который он имел в Берлине с некоторыми офицерами, имевшими репутацию знатоков лошади и езды. Пруссак говорили: «Мы требуем, чтобы лошадь была перед поводом»; Боше отвечал: «А я требую, чтобы лошадь была за поводом, но перед шенкелями».

Что касается меня, то я не разделяю ни мнения прусских офицеров, ни Боше. Я считаю, что лошадь должна стоять «перед» шенкелями и быть слегка «на поводе». Но и тут все дело в оттенках. Вопрос об оттенках не может относиться к строевым лошадям. В вопросе о выезде строевых лошадей я не только расхожусь с Боше, но решаюсь прямо сказать, что одного предположения, что лошадь может быть «за поводом», достаточно для того, чтобы его метода никогда не была допущена в кавалерии. Если применить его методу в войсках, лошади не будут идти вперед, так как лошадь всегда заминается, если не чувствует направления поводом, а если она стоит за поводом, то не может его и чувствовать. Строевая лошадь должна, напротив, быть непременно «на поводе».

Вот положения, в которых я совершенно расхожусь с великим наездником, но тем не менее я питаю к нему искреннее и восторженное уважение.

Боше был творцом, и все, кто занимается выездкой, должны воздать ему должное, как своему учителю. Все то, что он описывал, он и исполнял на деле. Много было написано после него по части езды, описано много великолепных движений, но вряд ли авторы сумели бы выполнить эти движения на своих лошадях. Боше не на словах, а на деле доказывал превосходство своей методики.

Комментарий специалиста

Три золотых ключа, выявленные Джеймсом Филлисом у Боше, открывают дорогу высшей школы верховой езды все новым и новым поколениям всадников.

Многое в верховой езде сегодняшнего дня уходит своими корнями к прославленным именам, представленным в этой книге, и хотя эти имена уже потерялись в веках, законы и принципы остаются незыблемыми, время внесло свои коррективы, что-то прижилось, а что-то было утеряно.

Что-то можно встретить в других школах и методах езды или найти отголоски старых истин в современных мотивах. Французская школа верховой езды утратила свое лидерство, уступив педантичности и точности работы немецкой, впитавшей в себя старинные традиции как венской школы, так и французской. Еще ведутся дебаты о русской школе верховой езды, которая с каждым годом теряет все больше своих приверженцев, покупающихся на простоту и доступность современной немецкой школы.

Русская национальная школа в свое время впитала в себя и методики Боше, с его умением управлять лошастью только поводом или только шенкелем, и умение автора этой книги добиться от лошади полного подчинения и взаимопонимания.

Время решит, кто прав, а кто нет. Жаль только, что при подготовке к Олимпийским играм все больше и больше стран отправляют в Германию своих перспективных лошадей, где их готовят по единой программе берейторы высокого класса, а выступать на них отправляются

совсем другие. Прекрасное умное животное превращается в машину, правильно исполняющую набор обязательных упражнений программы. Может, поэтому все еще прекрасно смотрятся отечественные всадники в выступлениях произвольной программы езды «Кюр», когда всадник и лошадь под прекрасную музыку выполняют упражнения обязательной программы в любой удобной последовательности, вызывая восторг зрителей и снискав благосклонность судей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ездоком, почти отвечающим полному смыслу этого слова, может быть назван тот, кто может:

- 1) отъездить на самой дурной лошади, которая бьет;
- 2) скакать на препятствия;
- 3) ехать на рысистом бегу;
- 4) скакать на гладкой скачке;
- 5) выезжать и ездить на лошади высшей школы. Усидев на дурноезжей лошади

и отъездив на ней, ездок

докажет, что он крепко сидит в седле и не трус. Если при этом ездок, предчувствуя приступ злости лошади, сумеет предупредить его и не даст лошади проявить упрямство, то докажет, что он и понимает езду.

Скачку с препятствиями я ставлю на втором месте, так как она требует от всадника, кроме крепости в седле и смелости, еще и знания езды, хотя и не особенно тонкого.

Рысистый бег относительно знания езды и способности соображения стоит на третьем месте. Если ездок не знает и не чувствует предельной скорости лошади, то бессознательным посылом он собьет ее. На бегу легче чувствовать предел скорости, чем на скачке.

Гладкую скачку я ставлю на четвертом месте. Чтобы походить на Арчера, Ватса, Каннона, Вебба, нужно обладать умением отдать себе отчет в ходе лошади. Умение это должно быть развито в такой степени, что уже представляет собой искусство. Не выделится из посредственности ездок, который не чувствует лошади, не знает меры ее быстроты. Такой ездок скоро и без толку заморит лошадь. Наибольшая быстрота скачки представляет 1 км в минуту. Можно представить себе, как трудно отдавать себе отчет в оттенках скорости — оттенки эти состоят из секунд.

Если бы на скачке приходилось только гнаться один за другим, то скакать мог бы всякий встречный. Но дело заключается в том, что на скачке надо уметь взять место, уметь повести лошадь с места и вести ее таким ходом, который ей по силам.

Если ездок сделать этого не в состоянии, то он не обладает ни талантом, ни искусством. Если лошадь тянет слишком сильно, то она попусту истощает силу в стремлении перетянуть повод. Поясница и задние конечности бесполезно напрягаются, зад устает, и лошадь не может проявить последнего усилия у столба. Если сразу лошадь распустить, то она почти с места встанет на предельную скорость и тоже устанет раньше времени. Надо обладать большим чутьем и умением, чтобы не впасть ни в ту, ни в другую крайность.

Высшую степень искусства езды представляет собой выездка лошади высшей школы. Надо обладать большим умением, тонкостью приемов, развитым в высшей степени чувством «чувствовать лошадь» и, ко всему этому, знанием лошади. Не зная лошади вообще, можно, выезжая, искалечить ее. Одного тонкого понимания воздействия шенкелей и поводьев недостаточно, необходимо еще и чувствовать шлюссом малейшие движения зада лошади. Только чутким шлюссом наездник может отдавать себе отчет в том, что делается в лошади, и мгновенно исправлять ошибку или награждать за послушание. В этом и заключается весь секрет выездки.

Скаковая лошадь переходит через руки тренера, жокея и других. В случае неудачи каждый из них может сваливать вину на другого. Наездник же работает лошадь один на один, и ему сваливать вину не на кого. Виновником успеха или неудачи является он один, и лошадь есть детище того, кто ее выезжал.

Комментарий специалиста

Джеймс Филлис требует от одного всадника почти невозможного. Можно попробовать себя во всех этих разнообразных отраслях «конской науки», но добиться успеха во всех сразу невозможно просто физически. За прошедшее время специфичность каждой так далеко развела их, накопила столько знаний и умений, что стало просто нереально объять необъятное. Причем отрасли эти сформировали свои кланы, поддерживающие традиции и часто с пренебрежением относящиеся к представителям другой отрасли. Занимающиеся скачками с презрением поглядывают на рысачников, наматывающих бесчисленное количество кругов на своих качалках, вместе они не жалуют спортсменов классической школы. Конкуристы и троеборцы поддразнивают занимающихся выездкой, а любители национальных игр с усмешкой кивают и на тех и на других. Но всех их объединяет одно — любовь к лошади, прекрасному творению природы и человека.

И только человек, прошедший через все школы, методики тренинга и воспитания лошади, может понять, что каждая школа прекрасна по-своему, по-своему мудра и исправно служит своим целям. А главная их цель — сохранить лучшее и дать продолжение всему тому, что создано многими поколениями мастеров своего дела.

ПРИБАВЛЕНИЕ

Однажды, когда я давал представление в Брюсселе, граф д'Утремон обратился ко мне с просьбой дать сеанс на моих лошадях в Королевском клубе, в котором он был председателем. Он выразил желание, чтобы во время сеанса я дал и устное объяснение: «Вы так незаметно пользуетесь помощниками (шенкелями и поводьями), что мы редко когда можем уловить ваши приемы. Мы видим только то, чего добиваетесь вы от лошади. Мы очень желали бы узнать, каким образом вы, делая так мало усилий, получаете так много. Объясните нам».

Сеанс состоялся в один из дней декабря 1890 года. На сеанс собрались все офицеры, состоявшие членами клуба. Работал я на моих лошадях не так, как в цирке. То я ставил лошадь правильно, соответственно тому, что я от нее требовал, то ставил ее неверно и разъяснял, к чему ведет и до чего может довести данный неверный постав.

До каждого приема я давал его теоретическое изложение и подтверждал его демонстрацией.

По окончании сеанса офицеры 2-го полка Гидов просили меня через их командира майора Фивэ пройти с ними курс езды, применительно к требованиям строевой езды.

Я с удовольствием принял предложение. Каждый день от половины одиннадцатого до двенадцати часов манеж 2-го полка Гидов был отдан в мое распоряжение. Весь курс был распределен на 30 уроков. Одновременно я провел курс софицерами 1-го полка Гидов. Занятия в манеже их полка проводились ежедневно от 9 до 11.30 часов утра.

Я установил и провел в точности курс в следующей последовательности.

2-й полк Гидов Е. К. В. Бельгийского Короля, постепенный ход курса выездки под руководством г. Джеймса Филлиса.

I урок

Чтобы усмирить лошадь, надо прогонять ее несколько дней на корде направо и налево.

1) Работа поводом: сгибание челюсти, сначала на месте, затем на ходу (правой рукой брать мундштучные поводья на пять сантиметров от железа и держать высоко, чтобы поднять лошади перед; левой рукой подавать вперед морду лошади левым трензельным поводом, в противовес мундштучных).

Лишь только лошадь сдала, погладить ее и начать снова.

2) Приучать лошадь уступать правому и левому шенкелям.

II урок

1) Сгибание челюстей: пешком и под седлом.

2) Укороченная рысь: а) на левой диагонали, б) на правой диагонали.

Прибавить рыси.

3) Плечом внутрь, на правую и на левую руку.

4) Обратные вольты (направо и налево назад).

III урок

- 1) Повторение второго урока.
- 2) Перемена руки по манежу: пройдя $\frac{3}{4}$ пути, пойти в два следа (на обе руки).3)

Плечом внутрь. Повторение того же движения на обе руки.

IV урок

- 1) Повторение третьего урока.
- 2) Укороченная рысь и перемена руки по диагонали.
- 3) Поднимать в галоп с правой и с левой ноги.
- 4) Работа повода.

V урок

- 1) Повторение четвертого урока.
- 2) Галоп по диагонали.
- 3) Галоп по кругу.
- 4) Перемена руки при переходе в рысь.
- 5) Работа повода.

VI урок

- 1) Боковые сгибания (поводья держать как при сгибании челюсти).
- 2) Галоп по диагонали.
- 3) Галоп по кругу с переменной руки.
- 4) Плечо внутрь.
- 5) Галоп по прямой с переменной руки.
- 6) Работа повода.

VII урок

- 1) Рысь: работа повода.
- 2) Спешиться: сгибание челюсти и боковые сгибания.
- 3) Сгибание на ходу.
- 4) Укороченная рысь: работа повода.
- 5) Галоп и контргалоп.6) Плечом внутрь (боковые движения).
- 7) Принимание по барьеру.
- 8) Собирает лошадь на ходу.

VIII урок

Повторение седьмого урока.

IX урок

- 1) Повторение седьмого урока.
- 2) Темпистая рысь и продолжительный сбор.
- 3) Усиливать работу повода и ставить в повод строже.

X урок

- 1) То же, что и в предыдущем.
- 2) Собранная рысь и движение в два следа.
- 3) Налево и направо кругом.

XI урок

- 1) Повторение предыдущего.
- 2) Галоп и контргалоп по прямой.

XII-XIV уроки

Повторение одиннадцатого урока.

XV урок

- 1) Повторение предыдущего.
- 2) Увеличивать сбор и строже ставить в повод.
- 3) Плечом внутрь по кругу.
- 4) Плечом в поле.
- 5) Галоп.

XVI урок

- 1) Укороченная рысь. Работа повода.
- 2) Спешиться: сгибание мундштуком.
- 3) Сокращенная рысь плечом внутрь, плечом в поле, перемена руки в два следа.
- 4) По кругу: те же упражнения.
- 5) Галоп и контргалоп.
- 6) Перемена руки на переходе в рысь.
- 7) Постановка в полный повод.

XVII урок

- 1) Повторение предыдущего.
- 2) Строже работать повод.
- 3) Полуобороты на заду.

XVIII урок

Повторение предыдущего.

XIX урок

- 1) Рысь: работа повода.
- 2) Спешиться: сгибание мундштуком.
- 3) Сокращенная рысь. Плечом внутрь и в поле.
- 4) Полуобороты на переду.
- 5) Галоп, контргалоп.
- 6) Перемена руки на галопе: дойдя до противоположного барьера, перевод в шаг и подъем в галоп с постановкой головы на каждую руку.
- 7) По прямой: галоп с правой ноги, несколько махов; шагом. Галоп с левой ноги. Повторить несколько раз то же самое.
- 8) По кругу: плечом внутрь и в поле.
- 9) Галоп: плечом внутрь (никогда галопом не принимать по стене, чтобы не приучать лошадь бочить).
- 10) Шагом: постановка в полный повод.

XX урок

- 1) Рысь: работа повода.
- 2) Спешиться: сгибание мундштуком.
- 3) Сокращенная рысь: плечом внутрь и в поле. Переход с одного направления в два следа на другое.
- 4) По кругу: то же движение.
- 5) Галоп, контргалоп, перемена руки на переходе в рысь.
- 6) Постановка в полный повод.

XXI урок

- 1) Сгибание мундштуком на ходу, голову поднять.
- 2) Собирает лошадь. Собранная рысь. Плечом внутрь и в поле.
- 3) Стой, равняйся. Назад равняйся, прямо. (Повторять несколько раз).
- 4) Сокращенная рысь, полувольты и плечом внутрь, кончать полувольты, в два следа.
- 5) Галоп и контргалоп по прямой; перемена руки на галопе, шагом, подходя к барьеру и перемена ноги.
- 6) Полувольты на галопе, перемена ноги.
- 7) Плечом внутрь. Галоп на обе руки.
- 8) По кругу: контргалоп.
- 9) Шагом: постановка в полный повод.

XXII урок

- 1) Повторение вчерашнего урока.
- 2) Галоп. Дубле по большому следу, обратные вольты на той же ноге. Перемена ног.

- 3) Плечом внутрь на вольтах по обе руки.
- 4) Шагом.
- 5) Галоп с правой ноги. Галоп с левой, по три темпа на каждую ногу.
- 6) Постановка в полный повод.
- 7) Подготовка к пассажу.

XXIII урок

- 1) Повторение вчерашнего.
- 2) Окончательная постановка в повод.
- 3) Подготовка к пассажу.

XXIV урок

- 1) Повторение двадцать второго урока.
- 2) Ежедневно усиливать сбор для пассажа.

XXV урок

- 1) Повторение двадцать второго урока.
- 2) Постановка в самый полный повод при конце.

XXVI-XXX уроки

- 1) Повторение двадцать второго урока. Все большая и большая постановка в повод.
- 2) Пассаж: несколько шагов. Приласкать, начать снова.

Брюссель, 5 января 1891 года

Командир адъютант-майор *Ф. де Хазе*.

Прилагаемое письмо, за которое приношу сердечную благодарность подписавшим его лицам, свидетельствует о том, что результаты оказались отличные. «Дорогой господин Филлис!

Вы выпускаете новое издание Вашей книги («Основы выездки») как раз в то время, когда мы считаем долгом засвидетельствовать Вам наше восторженное удивление перед принципами выездки, которым Вы нас научили. Благодаря Вам мы приобрели умение соединить в одно разумную энергию и терпение. Нам не приходится больше горячиться, прибегать к неуместным наказаниям, которые так вредят успеху.

Усвоив Вашу методику и руководствуясь вашими указаниями, нам удалось за тридцать уроков поставить правильно самых разнохарактерных лошадей, не испортив ни одной из них.

Теперь мы сознаем, что основы выездки, которых мы до сего времени придерживались, далеко не давали таких быстрых и верных результатов. К выражениям восторга, который вы везде к себе возбуждаете, присоединяем и мы нашу дань похвалы.

Командир адъютант-майор

Ф. де Хазе.

Командир капитан'

•

Ламбер.

Командир

Фиве.

Поручики

Хери, П. Биурж, Ле Гран,

Г. Гейдело, Ф. Док, граф Жан де Мерод,

М. д'Эпель, Р. Пик, Ванлокер.

Капитаны

де Форманди, М. Леклерк, Биа».

В Бельгии никто никогда не упрекал меня за то, что я показывал выездку моих лошадей в цирке.

Там считают, что единственное место, где нужно показывать езду, — это цирк и что наезднику так же уместно проявлять свое искусство в цирке, как певцу петь в опере, академику,

нарядившись в зеленое, бормотать речь под куполом института. В Брюсселе от наездника требуют только, чтобы он хорошо знал то, чему он намерен учить. Кавалерийским офицерам, кроме основательного знания езды, приходится так много работать по разным другим отраслям военного дела, что времени для изучения езды в ее высшем развитии им остается слишком мало. Необходимость специализации обучения строевой езде становится очевидной.

Мне кажется, этими словами я передаю мысли офицеров бельгийской кавалерии, с которыми мне выпала честь общаться.

(От издателя. В начале 1898 года несколько любителей господ офицеров Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка пригласили Джеймса Филлиса дать им 30 уроков строевой езды ежедневно от 5 до 6 часов вечера. В этой смене имел удовольствие ездить и я. Лошади добились поразительных успехов.)

Комментарий специалиста

Представленное руководство не требует объяснений и приглашает к действию каждого, кто хоть раз пробовал работать лошадью, а не просто кататься на ней, как пассажир, за хвостом головного в смене по манежу или в поле. Наверное, поэтому книга эта всегда вызывала огромный интерес, но была сложна для восприятия в силу устаревшего языка и стиля, сложности и своеобразия лексики и использования иностранного языка. Пусть это издание, адаптированное и дополненное, поможет вам в вашей работе и просто доставит удовольствие.

Удачи Вам!

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов М.Д., Кузин С.А., Рогалев Г. Т. Дрессировка лошадей в цирке. — М.: Искусство, 1979.
- Афанасьев СВ., Ляхов В.Н. Альбом пород лошадей СССР. — М.; Л., 1953.
- Барминцев Ю.Н. и др. Коннозаводство и конный спорт. — М.: Колос, 1972.
- Борисович Ю.Ф., Кириллов И.В. Инфекционные болезни животных: Справочник. — М.: Агропромиздат, 1987.
- Витт В. О. Из истории русского коннозаводства. — М.: Сельхозгиз, 1952.
- Врангель К.Г. Книга о лошади. Т. 1—2. — Санкт-Петербург, 1896.
- Дюрст Ульрих. Экстерьер лошади. — М.; Л., 1936.
- Ефремов Г., Неволин В. Конная подготовка. — М.: Изд-во ДОСАРМ, 1950.
- Ковалевская В.Б. Конь и всадник. — М.: Колос, 1977.
- Книга о лошади/Под ред. СМ. Буденного. Т. 1—5. — М.: Сельхозгиз, 1952-1960.
- Коневодство/Поя ред. А.С. Красникова. — М.: Колос, 1973.
- Конный спорт. Правила соревнований. — М.: Физкультура и спорт, 1987.
- Конный спорт: Пособие для тренеров, преподавателей, коневодов и спортсменов. Сокр. пер. с нем. яз./Под ред. Э. Эзе. — М.: Физкультура и спорт, 1983.
- Красников А.С. Экстерьер лошади. — М.: Сельхозгиз, 1957.
- Красников А.С. Практикум по коневодству. — М.: Колос, 1977.
- Кревер С.Н. Подковывание и болезни копыт лошади; 2-е изд. — М.: Сельхозгиз, 1954.
- Куна Т.Дж. Кормление лошадей. Пер. с англ. — М.: Колос, 1983.
- Ласков А.А. и др. Тренинг и испытания верховых лошадей. — М.: Колос, 1982.
- Мозгов И.Е. Ветеринарная рецептура с основами терапии и профилактики: Справочник. — М.: Агропромиздат, 1988.
- Рогалевич М.И. Разведение, содержание и использование лошади. — М., 1943.
- Справочник по коневодству. — М.: Колос, 1983.
- Султан-Гирей С.А. Верховая лошадь. Уход за ней. Тренировка и езда. — М.; Л., 1930.
- Урусов СП. Книга о лошади. — М.: Центрполиграф, 2000.
- Урусов СП. Прыжок: Компильативное исследование механизма движений лошади. — М., 1899.
- Федотов П.А. Коневодство; 2-е изд. — М.: Агропромиздат, 1989.
- Юрасов Н.А. Коневодство; 2-е изд. — М., 1939.
- Bauer H. Das Buch vom Pferde. 1954.
- Codrington W.S. Know your horse. A guide to selection and care in health... 1966.
- Ensminger M. Horses and horsemanship; 4 ed. 1969.
- Self M.C. Horses, their selection, care and handling. 1945.
- Summerheys R.S. Encyclopedia for Horsemen. London: Warne & C° LTD, 1959.
- Zorn W. Pferdezucht, 1952.
- Wall J.F. A horseman's handbool on practical breeding. 1942.